Глубокоуважаемому
Александру Аполлонову
Мануилову
отъ благодарнаго
автора
19 23/IX 17 г.

Озимовский, М

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

Очеркъ I.

Малоземелье. Ростъ городовъ и селъ. Переселенческое движеніе.

I. Малоземелье.

Читатель, должно быть, уже лѣтъ пятьдесятъ встрѣчаетъ въ толстыхъ журналахъ фразу: «въ нашу переходную эпоху, когда... и т. д.». Онъ успѣлъ привыкнуть къ этой шаблонной фразеологіи и не обращаетъ на нее вниманія, но мы настойчиво просимъ тѣхъ, кто возьмется за настоящую статью, съ первыхъ же строкъ твердо усвоить, что относительно современнаго крестьянскаго хозяйства—это не фраза, что дѣйствительно въ немъ происходитъ коренной сдвигъ со старыхъ вѣковыхъ устоевъ: переходъ изъ *экстенсивнаго* въ *интенсивный* фазисъ аграрной эволюціи. Этотъ переходъ продлится вѣроятно десятки лѣтъ, но дальнѣйшее теченіе эволюціи сильно зависитъ отъ того исходнаго пункта, который мы переживаемъ въ настоящій моментъ.

Коренной вопросъ, возникающій теперь передъ нами, состоитъ въ томъ, измѣняетъ ли это новое явленіе сельско-хозяйственной жизни Россіи основы того направленія аграрной политики, главнѣйшей задачей котораго до 1900-хъ гг. прогрессивные элементы общества и даже нѣкоторые представители бюрократіи считали уничтоженіе или по крайней мѣрѣ смягченіе остраго крестьянскаго малоземелья. Покойный А. И. Чупровъ не разъ говорилъ, что удвоеніе урожаевъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ произвело бы такой же самый эффектъ, какъ и увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія на 70 милл. десятинъ; однако, онъ и не думалъ отрицать необходимость такъ или иначе покончить съ малоземельемъ. Онъ не превращалъ аграрнаго вопроса въ дилемму—*или* сельскохозяйственный прогрессъ, *или* расширеніе крестьянскаго землепользованія, къ чему склоняются теперь нѣкоторые ученые; онъ, какъ и большинство экономистовъ того времени, полагалъ, что это—двѣ части одной и той же формулы, относящіяся другъ къ другу какъ слѣд-

ствіе къ причинѣ: *безъ устраненія крестьянскаго малоземелья, въ Россіи немыслимъ устойчивый сельско-хозяйственный прогрессъ.*

Правительство своей «ставкой на сильныхъ» повернуло вниманіе общества въ другую сторону: только что приведенная формула была на время забыта, хотя малоземелье не устранено, хотя каждый годъ въ деревнѣ наростаютъ милліоны избыточнаго населенія и крестьяне не перестаютъ стремиться на востокъ, въ Сибирь, также жадно покупаютъ и арендуютъ помѣщичьи земли—вообще изыскиваютъ всѣ возможные способы, чтобы покрыть земельную нужду. Не проходитъ ни одной сессіи Государственной Думы, чтобы даже правые депутаты отъ крестьянъ не пытались поставить на очередь вопросъ о малоземельи, и этотъ фактъ яснѣе многихъ другихъ доказываетъ, что въ отношеніи самихъ крестьянъ къ данному вопросу пока ничего не измѣнилось. Но можетъ быть измѣнится въ ближайшемъ будущемъ? Можетъ быть, удвоеніе урожаевъ заставитъ и крестьянъ забыть о своемъ малоземельи, какъ забыла о немъ наша интеллигенція?..

Но въ томъ-то и суть, что если вышеприведенная формула правильна, то удвоенія урожаевъ невозможно добиться безъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ прежней его постановкѣ. Пока этого удвоенія нѣтъ, крестьяне, если бы и хотѣли, не могутъ забыть про земельную нужду, потому что малоземелье для нихъ—синонимъ недоѣданія, и голодный желудокъ будетъ о немъ постоянно напоминать; а интеллигенція и правительство не должны забывать потому, что *развитіе производительныхъ силъ* тормозится малоземельемъ теперь въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ при экстенсивномъ хозяйствѣ.

Устойчивое развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ достигается одновременнымъ гармоническимъ развитіемъ производительности *земли* и производительности человѣческаго *труда.* Производительность земли измѣряется количествомъ продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади, производительность труда—количествомъ продуктовъ, приходящихся на одного человѣка, занятаго въ производствѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Китаѣ, производительность земли очень высока, но, несмотря на это, земледѣльческое населеніе бѣдно, часто голодаетъ, хотя работаетъ по 15 часовъ въ сутки, трезво и крайне неприхотливо. Это происходитъ оттого, что китайцы не знакомы съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій и раціональныхъ пріемовъ агрикультуры, повышающихъ производительность труда, и эта послѣдняя стоитъ на низкой ступени. Въ другихъ странахъ, съ экстенсивнымъ хищническимъ земледѣліемъ, продуктивность труда, наоборотъ, бываетъ

очень высокой, но лишь до тѣхъ поръ, пока природное плодородіе почвы не истощено. Если земледѣлецъ не будетъ заботиться о возстановленіи и развитіи естественнаго плодородія почвы—неминуемъ земледѣльческій кризисъ, неминуемо послѣдующее паденіе производительности труда. Въ концѣ XIX-го вѣка Соединенные Штаты Сѣв. Америки, сельское хозяйство которыхъ представляло образецъ именно такой «хищнической» производительности труда, уже приближалось къ кризису, и только совмѣстными усиліями правительства, общества и народа кризисъ былъ предотвращенъ. По удостовѣренію бывшаго министра земледѣлія, Вильсона, союзъ уже перешелъ хищническую, первобытную стадію сельскаго хозяйства, и производительность земли всюду поднялась.

Въ сельскомъ хозяйствѣ государствъ Западной Европы наблюдается въ настоящее время болѣе или менѣе гармоническое сочетаніе обоихъ факторовъ развитія производительныхъ силъ. Въ результатѣ, при меньшей плотности сельскаго населенія (по отношенію къ обрабатываемой территоріи), чѣмъ у насъ (что свидѣтельствуетъ о меньшихъ затратахъ человѣческаго труда), производительность земли въ Западной Европѣ гораздо выше нашей.

	На 100 дес. обрабат земли приходится сельскаго населенія.	Урожайность въ пудахъ съ 1 дес.
Европ. Россія	136	45,9
Великобританія	79	126
Германія	107	118
Франція	84	85
Австро-Венгрія	126	80

Въ Россіи, за отсутствіемъ данныхъ послѣднихъ лѣтъ, взята не площадь пашни, а площадь посѣва, но это мало мѣняетъ дѣло, потому что въ Зап. Европѣ площадь подъ парами очень не велика. Если мы даже включимъ приблизительную площадь пара ($=1/2$ посѣвной) въ Россіи въ составъ обрабатываемой земли, то все таки плотность сельскаго населенія по отношенію къ культивируемой территоріи у насъ составитъ 91 чел. на 100 дес., т. е. *больше* чѣмъ въ Великобританіи и Франціи, между тѣмъ какъ урожайность въ этихъ странахъ выше нашей въ 2—3 раза [1]). Извѣстно, что развитіе произ-

1) Для опредѣленія урожайности взяты среднія данныя 1901—10 гг. по всѣмъ государствамъ. Населенія и площадь обрабатываемой земли въ Россіи—1910 г., Германіи—1900—5 гг., Франціи 1906—8, Великобританіи—1911, Австро-Венгріи—1907—8. Въ Великобританіи въ обрабатываемую площадь включены луга. Подсчетъ произведенъ по сборнику статистики экон. свѣд. по с.-хоз. нѣкот. иностр. государствъ вып. V.

водительности земли въ Западной Европѣ стало замѣтно, главнымъ образомъ, со второй половины XIX вѣка и было вызвано, какъ непосредственными агрикультурными и экономическими мѣропріятіями правительства и содѣйствіемъ интеллигентныхъ силъ общества, такъ и общей хозяйственной, культурной и политической эволюціей западно-европейскихъ странъ. Имѣло, конечно, большое значеніе и развитіе рыночныхъ отношеній. Въ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства земледѣлецъ связывается съ рынкомъ, какъ покупатель продуктовъ индустріи и какъ продавецъ своихъ продуктовъ. Крестьянину, ведущему экстенсивное зерновое хозяйство, рыночные продукты нужны въ ограниченномъ количествѣ; ни сѣмянъ, ни навоза онъ не покупаетъ, соху, борону ладитъ самъ. Если размѣры его хозяйства, какъ напр. на югѣ и юго-востокѣ, становятся относительно крупными, онъ пріобрѣтаетъ плуги и уборочныя машины— и только. Продаются же въ нормальной соціально-политической обстановкѣ только излишки продуктовъ, остающіеся за покрытіемъ собственныхъ нуждъ. Не то въ интенсивномъ хозяйствѣ. Тутъ усиливаются и покупка усовершенствованныхъ орудій, разныхъ сѣмянъ, удобренія, и продажа своихъ продуктовъ. Свеклу, картофель, ленъ, множество второстепенныхъ торговыхъ растеній самый мелкій трудовой земледѣлецъ производитъ не столько для себя, сколько на рынокъ. Туда же отвозитъ онъ и выкормленнаго теленка, свинью, птицу. И къ развитію торговыхъ отношеній его теперь вынуждаютъ уже не тяжелыя подати, не аренда и купля земель, какъ у насъ, а самый типъ хозяйства, характеръ сѣвооборота.

Но не одно слабое развитіе рынка, не только недостатокъ агрикультурнаго и экономическаго воздѣйствія сверху, невѣжество массъ и политическій гнетъ тормозятъ у насъ развитіе производительныхъ силъ. Огромное значеніе имѣло еще одно обстоятельство, на которое, до сихъ поръ, обращалось сравнительно мало вниманія. Въ Западной Европѣ со второй половины XIX вѣка весь приростъ сельскаго населенія сталъ уходить въ города или эмигрировать за океанъ, а такъ какъ эмигранты рекрутировались изъ малоземельныхъ элементовъ деревни, то главная задача соціальной аграрной политики, стоящая у насъ поперекъ дороги къ развитію производительныхъ силъ, въ Западной Европѣ разрѣшалась сама собой.

Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ для выясненія особенностей русской аграрной политики. Поэтому мы позволимъ себѣ его иллюстрировать двумя таблицами.

И въ государствахъ Западной Европы, и у насъ происходитъ территоріальное измельчаніе, *дробленіе* хозяйствъ. Это—закономѣрность, общая не только для Европы, но, повидимому, и для бо́ль-

шей части странъ всего свѣта. Но самый *типъ* дробленія на Западѣ и у насъ совершенно различенъ.

$^0/_0$ хозяйствъ:

А. Западная Европа [1]).

Франція:

	Хоз. съ 1—5 гект.	5—20 г.	20—40 г.	Свыше 40 г.
1866 г. . .	56,3	30,5	8,4	4,8
1892 » . .	52,8	35,1	8,1	4,0

Великобританія:

	Хоз. 0, 4—2 гект.	2—20 г.	20—120 г.	Свыше 120 г.
1885 г. . .	25,7	44,1	26,5	3,7
1908 » . .	21,2	45,6	29,7	3,5

Германія:

	Хоз. съ 1—5 гект.	5—20 г.	20—100 г.	Свыше 100 г.
1882 г. . .	57,4	30,9	9,5	2,2
1907 » . .	54,1	35,0	8,9	2,0

Типъ дробленія въ этихъ странахъ выясняется посредствомъ вычисленія $^0/_0$ измѣненій каждаго слоя.

Каждый слой относительно сократился (—) или увеличился (+):

	I	II	III	IV
Во Франціи	— 6,2	+15,1	— 3,6	—16,7
Въ Великобританіи.	—17,5	+ 3,4	+12,1	— 5,4
Въ Германіи	— 5,8	+13,3	— 6,0	— 9,1

Этотъ типъ мы, слѣдуя Н. Н. Черненкову, называемъ *нивелировкой*. Крайніе слои—самыя мелкія и самыя крупныя хозяйства—сокращаются въ числѣ, средніе увеличиваются: во Франціи и Германіи постепенно возрастаютъ среднія трудовыя хозяйства, въ Великобританіи—мелко-буржуазныя. Въ Россіи дробленіе носитъ совершенно иной характеръ. Вслѣдствіе особенностей русскихъ статистическихъ матеріаловъ, мы должны сопоставить отдѣльно крестьянскія и частно-владѣльческія группировки.

---

[1]) Въ европейскихъ государствахъ мы отбросили крайне мелкія парцельныя хозяйства, для которыхъ свой участокъ не столько источникъ заработка, сколько развлеченіе, отдыхъ отъ фабричной работы, или «приварокъ» для сельскихъ батраковъ въ крупныхъ имѣніяхъ.

Россія (Европейская).

Крестьяне.

60-е гг. % ревизскихъ душъ съ надѣломъ:

до 2 дес.	2—6 дес.	свыше 6 дес.
11,2	68,2	20,6

1905 г. % дворовъ съ надѣломъ:

до 5 дес.	5—15 дес.	свыше 15 дес.
22,6	61,4	16,0

Измѣненіе каждаго слоя въ %

+101,8	—10,0	—19,7

Частные владѣльцы.

1877 г.

до 50 дес.	50—200 дес.	200—500 дес.	свыше 500 дес.
77,5	11,6	5,0	5,9

1905 г.

79,2	12,3	4,6	3,9

Измѣненіе каждаго слоя въ %

+ 2,2	+ 6,0	—8,0	—33,9

Общую перегруппировку крестьянскихъ и владѣльческихъ хозяйствъ, взятыхъ вмѣстѣ, можно изучить по даннымъ военно-конскихъ переписей (по 38 губерніямъ).

% хозяйствъ.

Безъ раб. лош.	Съ 1—2 лош.	3—5 лош.	6 и выше.
1888—91 гг.			
28,2	58,7	11,3	1,8
1904—6 гг.			
32,9	58,5	7,4	1,2
Измѣненіе каждаго слоя въ %			
+16,7	— 0,3	—34,5	—50,0

Для того, чтобы очертить яснѣе типъ эволюціи, происходившей у насъ за послѣдніе полвѣка, мы захватили, насколько могли, самые длинные хронологическіе промежутки; при этомъ, намъ пришлось прибѣгнуть къ нѣсколько грубоватымъ пріемамъ, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется, такъ какъ типъ нашего русскаго процесса эволюціи общеизвѣстенъ и подтверждается безчисленнымъ множествомъ другихъ статистическихъ данныхъ. Это—тоже дробленіе, но дробленіе иного вида, чѣмъ въ Европѣ: оно называется подвижкой внизъ, наростаніемъ малоземелья, деревенскимъ оскудѣніемъ, пауперизаціей. Болѣе крупныя хозяйства дробятся, распро

даются, словомъ—сокращаются очень замѣтно; но на другомъ концѣ экономической лѣстницы еще быстрѣе наростаютъ малоземельныя, безлошадныя, малосильныя хозяйства, и вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе вліянія политическихъ факторовъ, какъ отошедшихъ въ исторію, такъ и дѣйствующихъ понынѣ, распредѣленіе земли у насъ менѣе равномѣрно, чѣмъ въ европейскихъ странахъ.

Фундаментъ теперешняго крестьянскаго малоземелья былъ заложенъ при освобожденіи отъ крѣпостного права, когда 2,3 милліона ревизскихъ душъ получили меньше, чѣмъ по десятинѣ каждая, а 1,2 милліона населенія вышли на нищенскій, дарственный надѣлъ. Далѣе малоземелье развивалось уже органически, вслѣдствіе естественнаго прироста, которому, за небольшой емкостью городовъ и промышленности, некуда было податься. Оберегая интересы крупнаго землевладѣнія и хозяйства, правительство долго либо препятствовало, либо вяло, неохотно, лишь по нуждѣ помогало малоземельнымъ, ищущимъ выхода въ переселеніи, въ арендѣ и куплѣ господскихъ земель. Малоземелье ширилось, росло оскудѣніе, накоплялось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы—было уже поздно: для десятковъ милліоновъ скопившагося избыточнаго населенія они оказались слишкомъ тѣсными. Въ настоящій моментъ кадры малоземельныхъ у насъ, по самымъ скромнымъ разсчетамъ—напримѣръ, г. Прокоповича [1])—равняются 6,2 милліонамъ дворовъ, не считая дворовъ вовсе безземельныхъ.

Если бы правительство съ того момента, съ котораго и для него обнаружились тяжелыя экономическія послѣдствія освободительной реформы, т. е. съ начала 70-хъ годовъ, взялось энергично и умѣло за ихъ исправленіе; если бы переселеніе было поставлено широко, примѣрно по образцу программы гр. Киселева при Николаѣ I; если бы крестьянамъ съ первыхъ же лѣтъ былъ открытъ широкій кредитъ на покупку владѣльческихъ земель и другія хозяйственныя надобности; если бы, наконецъ, агрономическая помощь населенію измѣрялась не грошами, а рублями на десятину, то, при наличности благопріятныхъ соціальныхъ условій, даже при отсутствіи развитой индустріи, у насъ не было бы такой острой постановки аграрнаго вопроса. Теперь же, спустя 50 лѣтъ послѣ освобожденія, наша аграрная проблема, не измѣнившись въ своемъ содержаніи, только выросла и осложнилась.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на сложномъ вопросѣ о значеніи самаго термина «малоземелье». Скажемъ только, что, по

1) См. «Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства», стр. 15. Авторъ считаетъ малоземельными всѣхъ, имѣющихъ меньше 8 дес. надѣла.

чисто практическимъ соображеніямъ, подъ малоземельными мы будемъ подразумѣвать въ дальнѣйшемъ изложеніи крестьянъ, имѣющихъ надѣлы меньше потребительной нормы, собственное земледѣльческое хозяйство которыхъ не въ состояніи дать удовлетвореніе хотя бы насущнымъ личнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ крестьянской семьи. Этотъ видъ малоземелья, который иногда называется «абсолютнымъ», особенно задерживаетъ ходъ развитія производительныхъ силъ (главнымъ образомъ — производительности труда) по слѣдующимъ главнымъ основаніямъ.

1. Хозяйства, площадь которыхъ не покрываетъ насущныхъ личныхъ, хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ членовъ семьи, принуждены покрывать недоборъ заработками на сторонѣ. Въ малоземельныхъ слояхъ .% промышленниковъ всегда выше, чѣмъ въ средне-и много-земельныхъ. Отъ этого происходитъ безплодная растрата труда крестьянъ [1]), вынужденныхъ за лишнимъ десяткомъ рублей уходить порой за тысячи верстъ. Въ земледѣльческихъ раіонахъ довольно много малоземельныхъ крестьянъ батрачатъ у сосѣднихъ помѣщиковъ. Но гдѣ бы малоземельный ни находилъ заработокъ—вблизи ли своего дома, или на другомъ краю Россіи—во всякомъ случаѣ страдаетъ его собственное хозяйство, такъ какъ дома онъ можетъ работать лишь урывками, или заставляетъ работать не настоящихъ работниковъ, а подсобныя вспомогательныя силы семьи: женщинъ, подростковъ, стариковъ. Если онъ не уходитъ на сторону и не батрачитъ вблизи, онъ втридорога арендуетъ по сосѣдству господскую пашню. Когда еще преобладали натуральныя формы аренды, малоземельный отрабатывалъ арендную плату раньше на господской пашнѣ, а на своей пропускалъ горячую пору пахоты и жнитва: земля высыхала или хлѣбъ осыпался на корню. И теперь натуральныя—самыя дорогія—формы аренды остаются удѣломъ малоземельныхъ. Прибавимъ еще сюда непроизводительную растрату труда при длинныхъ переѣздахъ съ господской пашни на арендованную, съ арендованной на свою. При экстенсивномъ хозяйствѣ, при избыткѣ рабочихъ рукъ, никто не заботится объ этой безплодной растратѣ энергіи, ибо время у всѣхъ «некупленное». Переходъ къ интенсификаціи требуетъ бережнаго отношенія къ труду, требуетъ, чтобы трудъ и время использовались *раціонально*—а малоземельный, въ погонѣ за заработками на сторонѣ и арендой, не въ состояніи выполнить этого требованія.

Итакъ, первая причина задержки малоземельными хозяевами

---

1) Мы говоримъ объ отхожихъ заработкахъ: домашніе кустарные промыслы мало развиты въ черноземной полосѣ, болѣе всего страдающей отъ малоземелья.

развитія производительныхъ силъ—непродуктивная растрата избыточнаго труда. Въ погонѣ за лишнимъ кускомъ хлѣба, цѣня ни во что избытокъ своего труда, не находящаго продуктивнаго приложенія у себя дома, малоземельные готовы продать его за ломаный грошъ. Рабочія руки—этотъ главный народно-хозяйственный капиталъ, творящій народное счастье—у насъ никому не нужная рухлядь.

2. Избытку рабочихъ рукъ, не используемому раціонально, соотвѣтствуетъ избытокъ земледѣльческаго *капитала.* Въ брошюрѣ кн. Кудашева: «Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія хозяйственной техники» приводятся балансы доходовъ и расходовъ на десятину въ хозяйствахъ разной величины. Оказывается, что въ хозяйствахъ меньше 6 дес. при экстенсивныхъ системахъ чистый убытокъ на десятину равенъ 23 р. 45 к., при интенсивныхъ—11 р. 34 к.; эта убыточность происходитъ отъ слишкомъ большого скопленія земледѣльческихъ орудій, скота и построекъ на небольшой площади. П. А. Вихляевъ массовыми вычисленіями вполнѣ подтвердилъ теоретическіе разсчеты кн. Кудашева. Рабочая сила одной лошади используется на площади въ 4 — 5 дес. посѣва, а такая площадь существуетъ лишь въ хозяйствахъ съ 8 — 10 дес. При 5 — 6 дес. достаточно одной лошади на два хозяйства. Въ такихъ мелкихъ хозяйствахъ было бы раціональнѣе поступить по примѣру корейцевъ и китайцевъ, замѣняющихъ рабочій скотъ человѣческимъ трудомъ. Но такой способъ обработки раціоналенъ лишь при самыхъ интенсивныхъ системахъ, приближающихся къ огороднымъ; притомъ, онъ низводитъ человѣка на уровень рабочаго скота. Европейскія и особенно американскія системы, наоборотъ, стремятся, насколько возможно, освободить человѣка отъ физическаго труда, замѣняя его трудомъ машинъ и скота. Въ этомъ же направленіи должна идти и наша сельско-хозяйственная эволюція, если мы желаемъ, чтобы Россія не отставала отъ Европы.

3. Имѣя избыточный земледѣльческій капиталъ, малоземельные не могутъ, въ то же время, старательнѣе обрабатывать землю не только потому, что рабочія руки у нихъ часто расходуются на сторонѣ, а дома остаются второсортные работники, но и потому, что скотъ и орудія у нихъ плохіе, мало продуктивные въ работѣ. Даже въ Германіи малоземельные примѣняютъ гораздо меньше усовершенствованныхъ орудій, чѣмъ остальныя группы: въ группѣ 0,5—2 гект. % хозяевъ съ усовершенствованными орудіями равенъ 8,9%, въ группѣ отъ 2 до 5 гект.—32,4%, отъ 5 до 20—72,5%. Въ херсонскомъ земскомъ складѣ (1904 г.) посѣвщиками до 5 дес. куплено 0,8 всѣхъ усовершенствованныхъ орудій, отъ 5 до 7—4,2%, отъ 7 до 15—33,6%, свыше 15—61,4%.

4. Переходъ къ интенсификаціи для малоземельныхъ крайне затрудненъ какъ отсутствіемъ средствъ, не позволяющимъ пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины, улучшенный скотъ, сѣмена, минеральныя удобренія, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что многопольный сѣвооборотъ, являющійся основой интенсивнаго хозяйства, требуетъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ своего развитія, опредѣленнаго минимума земельной площади. По словамъ В. Г. Бажаева, «мы не можемъ не считаться съ доказаннымъ отрицательнымъ вліяніемъ даже и менѣе остраго малоземелья на всякій вообще агрикультурный прогрессъ». Авторъ приводитъ въ примѣръ Волоколамскій у., Московской губ., «гдѣ наиболѣе малоземельныя мѣстности до сихъ поръ выдѣляются пятнами полнымъ отсутствіемъ введенныхъ въ сѣвооборотъ клеверныхъ посѣвовъ». У малоземельныхъ наиболѣе нарушено правильное соотношеніе между пахотными и сѣнокосными угодьями, а чрезмѣрная распашка участковъ ведетъ къ сокращенію скотоводства. Узко- и мелко-полосица, составляющая также одно изъ весьма существенныхъ препятствій для интенсификаціи, особенно развивается въ малоземельныхъ общинахъ и хозяйствахъ, въ которыхъ общинно-передѣльный механизмъ функціонировалъ сравнительно слабо.

5. Къ препятствіямъ техническаго свойства присоединяется цѣлый ассортиментъ экономическихъ, которыя приводятъ къ полной невозможности накопленія какихъ-либо денежныхъ избытковъ, необходимыхъ для перехода къ интенсивному хозяйству. Малоземельные задолжены болѣе другихъ группъ; при этомъ, такъ какъ заимодавецъ, предоставляя кредитъ малообезпеченнымъ хозяевамъ, рискуетъ сильнѣе, онъ беретъ съ нихъ большій процентъ за рискъ. Имъ часто не хватаетъ хлѣба до новины, и они покупаютъ его зимой и весной по дорогимъ цѣнамъ, осенью же, для уплаты за аренду, по долгамъ, повинностей и т. п., они должны продавать его задешево.

Эти и цѣлый рядъ подобныхъ причинъ, въ связи съ малопроизводительными растратами труда и капитала, дѣлаютъ малоземельныя хозяйства крайне убыточными: малоземельные постоянно перебиваются съ хлѣба на квасъ, главныя ихъ заботы устремлены на погашеніе продовольственныхъ нуждъ и въ ихъ бюджетахъ преобладаютъ *личные*, а не хозяйственные расходы, при чемъ личные расходы направлены не на удовлетвореніе болѣе культурныхъ потребностей въ одеждѣ, жилищѣ и т. под., а на самую примитивную потребность въ пищѣ.

Многія изъ экономическихъ причинъ убыточности малоземельныхъ хозяйствъ могли бы быть устранены кооперативными орга-

низаціями мелкаго кредита. Но, вслѣдствіе своей малой кредитоспособности, оскудѣвшіе элементы деревни неохотно принимаются въ члены кооперативовъ. Взявъ изъ офиціальнаго отчета по мелкому кредиту за 1907 г. группировки членовъ кредитныхъ обществъ по лошадямъ и сопоставивъ ихъ съ соотвѣтственными группировками всѣхъ крестьянъ по военно-конскимъ переписямъ 1905 г., получаемъ % членовъ кредитныхъ товариществъ:

Среди безлошадныхъ дворовъ	11,3
Съ 1 лошадью	17,8
Съ 2 »	24,2
Съ 3—4 »	19,7
Съ 5 и болѣе лош.	16,8

Максимумъ членовъ кредитныхъ т-въ оказывается не въ средѣ многолошадныхъ, а въ средней группѣ—двулошадныхъ. Безлошадные участвуютъ въ кооперацiяхъ въ $2^1/_2$ раза меньше двулошадныхъ, одно-и пяти-лошадные—въ $1^1/_2$ раза.

6. Скудно питаясь, живя въ невозможныхъ гигиеническихъ условiяхъ, малоземельные отличаются сравнительно малой рождаемостью, высокой смертностью, а потому слабымъ естественнымъ приростомъ. Приростъ у малоземельныхъ (получившихъ до 2-хъ дес. на ревизскую душу) вдвое меньше, чѣмъ у многоземельныхъ. Наоборотъ, калѣкъ и больныхъ у малоземельныхъ вдвое больше. Слабый приростъ, болѣзненность, увѣчность—все это признаки вырожденія и, какъ слѣдствія его, пониженія трудоспособности.

7. Послѣдній мазокъ этой неприглядной картины накладывается безграмотностью, некультурностью малоземельныхъ, которымъ, по иронiи судьбы, несмотря на огромные запасы избыточнаго труда, бываетъ часто некогда посылать дѣтей въ школы, не во что ихъ одѣть, не на что купить букварь, керосинъ для вечернихъ занятій. Семьи малоземельныхъ невелики, и на восьми-девятилѣтнихъ ребятъ приходится возлагать присмотръ за домомъ и за младенцами, когда старшіе уходятъ на работу.

Приведенныя доказательства пониженной производительности труда у малоземельныхъ хотя и могутъ быть подтверждены обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, но, въ сущности, не нуждаются въ такомъ подтвержденіи. Каждый знаетъ, что малоземелье въ сельскомъ хозяйствѣ—синонимъ бѣдности; бѣдность же ведетъ къ большой задолженности, закабаленности, повышенной смертности, болѣзненности, калѣчности, некультурности, плохому качеству орудій труда, погонѣ за стороннимъ заработкомъ, вредящей собственному

хозяйству. Съ другой стороны, малоземельные хотя и бѣдны, но, въ силу необходимости имѣть каждому лошаденку, соху, избушку, телѣгу, переобременены земледѣльческимъ капиталомъ, еще болѣе—рабочими руками, и безплодно растрачиваютъ свои силы и средства. Если бы владѣлецъ помѣстья въ 10 тыс. десятинъ нагналъ въ свое имѣнье столько людей, скота, орудій, сколько ихъ имѣется у 2—3 тысячъ «абсолютно» малоземельныхъ хозяевъ, занимающихъ такую же площадь—онъ бы разорился въ одну недѣлю. Бѣдность и своеобразное богатство, неотвратимая «роскошь» и расточительность связаны неразрывными узами съ малоземельемъ. Только съ уничтоженіемъ «абсолютнаго» малоземелья будетъ сброшена съ ногъ русскаго народа эта стопудовая гиря, мѣшающая ему свободно двигаться по пути с.-хозяйственнаго прогресса. И не только ради подъема экономическаго уровня и культурности вѣчно голодныхъ, забитыхъ, невѣжественныхъ массъ—нѣтъ, ради свободнаго развитія производительныхъ силъ, одинаково необходимаго для народа и для государства, одинаково признаваемаго всѣми партіями, всѣми направленіями—необходимо такъ или иначе покончить съ малоземельемъ. Достаточно указать, что по Воронежскимъ массовымъ бюджетамъ безземельные и малоземельные не добирали на работника 30—50 р. доходовъ, сравнительно со средними слоями, чтобы оцѣнить убыточность малоземелья для страны не менѣе, чѣмъ въ милліардъ рублей въ годъ.

Какъ же можно покончить съ малоземельемъ? Всматриваясь пристальнѣе въ эту задачу, мы находимъ въ ней не одинъ, а два вопроса:

1. Какъ покончить съ малоземельемъ, накопившимся уже къ настоящему моменту?

2. Какъ предотвратить дальнѣйшее наростаніе малоземелья?

Примѣнивъ къ соціальной аграрной политикѣ термины земской статистики, можно назвать первый вопросъ *основной* задачей этой политики, второй—*текущей*. Время еще не приспѣло говорить объ основной задачѣ, съ разсчетомъ на какой-либо практическій результатъ при настоящихъ политическихъ условіяхъ.

Стремясь къ тому, чтобы наши «очерки» оставались въ предѣлахъ мѣропріятій, практически осуществимыхъ даже при данной политической конъюнктурѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ основную задачу.

Проблема текущей аграрной политики въ сферѣ соціальныхъ отношеній до сихъ поръ еще не подвергалась спеціальному изученію, а между тѣмъ она несомнѣнно сохранитъ свое значеніе на много десятковъ лѣтъ впередъ, независимо отъ перемѣнъ полити-

ческаго режима, до тѣхъ поръ, пока по интенсивности развитія городской и промышленной жизни мы не сравнимся съ современной Западной Европой. Какъ мы сейчасъ сказали, она сводится къ уничтоженію дальнѣйшаго наростанія избыточнаго малоземельнаго населенія. Такъ какъ уже и теперь деревня переполнена избыточнымъ населеніемъ, то весь ея естественный приростъ, равняющійся по даннымъ 1903—10 г. 1665 тыс. душъ ежегодно (въ предѣлахъ 50-ти губ. Европ. Россіи), слѣдуетъ признать безусловно избыточнымъ. Къ этому количеству необходимо прибавить еще тѣхъ малоземельныхъ, которые принадлежали къ кореннымъ земледѣльцамъ и ликвидируютъ теперь свои надѣлы. Число дворовъ, продающихъ надѣлы, даже по явно уменьшеннымъ офиціальнымъ даннымъ, растетъ.

До 1 марта 1910 г.	продали землю	. .	129 тыс. хоз.
» 1 января 1911 г.	»	» . .	116 » »
За весь 1911 г.	»	» . .	140 » »

Въ два послѣднихъ года въ среднемъ продавало землю по 140 тыс. хозяйствъ. Допустимъ, что половина ихъ, до ликвидаціи, жила въ городахъ и къ земледѣлію никакого отношенія не имѣла. Вторая половина составитъ приблизительно около 350 тыс. душъ (у малоземельныхъ семьи относительно невелики). По этому разсчету, общая минимальная сумма наростающаго ежегодно избытка деревенскаго населенія составитъ, кругло, *два милліона душъ обоего пола.*

Резюмируемъ теперь вкратцѣ основные выводы, вытекающіе изъ изложенныхъ выше соображеній.

1. Цѣлью современной аграрной политики является развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Подъемъ производительныхъ силъ достигается одновременнымъ гармоническимъ развитіемъ производительности земли и производительности земледѣльческаго труда. Сельское хозяйство Россіи стоитъ на низкомъ уровнѣ того и другого. Главнымъ средствомъ для развитія производительности земли является у насъ назрѣвшій переходъ къ интенсивнымъ системамъ хозяйства, для развитія производительности труда—устраненіе крестьянскаго малоземелья.

2. Переходъ къ интенсивнымъ системамъ, обусловливаемый, въ значительной мѣрѣ, стихійными факторами — уплотненіемъ населенія и развитіемъ рыночныхъ отношеній, облегчается и ускоряется сознательнымъ содѣйствіемъ правительства, мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, могущихъ и желающихъ работать въ этомъ направленіи.

Это—общая задача текущей повседневной аграрной политики, сходная, въ главныхъ чертахъ, съ соотвѣтственными задачами правящихъ и культурныхъ слоевъ общества въ Зап. Европѣ. Реальное значеніе этой политики, возможность сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ эволюціи — растетъ по мѣрѣ интенсификаціи сельско-хозяйственнаго производства [1]).

3. Устраненіе «остраго», «абсолютнаго» крестьянскаго малоземелья въ Зап. Европѣ происходитъ естественнымъ путемъ, благодаря развитію городовъ, поглощающихъ весь приростъ деревни. У насъ послѣ освободительной реформы почти весь приростъ оставался на землѣ и, какъ кровавое пятно въ мозгу, все расплываясь, давитъ на русское крестьянство, причиняя ему все возрастающія страданія, накопляя народное недовольство. Уничтожить совсѣмъ это пятно можетъ только радикальная хирургическая операція; это—задача основной соціальной политики, о которой мы сейчасъ не будемъ говорить по приведеннымъ выше основаніямъ.

4. Задача текущей соціальной политики—прекращеніе дальнѣйшаго прироста избыточнаго деревенскаго населенія, дальнѣйшаго расплыванія кроваваго пятна. Для этого необходимо, чтобы около 2 милліоновъ душъ малоземельныхъ ежегодно, такъ или иначе, устраивались внѣ своихъ крестьянскихъ надѣловъ.

2. Ростъ городского и сельскаго населенія Россіи.

Въ странахъ европейской культуры города, какъ огромныя губки, впитываютъ въ себя избыточное деревенское населеніе. Классъ малоземельныхъ пауперовъ тамъ не только не увеличивается, а идетъ на убыль относительно и абсолютно. Пропадающія даромъ въ деревнѣ рабочія руки находятъ продуктивное приложеніе въ индустріи; взамѣнъ людей ненужныхъ, излишнихъ для сельскаго хозяйства на томъ уровнѣ, на которомъ оно стоитъ на западѣ, деревня получаетъ изъ городовъ и фабрикъ необходимыя для интенсификаціи производства денежныя средства, орудія и матеріалы. Возстанавливается необходимое равновѣсіе между плотностью земледѣльческаго населенія и системой хозяйства; создается нормальное развитіе производительныхъ силъ. Въ странахъ, гдѣ избыточное сельское населеніе поглощается городомъ и промышленностью, аграрный вопросъ, въ той постановкѣ, въ

[1]) Детальный анализъ мѣропріятій этого рода, въ связи съ общей картиной современнаго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, мы надѣемся представить въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

которой онъ существуетъ у насъ, разрѣшается самъ собой. Въ теченіе послѣднихъ 35—40 лѣтъ (до 1905—10 г.) сельское населеніе Англіи, Германіи и Франціи сократилось съ 59,8 до 56,4 милліоновъ. Въ другихъ государствахъ оно продолжаетъ еще рости въ абсолютныхъ числахъ, но ростъ этотъ все больше замедляется, какъ ростъ человѣка, достигающаго полной физической зрѣлости. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ за 40 лѣтъ число сельскихъ жителей увеличилось на цѣлыхъ 67%, въ послѣднее десятилѣтіе оно возросло только на 9%, что находится въ соотвѣтствіи съ прекращеніемъ дальнѣйшаго прироста обрабатываемой фермерами территоріи. Экстенсивная эволюція сельскаго хозяйства, связанная *съ расширеніемъ* площади обрабатываемой земли (въ 1890—900 г.г. на 35%), смѣнилась интенсивной; развитіе производительности земли пошло не вширь, а *вглубь*, и за 1901—10 г.г. площадь подъ фермами увеличилась только на 5%. Зато замѣтно поднялась урожайность. И эта смѣна системъ хозяйства, это сокращеніе дальнѣйшаго возрастанія сельскаго населенія происходятъ въ Соединенныхъ Штатахъ при плотности населенія значительно меньшей, чѣмъ у насъ въ Европейской Россіи: въ 1906 г. тамъ на душу сельскаго населенія приходилось 4,4 гектара удобной земли, у насъ—только 2,6 гектаровъ. Вотъ одна изъ причинъ, благодаря которымъ въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ такой колоссальный размахъ производительныхъ силъ, незнакомый не только Россіи, но и Западной Европѣ. Насколько же у насъ стихійный процессъ роста городовъ и промышленности помогаетъ разрѣшенію аграрнаго вопроса въ указанномъ смыслѣ?

Со времени освобожденія крестьянъ и до конца XIX вѣка городское населеніе хотя и росло вдвое быстрѣе сельскаго (сельское населеніе увеличилось на 51,6%, городское—на 102,5%), но въ абсолютныхъ числахъ емкость городовъ была слишкомъ невелика; города являлись маленькими цвѣтными пятнышками на фонѣ сѣрой деревенской Россіи и за весь сорокалѣтній промежутокъ до переписи 1897-го года смогли впитать въ себя только 9,6% естественнаго прироста деревни. Если на западѣ Европы города можно сравнивать съ большими морями, поглощающими, незамѣтно для себя, широкія многоводныя рѣки, то у насъ они были малепькими мелкодонными озерами, съ трудомъ вмѣщавшими струи жиденькаго потока, приливавшаго изъ окружающихъ степей. Чуть такой потокъ расширялся, въ городахъ становилось «тѣсно отъ многолюдства»; нарасталъ «лумпенъ-пролетаріатъ», резервная рабочая армія, которая не находила себѣ заработковъ. Поэтому только 44% населенія Европейской Россіи, бросившаго родину и очутившагося, во время

переписи, на чужбинѣ, оказались въ городахъ: большая часть его искала спасенія отъ малоземелья на южныхъ и восточныхъ окраинахъ. Крестьянская Русь, какъ и при московскихъ царяхъ, продолжала «сползать» къ югу и востоку, удаляясь отъ сѣвера, гдѣ лежатъ торгово-промышленные центры.

Въ XX-мъ вѣкѣ города и промышленность стали расти замѣтно даже для обывательскаго глаза, невооруженнаго статистическимъ микроскопомъ. Но гдѣ отыскать мѣрку этого роста? Официальныя цифры «статистическихъ ежегодниковъ», основанныя на одномъ естественномъ приростѣ, никуда не годятся, а точныя данныя нѣсколькихъ городскихъ переписей послѣднихъ лѣтъ не могутъ быть показательными: слишкомъ ихъ мало. Волей-неволей мы взялись за сырой матеріалъ—перечень городовъ и поселеній свыше 10.000 жителей, опубликованный въ двухъ изданіяхъ м—ва внутр. дѣлъ: «Города Россіи въ 1904 г.» и «Водоснабженіе городовъ въ 1910 г.». Свѣдѣнія о населеніи городовъ, для этихъ изданій доставлявшіяся, главнымъ образомъ, губернскими статистическими комитетами, въ меньшинствѣ—городскими управами, тоже, во многихъ случаяхъ, изъ рукъ вонъ плохи: иногда цифры городского населенія были меньше цифръ всеобщей переписи. И все таки, когда мы сбалансировали итоги, получились въ общемъ довольно правильные ряды, давшіе далеко не безынтересные для насъ выводы.

Общая сумма городского населенія Имперіи, вмѣстѣ съ крупными поселеніями, составляла, по нашему подсчету, къ 1911 г. около 28 милліоновъ душъ (27855 тыс.; съ Финляндіей—28,3 милліона) противъ 22,7 милліоновъ по даннымъ «ежегодниковъ» и 16,8 милліоновъ по переписи 1897 г. Но наша цифра несравнима съ цифрой переписи: при подсчетѣ населенія по переписи 1897 г. брались только «административные» города, крупныя торгово-промышленныя села и слободы, поселенія городского типа пропускались и зато регистрировались такіе «города», въ которыхъ только 5—6 чиновниковъ и были настоящими «горожанами». В. Семеновъ Тянь-Шаньскій попробовалъ сдѣлать подсчетъ истинныхъ «экономическихъ» городовъ по переписи [1]), которые онъ выдѣлялъ по суммѣ торгово-промышленнаго оборота, приходящагося на одного жителя. При этомъ подсчетѣ онъ выбросилъ 227 «административныхъ» городовъ и прибавилъ 476 «экономическихъ», получивъ въ результатѣ на 11,1% горожанъ больше и опредѣливъ городское населеніе всей Имперіи (съ Финляндіей) въ 19 милліоновъ.

---

1) В. Семеновъ-Тянь-Шаньскій: «Городъ и деревня въ Европейской Россіи», СПБ., 1910.

Нашъ подсчетъ ближе, по своему методу, къ подсчету В. Семенова, но и онъ, по всей вѣроятности, даетъ цифру, меньшую дѣйствительной. Основываясь на ней, для настоящаго момента—къ 1913 г.—можно считать населеніе «истинныхъ» городовъ Имперіи приближающимся къ 30 милліонамъ, что составляетъ около 18% всего 170-милліоннаго населенія, тогда какъ въ 1897 г. оно было меньше 15%.

Но для насъ важнѣе опредѣлить емкость городовъ въ Европейской Россіи: азіатскіе города заполняются, въ значительной долѣ, переселенцами, подлежащими особому, сравнительно точному учету, а въ Царство Польское крестьяне изъ внутреннихъ губерній почти не попадаютъ. Ростъ городовъ въ предѣлахъ Европейской Россіи мы установили насколько могли точнѣе, при помощи такой комбинаціи: мы взяли по даннымъ 1897, 1904 и 1910 г.г. только тѣ города, у которыхъ цифры населенія были выше цифръ переписи 1897 г. Въ этихъ городахъ оказалось $^4/_5$ всего городского населенія Европейской Россіи: средній ежегодный приростъ населенія въ нихъ составилъ:

Въ періодъ 1897—1904 г.—254 тыс.
« 1907—1910 г.—344 тыс.

Увеличеніе прироста въ послѣднее шестилѣтіе равно 35,4%. Города продолжаютъ рости, какъ катящійся снѣжный комъ, все быстрѣе и быстрѣе. Взявъ эти цифры въ основу подсчета емкости нашихъ европейскихъ городовъ и убавивъ ихъ на естественный приростъ городского населенія, мы получили, въ конечномъ итогѣ, что въ шестилѣтіе 1904—10 г.г. ежегодно всасывалось городами 350 тыс. человѣкъ избыточнаго деревенскаго населенія. Если предположить, что въ послѣдующее шестилѣтіе ростъ городовъ не измѣнится, эта цифра должна увеличиться до 470 тысячъ.

Этотъ выводъ мы провѣрили на болѣе обширномъ статистическомъ матеріалѣ, сопоставивъ населенность однихъ и тѣхъ же городовъ по всей Имперіи по даннымъ 1904 и 1910 г.г. Процентныя отношенія получились почти одинаковыя: 17,5% прироста по городамъ, отобраннымъ вышеуказаннымъ способомъ, и 17,1% по всѣмъ городамъ, захваченнымъ министерскими анкетами.

По отдѣльнымъ областямъ и по группамъ разной величины города вырастаютъ далеко не одинаковымъ темпомъ.

	% прироста за 1904—1910 г.г.
Европейская Россія: Западныя области	21,4
Центральныя »	18,7

	Южныя и Восточныя »	— 9,3
	Царство Польское	— 19,0
Азіатская Россія:	Сибирь	— 60,9
	Средняя Азія . .	— 24,9
	Кавказъ. . . .	— 25,1
Всего Европейская Россія (съ Царствомъ Польскимъ)		— 17,4
Азіатская Россія		— 32,1
	Имперія	— 19,6
Въ городахъ до	10 тыс. жителей. .	17,0
10—	50 » » . .	18,7
50—	100 » » . .	20,5
свыше	100 » » . .	23,9

По отдѣльнымъ областямъ Европейской Россіи города сильнѣе всего растутъ на юго-западѣ и въ промышленномъ центрѣ, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ другихъ раіонахъ нечерноземной полосы; далеко позади остаются земледѣльческій центръ, югъ и юго-востокъ. На слабомъ приростѣ южныхъ, въ частности—Новороссійскихъ городовъ, несомнѣнно отразилась погромная эпопея и политика г.г. Толмачевыхъ и ихъ присныхъ. Всѣ наши выкладки относительно юга давали одинъ и тотъ же результатъ. До 1904-го года Новороссійскіе города шли впереди многихъ другихъ по своему приросту; съ этого времени, они очутились въ хвостѣ и въ нѣкоторыхъ, особенно въ болѣе крупныхъ, преимущественно въ Бессарабской, частью въ Херсонской и Таврической губ., за эти шесть лѣтъ число жителей сократилось даже абсолютно. Ничѣмъ иным, какъ разореніемъ евреевъ, эмиграціей сотенъ тысячъ ихъ въ Америку, не можетъ быть объяснена остановка роста городовъ въ этомъ углу нашего благодатнаго юга, въ которомъ скрещиваются пути нашей міровой торговли, въ которомъ сотни тысячъ десятинъ перешли, за послѣднее время, къ крестьянамъ и бродящія по пустыннымъ владѣльческимъ степямъ отары овецъ замѣнены морями золотистой пшеницы.

Въ общемъ возрастаніе городовъ въ Европейской Россіи идетъ по направленію *съ востока на западъ*: въ томъ же направленіи идетъ и аграрная эволюція, интенсификація сельскаго хозяйства,

питающая городское населеніе и взаимно подкармливаемая имъ самимъ.

Въ Азіи, въ Сибири мы наблюдаемъ небывалое, чисто американское развитіе городовъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и окончаніемъ русско-японской войны, туда хлынулъ потокъ въ $2^1/_2$ милліона переселенцевъ, часто не находившихъ себѣ сразу участковъ и пристраивавшихся въ городахъ, ростущихъ, какъ грибы, послѣ золотого дождя, посыпавшагося на нихъ сначала изъ казеннаго сундука, во время кампаніи, а потомъ благодаря предпринимательской горячкѣ, привлекающей туда иностранные и русскіе капиталы. Если такъ дѣло пойдетъ и дальше—населеніе сибирскихъ городовъ удвоится за десятилѣтіе.

Обычное явленіе — ускоренный ростъ болѣе крупныхъ городовъ—повторяется и у насъ, хотя не въ такой рѣзкой формѣ, какъ на западѣ Европы. Но у насъ территорія слишкомъ велика, а городовъ еще мало. Каждый уѣздный центрикъ обслуживаетъ площадь величиной съ доброе нѣмецкое государство. Понятно, что вмѣстѣ съ ростомъ экономическихъ, культурныхъ и иныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ городами, растутъ и такіе центрики. Ихъ ростъ затушевываетъ развитіе крупныхъ городовъ, само по себѣ весьма интенсивное.

Итакъ въ ближайшіе годы, лѣтъ на 10 впередъ, города Европейской Россіи будутъ освобождать деревню отъ того единственнаго «продукта», который она сейчасъ создаетъ въ избыткѣ — отъ людей, въ предѣлахъ 400—500 тыс. душъ ежегодно. По европейскому масштабу это — цифра солидная, по русскому—она составляетъ не болѣе 20—25% естественнаго прироста, вмѣстѣ съ наростающими кадрами крестьянъ «само-ликвидаторовъ», продающихъ свои надѣлы.

Но, кромѣ городского, у насъ существуетъ еще и сельское внѣ-земледѣльческое населеніе, которое по переписи 1897 г. даже превышало, по своей численности, городское: первое равнялось 12,9 мил., второе—12,1 мил. Впрочемъ, мы знаемъ, что значительная доля этихъ 13 милліоновъ, состоящая изъ тѣхъ же малоземельныхъ крестьянъ, вынуждена заниматься сторонними промыслами, такъ какъ собственное земледѣльческое хозяйство ихъ не могло прокормить. Для фабричныхъ рабочихъ, служащихъ, ремесленниковъ, торговцевъ Западной Европы сельское хозяйство является отдыхомъ, праздничной забавой; это—мелкое огородничество, разведеніе садовъ, цвѣтниковъ, виноградниковъ. У насъ—для шахтеровъ, деревенскихъ фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ служащихъ, прислуги, батраковъ—земледѣліе не забава, не праздничный отдыхъ: оно — такой же источникъ существованія, какъ и ихъ главный промыселъ. И во

время переписи милліоны народа не могли сказать въ точности, кто они—самостоятельные ли сельскіе хозяева, или «пролетаріи» чистой воды. Мы также затрудняемся отнести ихъ къ тому или иному классу, и это лишаетъ насъ возможности установить ростъ, за послѣдніе годы, сельскаго населенія, занятаго внѣ-земледѣльческими промыслами. Вдобавокъ, если по нѣкоторымъ отраслямъ внѣгородской промышленности и можно отыскать новѣйшія статистическія данныя, то по большей части другихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній и, до второй всеобщей переписи, приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ. Строить какіе-либо выводы на аналогіи съ другими странами также нельзя: въ Германіи, напримѣръ, сельское внѣ-земледѣльческое населеніе въ 1882 г. составляло 35,5% всѣхъ жителей сельскихъ общинъ, имѣвшихъ менѣе 2.000 человѣкъ, въ 1907 г.—41,7%: приростъ—втрое меньшій, чѣмъ въ городахъ за это время. У насъ, вѣроятно, промышленность, торговля, транспортное дѣло внѣ городовъ растутъ относительно быстрѣе, чѣмъ въ Германіи; но такъ какъ города вообще обладаютъ большой притягательной силой для многихъ отраслей индустріи и торговли, то можно думать, что ростъ сельскаго внѣ-земледѣльческаго населенія долженъ былъ и у насъ отставать отъ роста городского населенія, но на какую величину,—мы сказать не можемъ.

Взятое въ своей совокупности, *сельское* населеніе имперіи продолжало возрастать безостановочно со времени освобожденія: средній годичный приростъ въ періодъ 1858-1897 г.г равнялся 983 тыс., въ 1897-1910 г.г. — 2.312 тыс. (по офиціальнымъ даннымъ). Если въ офиціальные матеріалы, основанные на учетѣ естественнаго прироста, внести соотвѣтственныя поправки (на ростъ городовъ и переселенческое движеніе), то всетаки за 14 послѣднихъ лѣтъ сельское населеніе имперіи оказывается увеличеннымъ на 29 милліоновъ душъ, въ томъ числѣ въ Европейской Россіи—на 19 милліоновъ, или на 24%. Пусть даже 2—3 милліона человѣкъ изъ этого числа нашли себѣ за это время новый заработокъ внѣ земледѣлія, всетаки 16—17 милліонный приростъ долженъ былъ, въ значительной степени, обострить крестьянское малоземелье въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ оно ощущалось и въ предыдущій періодъ.

Надо, однако, замѣтить, что этотъ приростъ не распространяется равномѣрно по всѣмъ областямъ: въ однѣхъ областяхъ онъ больше, въ другихъ меньше. Въ разные періоды времени деревенское населеніе различныхъ областей возрастало также не одинаково. За 1858—97 г.г. сельское населеніе Европейской Россіи увеличилось:

	Въ милліонахъ душъ.	Въ проц.
Въ нечерноземной полосѣ:		
на западѣ	4,1	62,8
въ центрѣ	2,3	23,5
на сѣверѣ и востокѣ . . .	2,7	72,6
Въ черноземной полосѣ:		
на западѣ	5,9	62,2
въ центрѣ	5,5	53,1
на югѣ и востокѣ	6,1	98,3
По Европ. Россіи . .	26,6	48,5

Въ центральныхъ областяхъ приростъ былъ минималенъ, вдвое выше на западѣ, втрое—вчетверо на югѣ и востокѣ. На первый взглядъ кажется страннымъ, что на западѣ, гдѣ населеніе было значительно сгущено еще до освобожденія, гдѣ городская жизнь развилась и тогда довольно интенсивно, обнаружился такой значительный приростъ, тогда какъ даже въ земледѣльческомъ центрѣ онъ вдвое слабѣе. Объясняется это явленіе двумя причинами. Во первыхъ — различными условіями надѣленія крестьянъ при освобожденіи отъ крѣпостного права. Какъ извѣстно, правительство отнеслось довольно внимательно къ западнымъ крестьянамъ: желаніе привлечь ихъ на свою сторону въ борьбѣ съ поляками заставило правящую власть сдѣлать кое-какія прирѣзки къ прежнимъ надѣламъ, сохранить сервитуты и назначить сравнительно невысокій выкупъ. Разница въ приростѣ въ двухъ смежныхъ сѣверо-западныхъ раіонахъ—прибалтійскомъ и литовско-бѣлорусскомъ—рельефно оттѣняетъ значеніе освободительной реформы въ этомъ отношеніи. Въ остзейскихъ провинціяхъ, гдѣ реформа обезземелила крестьянъ еще въ началѣ XIX вѣка, приростъ за сорокалѣтній промежутокъ составилъ только 10, 5%, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, гдѣ освобожденіе прошло для крестьянъ благопріятнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сельское населеніе увеличалось на 79, 7%—всемеро больше. Тоже и на югѣ-западѣ: въ западной половинѣ Малороссіи, гдѣ въ 1840-хъ годахъ введены инвентари, приростъ—73, 6%; въ восточной, гдѣ помѣщики были не поляки, а малороссы—только на 49, 4%.

Въ центральной Россіи условія освобожденія были наихудшія: здѣсь сосредоточилось ядро самыхъ многочисленныхъ, самыхъ вліятельныхъ помѣщиковъ, яростно боровшихся съ редакціонными комиссіями и съумѣвшихъ добиться условій реформы, наиболѣе благопріятныхъ для нихъ, наиболѣе тяжелыхъ для крестьянъ, на которыхъ въ промышленномъ центрѣ наложили непомѣрно

высокій выкупъ, въ земледѣльческомъ—урѣзали чуть ли не третью часть надѣловъ. И вотъ, крестьяне промышленнаго центра, отыскивая средства для уплаты податей, бѣгутъ въ города, черноземнаго—толпами двигаются на югъ и востокъ, въ поискахъ за землей. Реформа дала сильный толчокъ «разсѣянію» сельскаго люда, передвиженію его изъ однѣхъ губерній и областей въ другія, изъ деревень въ города, и это является *второй* причиной различія прироста населенія, которое мы могли изучить точно и детально по даннымъ переписи 1897 г.

Перепись застала 9,4 милліоновъ уроженцевъ Европейской Россіи живущими внѣ своихъ губерній зимой, когда краткосрочный отходъ на заработки замираетъ: стало быть это въ основной массѣ, болѣе или менѣе постоянные «переселенцы». Изъ нихъ 6,6 милліоновъ проживало въ Европейской Россіи, 2,5 милліоновъ—въ Азіатской, 0,3—въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ, 70 слишкомъ процентовъ передвиженій упало на Европейскую Россію. Предвиженія эти принадлежатъ къ двумъ типамъ: въ города и въ села. Нечерноземная полоса даетъ колонистовъ преимущественно *городского* типа: 60% всѣхъ «внутреннихъ» переселенцевъ ушло изъ нея въ города. Лишь сѣверо-востокъ и отчасти сѣверо-западъ сохранили въ значительной мѣрѣ сельскій, вѣроятно земледѣльческій типъ колонизаціи; изъ этихъ раіоновъ, какъ увидимъ дальше, только и уходятъ переселенцы «внѣшніе» въ Азіатскую Россію. Раіоны промышленнаго центра и сѣвера потеряны для земледѣльческой, въ особенности азіатской колонизаціи. Наоборотъ, черноземная полоса тяготѣетъ къ *земледѣльческой* колонизаціи: процентъ городскихъ колонистовъ здѣсь сокращается до 44,1%: выселеніе въ города наиболѣе интенсивно на юго-западѣ и въ 3-хъ сѣверныхъ губерніяхъ земледѣльческаго центра; въ остальныхъ раіонахъ болѣе $^3/_5$ уходцевъ осѣло на землѣ въ предѣлахъ Европейской Россіи. Изъ центральныхъ черноземныхъ раіоновъ, до конца XIX вѣка, больше всего крестьянъ переселилось въ Азіатскую Россію.

Мы не будемъ докучать читателямъ большими и сложными вычисленіями, которыя мы произвели для опредѣленія направленія передвиженія населенія по даннымъ переписи 1897-го года [1]). Въ общемъ итогѣ, до 1897 г. западныя области Европейской Россіи потеряли всего 1,2 милліоновъ человѣкъ, изъ которыхъ 44% размѣстилось въ Европейской Россіи, 56%—въ Азіатской. Сравнительно съ 10 милліоннымъ приростомъ сельскаго населенія за 40 лѣтъ—это

[1]) Мы надѣемся ихъ опубликовать въ III томѣ «Закономѣрности аграрной эволюціи».

составляетъ только $^1/_8$ часть. До конца XIX вѣка западные крестьяне (кромѣ прибалтійскихъ и малорусскихъ) были довольно неподвижными, довольствуясь тѣми «прирѣзками», которыми ихъ надѣлило правительство при освобожденіи. Даже въ города на западѣ ушло только 1 милліонъ человѣкъ. Но къ XX вѣку накопленное избыточное населеніе стало весьма ощутительно давить на крестьянское хозяйство, толкая его къ интенсификаціи земледѣлія, а нужда въ землѣ заставила литовцевъ, бѣлоруссовъ и западныхъ малороссовъ искать убѣжища въ киргизскихъ степяхъ, на Дальнемъ Востокѣ, за послѣднее время даже въ Америкѣ.

Гораздо сильнѣе убыло отъ передвиженій сельское населеніе центральныхъ областей: почти 2 милліона человѣкъ ушло въ города; въ другія области, преимущественно въ Новороссію и на юго-востокъ, выселилось, въ конечномъ счетѣ, 670 тыс.; въ Азію ушло 1,1 милл.— итого 3,8 милліоновъ, что по отношенію къ дѣйствительному приросту деревень этихъ областей (7,7 милліоновъ) составляетъ цѣлую половину. Этимъ и объясняется, почему приростъ центральныхъ областей до 1897-го года былъ наиболѣе низкимъ.

На югѣ и востокѣ происходили сложныя, взаимно перекрещивающіяся передвиженія: съ запада и сѣвера, пока тутъ былъ земельный просторъ, сюда притекали сотни тысячъ «оскудѣвшихъ» малоземельныхъ—въ общей сложности 1,2 мил. душъ. Съ сѣверо-востока населеніе, какъ и встарь, продолжало «сползать» на низовое Поволжье и Донщину; съ юга нѣкоторая часть передвигалась въ Оренбургскую губернію; наконецъ, 612 тыс. ушло въ Азію. Какъ во всѣхъ колонизуемыхъ областяхъ, пришлое населеніе еще не улеглось до конца XIX вѣка; одни приходили, другіе, которымъ «не почасилось», уходили искать удачи въ еще менѣе заселенные края. Въ общемъ итогѣ, какъ мы видѣли, въ нечерноземномъ востокѣ сельское населеніе увеличилось сравнительно мало — всего на 2,7 милліоновъ, или на 42,6%; въ черноземномъ же—на цѣлыхъ 6,1 мил., почти на 100%. Этого было достаточно, чтобы къ XX вѣку въ благодатной Новороссіи и низовомъ Поволжьѣ начался земледѣльческій кризисъ, зачастили неурожаи и голодовки, появилось малоземелье, оскудѣніе, отъ котораго крестьяне большими толпами стали спасаться въ Сибирь.

Послѣ 1897 г. ростъ сельскаго населенія распредѣлился по областямъ нѣсколько иначе, чѣмъ во второй половинѣ XIX-го вѣка. Мы употребили два различныхъ пріема, чтобы опредѣлить величину и направленіе этого роста, а именно: мы сопоставили офиціальныя данныя «ежегодниковъ» 1911 г., сокративъ ихъ на дѣйствительный ростъ городовъ и переселенческое движеніе, съ цифрами

переписи 1897 г. и провѣрили полученные выводы измѣненіями въ рождаемости сельскаго населенія, сравнивъ число рожденій по областямъ за трехлѣтіе 1897—99 г.г. и 1908—10 г.г. Вотъ итоги нашихъ подсчетовъ въ суммарномъ видѣ (по группамъ областей).

	Увеличеніе сельскаго населенія за 1897—1910 г.г. Съ поправкой на приростъ городовъ и переселеніе.		Приростъ числа рожденій въ % за два трехлѣтія (1897-99 и 1908—10 г.г.).
	Въ милл. душъ.	Въ %	
Западная группа	5,2	19,9	0,5
Центральная	8,3	24,4	9,5
Восточная	6,0	27,8	17,7
Всего Европейская Россія .	19,5	23,9	9,0

Получились тождественные выводы: въ XX-мъ вѣкѣ приростъ сельскаго населенія систематически увеличивается по направленію съ запада на востокъ. Эти выводы повторяются по отдѣльнымъ областямъ и даже раіонамъ, причемъ области нечерноземной полосы даютъ всюду меньшій приростъ, чѣмъ соотвѣтственныя по долготѣ области черноземной. Если мы вспомнимъ, что города растутъ въ *обратномъ* направленіи, что въ этомъ же направленіи происходитъ интенсификація сельскаго хозяйства, то намъ станетъ ясно, что между этими тремя явленіями — сельско-хозяйственной эволюціей, ростомъ городовъ и сокращеніемъ прироста избыточнаго сельскаго населенія—существуетъ тѣсное взаимоотношеніе.

Теперь будемъ подводить итоги. Для того, чтобы получить изложенные сейчасъ вкратцѣ выводы, мы сдѣлали, въ общемъ, около 10 тыс. вычисленій. Стоило ли ихъ дѣлать, когда въ однихъ случаяхъ мы основывались на мало достовѣрныхъ матеріалахъ, въ другихъ должны были отказаться отъ попытокъ выяснить положеніе дѣла, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было матеріаловъ? И все-таки мы думаемъ, что надъ поставленными выше вопросами стоило поработать: до сихъ поръ вѣдь мы ровно ничего не знали о нихъ, а между тѣмъ для выясненія основъ раціональной аграрной политики въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется пишущему эти строки, необходимо было составить себѣ хотя приблизительное представленіе о томъ, насколько аграрный вопросъ разрѣшается у насъ стихійнымъ ростомъ городовъ и индустріализаціей и какая, слѣдовательно, доля этого вопроса упадаетъ на плечи сознательныхъ участниковъ въ развитіи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Три фактора, разсмотрѣнныхъ выше, способствуютъ сокращенію избыточнаго сельскаго населенія въ Европейской Россіи: ростъ городовъ, развитіе внѣ-земледѣльческой промышленности въ селахъ и различная степень возрастанія сельскаго населенія въ густо и рѣдко населенныхъ областяхъ, происходящая, отчасти, отъ разницы въ рождаемости и естественномъ приростѣ, отчасти—отъ передвиженія населенія, инстинктивно стремящагося нивеллировать уровень густоты, подобно тому, какъ вода, вышедшая изъ береговъ, стремится заполнить всѣ впадины, всѣ пустоты, пока высота ея уровня на всемъ залитомъ пространствѣ не дойдетъ до уровня воды въ руслѣ рѣки.

Съ наибольшей степенью вѣроятности мы могли опредѣлить количество сельскаго населенія, поглощаемаго городами: въ ближайшемъ будущемъ оно составитъ отъ 400 до 500 тыс. человѣкъ ежегодно. Кое-какія указанія мы получили и для опредѣленія размѣровъ передвиженія сельскаго населенія внутри Европейской Россіи изъ густо населенныхъ въ рѣдко населенныя области. По переписи 1897 г. за предѣлами городовъ передвинулось, приблизительно въ теченіе одного поколѣнія, т. е. въ 25—30 лѣтъ, 3,2 милліона человѣкъ. Но сюда вошли и тѣ, кто уходитъ не на землю, а на фабрики и заводы, находящіеся внѣ городовъ. Послѣ 1897 г., если судить по разницѣ въ приростѣ сельскихъ жителей отдѣльныхъ областей сравнительно со среднимъ приростомъ въ Европейской Россіи, западныя области потеряли, за 14 лѣтъ, приблизительно, милліонъ душъ, изъ которыхъ болѣе 100 тыс. осѣло въ деревняхъ центра, около 900 тыс.—въ областяхъ востока. Отсюда можно предположить, что «разсѣяніе» земледѣльческаго населенія по территоріи Европейской Россіи сокращаетъ избытокъ населенія въ раіонахъ съ высокой, относительно, плотностью приблизительно на сотню тысячъ душъ ежегодно. Относительно третьяго фактора—роста индустріи, торговли и транспорта внѣ городовъ,—мы знаемъ только, что этотъ ростъ поглощаетъ, повидимому, меньшее количество сельскихъ жителей, чѣмъ городской.

Въ конечномъ счетѣ мы можемъ, все-таки, опредѣленно установить, что дѣйствительная цифра избыточныхъ земледѣльцевъ, поглощаемыхъ ежегодно тремя очерченными выше факторами, лежитъ между 500 тысячами и 1 милліономъ душъ [1]). Этого намъ достаточно, чтобы сдѣлать такой выводъ: для того, чтобы дальнѣйшее наростаніе избыточнаго населенія не парализовало развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ

1) Мы можемъ только догадываться, что эта цифра равняется 700—800 тыс.

милліонъ, а скорѣе значительно болѣе милліона малоземельныхъ крестьянъ-коренныхъ земледѣльцевъ ежегодно находили себѣ выходъ на землю за границами своихъ собственныхъ надѣловъ. Выходы, имѣющіеся на лицо для этого милліона—переселеніе въ Азію, мобилизація земель, меліораціи впустѣ лежащаго земельнаго фонда внутри Европейской Россіи и т. д.—могутъ быть расширены, или сужены, или совсѣмъ закрыты посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій соціальной аграрной политики, т. е. они въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ сознательной воли тѣхъ, кто стоитъ во главѣ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія. И громадное значеніе этихъ выходовъ не только для развитія производительныхъ силъ Россіи, не только для подъема уровня народнаго благосостоянія, но и для народнаго спокойствія, констатируется опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ, прошедшихъ со времени революціи 1905 г. Многіе думаютъ, что внѣшнее народное спокойствіе этихъ лѣтъ было спокойствіемъ отчаянія; другіе видятъ въ немъ спокойствіе благоразумія, что, въ сущности, одно и то же. Мы лично думаемъ, что это спокойствіе отчасти вызывалось той минимальной степенью удовлетворенія насущной земельной нужды, которую давало избыточному земледѣльческому населенію ежегодное переселеніе 500—600 тысячъ крестьянъ и переходъ 1—$1^1/_2$ милліоновъ десятинъ мобилизуемыхъ владѣльческихъ земель, плюсъ, конечно, высокіе урожаи и хорошія цѣны на хлѣбъ. Это были капли масла, успокоивавшія хоть на мигъ разбушевавшіяся волны народнаго моря. Много ли осталось такого масла въ бочкахъ государственнаго корабля и куда правительство стало теперь его растрачивать—это мы постараемся показать въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

3. Переселеніе, какъ факторъ сокращающій избыточное населеніе крестьянъ и малоземелье.

Послѣ 1905-го года переселенческое движеніе, на нѣкоторое время, пріобрѣтаетъ такой широкій размахъ, что не только у правительства, но и въ средѣ умѣренныхъ круговъ общества явилась мысль: вотъ ключъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса. И дѣйствительно, въ періодъ 1906-10 г.г. переселенческая волна охватила четвертую часть прироста сельскаго населенія Европейской Россіи, т. е., въ смыслѣ поглощенія избыточнаго населенія, переселеніе играло бо́льшую роль, чѣмъ развитіе городской и промышленной жизни. Но даже и при такихъ размѣрахъ, какъ въ 1906-10 г.г., переселенческое движеніе, въ цѣломъ, было лишь слабымъ палліативомъ по сравненію, напримѣръ, съ ирландскимъ, которое за 30 лѣтъ понизило вдвое наличность сельскихъ жителей въ странѣ. Такъ какъ

размѣры нашего переселенія въ Азію никогда не достигнутъ 4 милліоновъ душъ ежегодно, какъ выходило бы по соотвѣтственной пропорціи съ ирландскимъ, никогда не будутъ охватывать цѣликомъ даже *естественный прирость*, то для всей Европейской Россіи оно всегда будетъ имѣть значеніе лишь гомеопатическаго лѣкарства, подносимаго больному, требующему радикальныхъ, «лошадиныхъ» дозъ.

Что переселеніе не можетъ разрѣшить аграрнаго вопроса—этого теперь не отрицаетъ никто; даже само правительство вполнѣ съ этимъ согласно. Но суть въ томъ, что тяга за Уральскій хребетъ никогда не охватывала *одинаково* всѣ области, всѣ губерніи Россіи. По наиболѣе полнымъ даннымъ Турчанинова, за весь періодъ, по которому имѣются цифровыя данныя, изъ Полтавской губерніи, напримѣръ, выселилось въ Азію 360 тыс. человѣкъ, а изъ Олонецкой—менѣе 2 тысячъ. Вообще 10 губерній, въ которыхъ живетъ только 28% сельскаго населенія Европейской Россіи, дали 55% всѣхъ переселенцевъ, тогда какъ изъ 14 губерній за 1896-1910 г.г. выселилось меньше 10 тыс. изъ каждой, при чемъ изъ 6 губерній—по нѣсколько сотъ, а изъ Ярославской—всего лишь 80 человѣкъ. Понятно, что для Полтавской губерніи, изъ которой за послѣдніе годы ушло $57^1/_2\%$ естественнаго прироста, переселеніе стало довольно ощутительнымъ явленіемъ, тогда какъ для Ярославской и Олонецкой значеніе его равно нулю.

Мало этого: внутри отдѣльныхъ губерній и даже уѣздовъ выселеніе крестьянъ въ Азію идетъ не сплошь, а отдѣльными гнѣздами, захватывая единичныя волости и даже села внутри волостей. Напримѣръ, изъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи въ 1907 г. ушло 60 человѣкъ на тысячу жителей—втрое больше естественнаго прироста; изъ Купянскаго, Харьковской губерніи—въ 1904-8 г.г. 39 человѣкъ натысячу, изъ пригороднаго Харьковскаго уѣзда 6 человѣкъ и т. д. Какія бы мы губерніи ни брали—всюду одинъ, два, три уѣзда даютъ, зачастую, бо́льшую часть переселенцевъ, а изъ остальныхъ движеніе ничтожно. То же самое различіе наблюдается и по отдѣльнымъ волостямъ и селамъ: въ 4 уѣздахъ Харьковской губерніи бо́льшая половина переселенцевъ за 1904-8 г.г. вышла всего изъ 8 волостей. По всей губерніи изъ тысячи, приблизительно, селеній, 104 или 11% дали 46% всѣхъ переселенцевъ губерніи. Вообще, сконцентрированность переселенческаго движенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ выхода—его, такъ сказать, «гнѣздовой» характеръ—установлена твердо послѣдними земскими изслѣдованіями. Поэтому нельзя отрицать, что *мѣстное* значеніе переселенія, какъ фактора, облегчающаго крестьянъ отъ земельной тѣсноты, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма замѣтнымъ.

Однако, раіоны, охваченные переселенческимъ движеніемъ, не остаются неподвижными: тяга на востокъ захватываетъ далеко не всегда однѣ и тѣ же мѣстности—она передвигается съ мѣста на мѣсто и изученіе характера этихъ передвиженій приводитъ насъ къ весьма любопытнымъ результатамъ.

Изъ каждой тысячи переселенцевъ вышло:

	до 1897 г.	За 1896-1910 г.
Изъ западныхъ областей	228	483
центральныхъ	487	325
восточныхъ	285	192
Всего изъ нечерноземной полосы	279	240
Изъ черноземной полосы	721	760

Мало подвержено колебаніямъ только отношеніе между нечерноземной и черноземной полосами. Движеніе изъ нечерноземной полосы въ разные періоды, даже болѣе дробные, чѣмъ только что приведенные, составляло около четвертой части, что, какъ ясно изъ предыдущаго, зависитъ отъ роста городовъ въ нечерноземной полосѣ: зачѣмъ крестьянамъ подстоличныхъ губерній двигаться въ далекую Сибирь, когда подъ бокомъ, въ городахъ, можно найти хорошіе заработки, ѣздить дважды въ годъ на побывку домой, а подъ старость осѣсть на покой на родномъ пепелищѣ? Только черноземный крестьянинъ, коренной землеробъ, вынужденъ итти на край свѣта въ поискахъ лучшей доли, земельнаго простора, который уходитъ отъ него все дальше и дальше на востокъ.

Если отношеніе между обѣими полосами продолжаетъ оставаться неподвижнымъ, то *внутри* каждой полосы происходитъ въ XX вѣкѣ рѣзкій поворотъ переселенческаго движенія съ востока на западъ. Конечно этотъ сдвигъ переселенческой волны на западъ отчасти обусловливается внѣшними причинами: г. Турчаниновъ отмѣчаетъ, что перемѣна раіоновъ выхода обнаружилась съ проведеніемъ желѣзной дороги. Имѣло значеніе и облегченіе формальностей переселенческой волокиты, выдача ссудъ, льготный проѣздъ, вообще упорядоченіе переселенческаго дѣла. Благодаря этимъ причинамъ, переселеніе сдѣлалось гораздо доступнѣе для западныхъ крестьянъ; нуждающіеся въ землѣ, а на западѣ ихъ скопилось много милліоновъ, поспѣшили воспользоваться этой доступностью. Но если этимъ можетъ быть отчасти объясненъ подъемъ западнаго населенія, то вѣдь для восточныхъ крестьянъ эти льготы и субсидіи давали еще больше выгодъ и облегченій; почему же здѣсь движеніе упало не только относительно, но и абсолютно?

До 90-хъ годовъ среди нечерноземныхъ переселенцевъ преоб-

ладали выходцы сѣверо-восточныхъ губерній, которымъ легко было перевалить за Уралъ, потому что они сами жили возлѣ Урала, также, какъ Самарскимъ крестьянамъ—передвинуться въ сосѣднія киргизскія степи. Природныя условія Сибири и степныхъ областей были весьма сходны съ тѣми, съ которыми они сжились на родинѣ; но за Ураломъ они находили большій земельный просторъ, чѣмъ у себя дома. И дома, съ точки зрѣнія центральнаго земледѣльца, имъ не должно быть тѣсно; но съ теченіемъ времени естественный приростъ населенія, приливъ новыхъ пришельцевъ съ запада, создавалъ если не абсолютное, то *относительное* малоземелье—ощущеніе начинающейся земельной тѣсноты. Это ощущеніе заставляло уходить на востокъ, тѣмъ болѣе, что и на прежней родинѣ многіе изъ уходившихъ еще не крѣпко осѣли. Не сидѣлось имъ зачастую и въ Сибири: процентъ обратныхъ переселенцевъ-выходцевъ изъ восточныхъ окраинъ былъ очень высокій. Происходилъ *обмѣнъ* населенія между сосѣдними европейскими и азіатскими областями. Съ теченіемъ времени близлежащіе удобные раіоны Сибири и степей заполнились пришлымъ людомъ, разница въ плотности населенія тутъ и тамъ сгладилась; переселеніе для этихъ «бродячихъ» элементовъ окраинной Руси—полуземледѣльцевъ, полуохотниковъ, а на югѣ скотоводовъ—потеряло значительную долю своей привлекательности, и сократилось на сѣверо-востокѣ съ 248 до 96 тыс., на юго-востокѣ со 102 до 86 тыс.

Въ черноземной полосѣ до XX вѣка выдавались по числу переселенцевъ центральныя и средневолжскія губерніи: въ это время онѣ переживали глубокій кризисъ экстенсивной трехпольной системы полеводства, сопровождавшійся экономическимъ оскудѣніемъ. Этотъ кризисъ заставилъ особенно остро почувствовать малоземелье и погналъ крестьянъ на сѣверъ—въ города, на югъ—въ батраки, на востокъ—за землей. Если бы переселеніе въ ту пору было обставлено такими же условіями, какъ теперь, если бы для крестьянъ были открыты уже тогда киргизскія степи, остававшіяся еще мало извѣстными и трудно доступными—переселеніе изъ земледѣльческаго центра достигло бы, вѣроятно, нѣсколькихъ милліоновъ. Но и при существовавшихъ тогда густыхъ, колючихъ загражденіяхъ переселенческое движеніе изъ этихъ раіоновъ, направленное почти исключительно въ одну западную Сибирь, доросло къ 1897 г. до почтенной цифры въ 600 тыс. Въ слѣдующія 15 лѣтъ оно, правда, увеличилось абсолютно до 737 тыс.; но характерно то, что изъ болѣе экстенсивнаго средняго Поволжья оно сократилось на цѣлыя 60 тысячъ, замѣтно повысившись изъ внутреннихъ центральныхъ губерній (на 180 тыс.).

Итакъ, основной причиной переселенія до конца 90-хъ годовъ мы считаемъ кризисъ экстенсивно-трехпольной системы полеводства въ черноземномъ центрѣ и ощущеніе наростающей земельной тѣсноты въ наиболѣе экстенсивныхъ, еще не вполнѣ осѣдлыхъ хозяйствахъ востока. Въ послѣдующую эпоху на первое мѣсто по переселенію выдвигается *западъ* Россіи, съ наибольшей густотой населенія и наиболѣе интенсивными системами земледѣлія. Выселеніе изъ Малороссіи (западной и восточной) поднялось за оба разсматриваемые періода съ 263 тыс. до 820 тыс., обогнавъ центръ почти на 100 тыс., а съ сѣверо-запада, главнымъ образомъ изъ литовско-бѣлорусскаго раіона—съ 58 тыс. до 423 тыс. Западъ далъ почти половину всѣхъ переселенцевъ въ минувшія 15 лѣтъ. Изъ экстенсивныхъ раіоновъ движеніе усилилось только въ Новороссіи (съ 49 тыс. до 311 тыс.), вошедшей съ 1900-хъ г.г. въ такую же полосу кризиса земледѣлія и неурожаевъ, какую переживалъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ земледѣльческій центръ.

Переселенцы послѣднихъ лѣтъ на три четверти принадлежатъ къ разряду «абсолютно» малоземельныхъ, а главныя залежи накопились именно на западѣ. Какъ только переселенческое вѣдомство распахнуло двери въ Азію—сотни тысячъ малоземельныхъ запада ринулись туда. Это стихійное движеніе является гораздо болѣе *цѣлесообразнымъ* съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ въ народномъ хозяйствѣ Россіи, чѣмъ «обмѣнъ» населенія между европейскимъ востокомъ и азіатскимъ западомъ. Развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ требуетъ устраненія «абсолютнаго» малоземелья и связанной съ нимъ непродуктивной растраты труда и капитала, нищеты, невѣжества, вырожденія. Поэтому, уходъ абсолютно малоземельныхъ изъ густо населенныхъ, болѣе интенсивныхъ раіоновъ запада долженъ способствовать сельско-хозяйственному прогрессу въ большей мѣрѣ, чѣмъ разрѣженіе и безъ того сравнительно рѣдкаго населенія на востокѣ и, отчасти, въ центрѣ, поскольку этотъ уходъ касается не «абсолютно», а «относительно» малоземельнаго населенія.

Мы разсмотрѣли сейчасъ колебанія переселенческаго движенія *въ пространствѣ*; но они выражены, и при томъ еще болѣе рѣзко, *во времени*. Среднее ежегодное число переселенцевъ (съ 1896 г.) составляло:

въ 1896—900 г.г. [1])	146 тыс.
1901—3-хъ г.г.	88
1906—10 г.г.	433
1911—12 г.г.	196

1) 1904-5 г.г.—годы войны, въ которые переселеніе было закрыто, выключены изъ подсчета.

Максимумъ переселенческой волны (въ 1908 г.)—665 тыс.,—былъ за эти періоды вдесятеро больше минимума—69 тыс. въ 1897 г. Два раза эта волна поднималась очень высоко—въ 1898-1900 г.г., и въ 1907-9 г.г. Причиной прерваннаго подъема г. Кирьяковъ [1]) считаетъ голодовки 1898-99 г.г. Но г. Ямзинъ, довольно внимательно изучившій взаимоотношенія между колебаніями урожайности и переселенческаго движенія, не могъ установить тѣсной хронологической связи между ними. Онъ указываетъ на то, что «неурожай задерживаетъ недостаткомъ оборотныхъ средствъ, урожай успокаиваетъ». Однако, авторъ не сдѣлалъ детальныхъ сопоставленій этихъ признаковъ по раіонамъ; если бы онъ потрудился надъ ними, ему вѣроятно, удалось бы обнаружить извѣстную причинную связь. Наглядным доказательствомъ этой связи служитъ истекшій 1912-ый годъ, когда опять замѣтно усилилось переселеніе съ востока и средняго Поволжья, постигнутыхъ неурожаемъ въ 1911 г.

Въ первые годы XX вѣка переселенческое движеніе затихло: это былъ моментъ, когда крестьяне чутко ждали «слушного часа» и каждаго заѣзжаго человѣка осыпали вопросами — «не слышно ли чего въ другихъ мѣстахъ». Никому не хотѣлось переселяться, когда взоры всѣхъ жадно приковывались къ сосѣднимъ господскимъ имѣніямъ, гдѣ жирная, еще мало истощенная земля сулила богатые урожаи. Но вотъ прошла война, завершилось карательными экспедиціями аграрное движеніе. «Отчаяніе, вызванное крушеніемъ народныхъ надеждъ—по словамъ г. Шкапскаго—погнало въ Сибирь наиболѣе инертную массу крестьянъ». Тутъ мы видимъ уже вліяніе чисто психическихъ факторовъ.

Третьей причиной колебаній во времени являются «шатанія» правительственной переселенческой политики, хотя въ данномъ случаѣ болѣе значительную роль играютъ льготы, чѣмъ разнаго рода запреты и рогатки на пути переселенцевъ, вызывавшіе, обычно, только превращеніе легальныхъ переселенцевъ въ самовольцевъ.

Съ 1909 г. начинается третій періодъ паденія числа переселенцевъ, вызваннаго не только двумя высокими урожаями, но и сокращеніемъ удобнаго земельнаго фонда въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ. Однако, въ самой Европейской Россіи уже назрѣваютъ факторы, стимулирующіе переселеніе, и притомъ не только временные, какъ частичный неурожай 1911 г., но и гораздо болѣе постоянные. Это, во 1-хъ, *сокращеніе мобилизаціи владѣльческихъ земель*, начавшееся съ 1911 г. и, подъ вліяніемъ благопріятной коньюнктуры рыночныхъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, грозящее стать

[1]) См. „Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь".

болѣе или менѣе длительнымъ явленіемъ. Крестьянскій банкъ почти ликвидировалъ свои запасы. Удѣльный фондъ истощенъ. Казенныя земли распроданы и сданы въ долгосрочную аренду. Словомъ, какъ говорится въ объяснительной запискѣ переселенческаго управленія къ смѣтѣ на 1913 г., «главнѣйшіе источники для расширенія площади крестьянской земли въ предѣлахъ Европейской Россіи уже исчерпаны». Во 2-хъ—*усиленіе мобилизаціи надѣльныхъ земель.* Въ статьѣ «Первые итоги великой реформы» [1]) мы указывали, что между количествомъ переселенцевъ и крестьянъ, укрѣпляющихъ «навѣчно» свои надѣлы, существуетъ довольно тѣсная зависимость, если сопоставить эти количества по отдѣльнымъ раіонамъ. Изъ «укрѣпленцевъ» многіе укрѣплялись, чтобы продать землю, а теперь почти всѣ переселенцы ликвидируютъ, передъ уходомъ, свои надѣлы. За послѣдніе годы увеличиваются кадры этихъ «самоликвидаторовъ»—начинаетъ расти и переселеніе. Вотъ ростъ переселенія за первые мѣсяцы трехъ послѣднихъ лѣтъ.

Съ 1 янв. по 7 мая	1911 г.	было переселенцевъ	102,4 тыс.,	ходоковъ	12,1 т.
» »	»	1912 г.	»	»	101,2	»	»	32,7 »
» »	»	1913 г.	»	»	116,2	»	»	55,9 »

Особенно растетъ ходаческое движеніе, а ходоки—естественные предвѣстники надвигающейся переселенческой волны.

Въ общемъ итогѣ, переселенческое движеніе, какъ и всякое народное движеніе—процессъ *стихійный*, сильно колеблющійся въ зависимости отъ случайныхъ экономическихъ, политическихъ и даже психическихъ факторовъ. И, тѣмъ не менѣе, въ основѣ его лежитъ одинъ главный факторъ—экономическая нужда. «Отъ хорошей жизни не полетишь»—и не поѣдешь за тридевять земель въ далекіе, незнакомые края. А такъ какъ у крестьянъ нужда связана съ недостаткомъ земельнаго обезпеченія, то совершенно правильно, и сами крестьяне, и почти всѣ изслѣдователи переселенческаго вопроса, основной причиной переселенія считаютъ *малоземелье*. «Домъ хлѣбомъ не накормитъ, жить въ немъ весело, да ѣсть въ немъ нечего», говорятъ переселенцы. Ихъ отвѣты на вопросы о причинахъ переселенія утомительно однообразны: «отъ безземелья», «жить не причемъ», «мало земли стало», «подъ деревнями больше мѣста было, чѣмъ подъ пашнями». А. А. Кауфманъ, изъ книги котораго мы заимствуемъ эти цитаты, настойчиво указываетъ, что понятіе о малоземельи у крестьянъ субъективно, что на малоземелье жалуются, какъ дарственники центральныхъ раіоновъ, съ

[1]) См. «Русское Богатство» 1911 г. № 10—11.

такимъ надѣломъ, на которомъ, какъ говорится, доброй собакѣ негдѣ повернуться, такъ и самарскіе уроженцы съ 8-ми десятиннымъ надѣломъ на душу. По его мнѣнію, все дѣло—*въ кризисѣ* существующихъ въ данномъ раіонѣ системъ полеводства, порождающемъ *относительное*, субъективное, такъ сказать, малоземелье. Но кризисъ кризисомъ, а всетаки, если вглядѣться въ цифры земельнаго обезпеченія переселяющихся, то приходится признать, что въ общей массѣ они малоземельны не только относительно, но и *абсолютно*. Въ 12-й книжкѣ «Вопросовъ колонизаціи» Н. Турчаниновъ опубликовалъ итоговыя данныя за 1896—1911 г.г., изъ которыхъ видно, что 510 тыс. переселившихся за это время крестьянскихъ семей оставили на родинѣ 1.860 тыс. десятинъ надѣльной земли — по 3,6 дес. въ среднемъ. Если даже въ Германіи недостаточно обезпеченными считаются, въ общемъ, хозяйства, имѣющія менѣе 5-ти гектаровъ, то у насъ $3^1/_2$ десятины — это сума нищаго. Правда, изъ этихъ 510 тыс. 114 тыс. было вовсе безземельныхъ; но если выбросить ихъ, всетаки средняя цифра земельнаго обезпеченія выростетъ только до 4, 8 десятинъ.

Процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ въ общей массѣ переселенцевъ возрастаетъ до послѣднихъ лѣтъ, когда, наряду съ паденіемъ движенія, наблюдается хотя не особенно значительный подъемъ земельнаго обезпеченія на родинѣ (съ 3, 3 дес. въ среднемъ на дворъ въ 1907 г. до 4, 4 дес. въ 1911 г.). Этотъ подъемъ, отмѣченный, собственно, только для 1911-го года, можетъ быть объясненъ нѣкоторымъ увеличеніемъ количества восточныхъ, болѣе обезпеченныхъ землей переселенцевъ; вообще же земельные надѣлы уходцевъ въ Сибирь по многочисленнымъ земскимъ изслѣдованіямъ систематически падаютъ.

Такимъ образомъ переселенческое движеніе до сихъ поръ выполняло довольно успѣшно возложенную на него задачу: оно поглощало часть избыточнаго малоземельнаго населенія оскудѣвшихъ центральныхъ, а за послѣднее время—и западныхъ раіоновъ черноземной земледѣльческой полосы. Но мы знаемъ, что эта часть была сравнительно мала. По мнѣнію г. Шкапскаго, а также и многихъ другихъ, «на общее положеніе аграрнаго вопроса переселеніе не оказываетъ никакого вліянія». Изучая измѣненіе въ среднихъ размѣрахъ надѣла по отдѣльнымъ губерніямъ за 20 лѣтъ, авторъ приходитъ къ выводу, что даже въ губерніяхъ наибольшаго выхода переселеніе нисколько не удержало паденія среднихъ величинъ крестьянскаго надѣла, т. е. дальнѣйшаго наростанія малоземелья. Авторъ основывался на данныхъ XIX вѣка, когда переселеніе было сравнительно невелико. Если же взять теперешнюю эпоху, то,

несомнѣнно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ переселеніе захватило около половины и болѣе естественнаго прироста, его вліяніе не могло не сказаться, какъ въ видѣ задержки дальнѣйшаго наростанія избыточнаго населенія деревни, такъ и нѣкотораго облегченія отъ земельной нужды. Что это такъ, можно видѣть на примѣрѣ Полтавской губерніи, по которой недавно опубликованы суммарные итоги 3-ей подворной переписи 1910-го года. Приростъ сельскаго населенія, равнявшійся въ промежуткѣ съ 1880-хъ годовъ до 1900 г.—16,6%, упалъ въ періодъ 1900—1910 г.г. до 4,6 %; сильно измѣнилось также распредѣленіе хозяйствъ по остальнымъ губерніямъ.

Измѣненіе каждой посѣвной группы (+ или—):

	безпосѣвные	до 3 дес.	3—6 д.	6—9 д.	свыше 9 дес.
Между первою и второю переписями (одни непривилегированные).	—22,3	+51,2	—0,7	—16,1	—3,6
Между второю и третьею (всѣ сословія).	—11,0	—1,7	—4,9	+13,3	+30,3

Средніе размѣры посѣвной площади на одно хозяйство увеличились въ первый промежутокъ на 2,4 %, во второй—на 4,2%. Процентъ безпосѣвныхъ въ первый періодъ сократился больше, но тогда безпосѣвные уходили въ слѣдующую группу—малосѣющихъ, немногимъ отличающуюся по экономическому облику отъ безпосѣвныхъ. Во второй періодъ уходъ безземельныхъ и малоземельныхъ въ Азію далъ замѣтный толчокъ развитію средне-зажиточной группы съ посѣвомъ въ 6—9 дес., группы гораздо болѣе приспособленной къ с. хозяйственной эволюціи, чѣмъ первыя двѣ. До конца же XIX вѣка эта группа терпѣла большой ущербъ. Что касается до верхнихъ группъ, давшихъ еще большее повышеніе, то онѣ росли преимущественно за счетъ покупки земель у частныхъ владѣльцевъ. Мобилизація владѣльческихъ земель перебросила въ 1903—1909 г.г. къ «непривилегированнымъ» сословіямъ губерніи 112 тыс. дес.

Оставляемые переселенцами земельные надѣлы въ Полтавской губерніи переходятъ, по земско-статистическимъ даннымъ, главнымъ образомъ къ низшимъ и среднимъ слоямъ: въ 1909-мъ году къ хозяйствамъ, имѣющимъ менѣе 9 дес., перешло 65,6 %. Тоже самое наблюдается и въ Черниговской губерніи. Но этотъ типъ ликвидаціи оставленнаго переселенцами земельнаго фонда нельзя считать всеобщимъ. Въ Полтавской и Черниговской губ. земля продавалась преимущественно *враздробь*, по кусочкамъ, въ нѣсколько рукъ, такъ что число покупателей зачастую было больше, чѣмъ число продав-

цовъ. Въ Харьковской губ. въ 34—39 % случаевъ земля переселенцевъ продавалась въ *одни руки*, при чемъ среднее количество десятинъ, купленныхъ такимъ образомъ, равнялось 35. Въ этихъ случаяхъ происходитъ *концентрація* надѣловъ; земля попадаетъ въ руки деревенскихъ богатѣевъ, «хозяйственныхъ мужичковъ» и кулаковъ-спекулянтовъ. Много шансовъ за то, что теперь также идетъ дѣло по другимъ мѣстамъ. Продажа вразбродъ мелкимъ хозяевамъ требуетъ достаточнаго количества времени, чтобы подыскать покупателей и чтобы эти покупатели собрали нужныя деньги. Но, вслѣдствіе плохой организаціи освѣдомительнаго аппарата, переселенцы узнаютъ о свободныхъ участкахъ почти наканунѣ открытія кампаніи и $^2/_3$ ихъ ликвидируютъ землю за три мѣсяца до отъѣзда. У кулаковъ есть наличныя деньги или хорошо организованный кредитъ; они во всякое время могутъ заворотить полу и отсчитать на ладонь переселенцу наличными. Какъ устоять передъ такимъ соблазномъ, хотя бы покупатель-бѣднякъ и предлагалъ большую плату? Въ такихъ условіяхъ единственный способъ уничтожить возможность скупки переселенческихъ надѣловъ богатѣями—*правительственный кредитъ*. Нѣкоторые писатели указываютъ, что за это дѣло должны взяться и кое-гдѣ поневолѣ берутся кредитныя кооперація; но, по нашему мнѣнію, главное назначеніе кредитныхъ кооперацій—развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и каждый рубль, полученный оттуда, долженъ реализоваться въ крестьянскомъ хозяйствѣ такъ, чтобы онъ способствовалъ этому развитію. Пусть идетъ онъ на покупку крестьянами скота, орудій, сѣмянъ, удобренія, на организацію сбыта. Всѣ-же расходы, сопряженные съ куплей-продажей земель, мы считаемъ непроизводительными для крестьянскаго хозяйства. При томъ, они слишкомъ велики для нашихъ молодыхъ народныхъ организацій кредита, которыя бы могли удѣлять сотни тысячъ, рѣдко милліоны, тамъ, гдѣ требуются десятки милліоновъ. Правительство является главнымъ виновникомъ созданія и развитія этихъ непроизводительныхъ тратъ изъ народнаго кармана; оно и должно само окупить свою вину.

Съ проведеніемъ въ жизнь закона 9-го ноября продажа переселенцами надѣльныхъ земель растетъ въ геометрической прогрессіи. До этого закона надѣлы обычно передавались въ общество, а общество отдавало ихъ крестьянамъ, недостаточно обезпеченнымъ землей. Создавалось болѣе или менѣе раціональное распредѣленіе между нуждающимися въ землѣ освобождаемаго переселеніями земельнаго фонда. Теперь этотъ фондъ идетъ мимо общества. Такъ, въ Харьковской губ., въ 1904 г. 72% переселенцевъ передали надѣлы въ общество, и только 4% продали землю; въ 1910 г., на-

„Пров 38"

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ [1]).

II.

Экономическое положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Милліоны крестьянъ, перевалившихъ за Уралъ, распахали десятки милліоновъ десятинъ на необъятномъ пространствѣ дѣвственныхъ земель, вырубили и выкорчевали дремучіе лѣса, осушили болота, населили города, подняли торговлю и промышленность страны—словомъ, создали небывалое до тѣхъ поръ развитіе производительныхъ силъ въ своей новой родинѣ. Вотъ нѣкоторые факты, дающіе понятіе о темпѣ этого развитія. Населеніе Азіатской Россіи съ 1897 до 1911 г. увеличилось на $6^1/_2$ милліоновъ или на $45^0/_0$, дойдя почти до 20 милліоновъ душъ; сельское населеніе возросло на $41^0/_0$, городское—на $77^0/_0$. Изъ этихъ 6 милліоновъ прироста 4 милліона приходится на послѣдній періодъ (послѣ 1905-го года). Съ этого же времени начала особенно расширяться посѣвная площадь, увеличившаяся только по 8 губерніямъ (за 1907—11 гг.) на $52^0/_0$. За 4 года (1907—10 гг.) по всей Азіатской Россіи посѣвы возросли на 1,6 милліоновъ дес., (во всей Имперіи—на 4 милліона); возрастаніе однихъ азіатскихъ посѣвовъ составило $40^0/_0$ всего общеимперскаго прироста. Ростъ посѣвовъ и скота почти вдвое превышалъ ростъ населенія—а это, a priori, должно свидѣтельствовать о необычайномъ развитіи производительныхъ силъ, никогда не наблюдавшемся въ коренной Россіи, гдѣ производительность сельскаго хозяйства до сихъ поръ еще отстаетъ отъ роста населенія. Сибирь всасываетъ въ себя потоки людей и затѣмъ начинаетъ выбрасывать на внутренній міровой рынокъ потоки пшеницы, масла и другихъ с.-хозяйственныхъ продуктовъ. За 7 лѣтъ (до 1900 г.) вывозъ хлѣба по Сибирской ж. д. поднялся съ $10^1/_2$ милліоновъ пудовъ до 51 милліона, вывозъ масла (1894—1910 гг.)—съ 400 тыс. пуд. до 3,8 мм. Въ общемъ получается такая яркая картина пышнаго расцвѣта производительныхъ силъ, что при взглядѣ на нее закружилась голова не только у нашихъ министровъ, видѣвшихъ ее изъ окна салонъ-

[1]) См. сентябрь, стр. 274.

вагоновъ, но и у кое-кого изъ западно-европейскихъ экономистовъ, которые взапуски расхваливаютъ мудрость и энергію правительства въ переселенческомъ дѣлѣ.

Но на этой картинѣ уже давно завелось темное пятно, и оно за послѣдніе годы все растетъ и растетъ, яркія краски картины тускнѣютъ и блекнутъ. Пятно это — *неурожаи*, которые въ нѣкоторыхъ болѣе густо населенныхъ западныхъ областяхъ начинаютъ пріобрѣтать постоянную осѣдлость. В XX вѣкѣ было уже два трехлѣтнихъ періода неурожаевъ: въ 1900—1902 и въ 1909—1911 гг., да и въ 1912-мъ году нѣкоторыя области опять голодали. Въ Тургайской и Акмолинской областяхъ завелись цынга и голодный тифъ. Паденіе среднихъ урожаевъ по пятилѣтіямъ еще не особенно замѣтно (съ 54 пудовъ въ 1896—900 гг. до 51 пуда въ 1906—10 гг.), но погодныя колебанія урожайности превратились въ рѣзкіе скачки; въ послѣднее десятилѣтіе размахъ амплитуды колебаній сталъ значительно шире, чѣмъ въ Европейской Россіи, и по отдѣльнымъ мѣстностямъ дошелъ до такихъ невѣроятныхъ цифръ, какъ 5 и 260 пудовъ сбора ржи съ десятины, 3 и 250 пудовъ овса, 10 и 300 пуд. пшеницы. Этотъ размахъ—грозный предвѣстникъ надвигающагося кризиса экстенсивныхъ, хищническихъ системъ полеводства. Даже въ нѣкоторыхъ, изумительныхъ по плодородію черноземныхъ мѣстностяхъ (въ Семирѣчьи) появились неурожаи, вслѣдствіе того, что переселенцы, по мѣткому выраженію одного изъ нихъ, «запакостили» свои участки.

Кризисъ экстенсивнаго земледѣлія — неизбѣжный результатъ хищническаго хозяйства. Еще совсѣмъ недавно въ Сибири царила переложная система: каждый выбиралъ себѣ на просторѣ лучшіе куски земли, обрабатывалъ ихъ безъ передышки до полнаго истощенія и затѣмъ бросалъ на нѣсколько лѣтъ подъ степь и лѣсныя поросли. Такая система требуетъ большихъ площадей удобной земли. Когда нахлынули сюда милліоны переселенцевъ, раціональное веденіе перелога стало невозможнымъ, такъ какъ распашкѣ подвергалась все бо́льшая площадь, а площадь залежей все сокращалась. Перелогъ превратился въ безпорядочное нестрополье, высасывающее изъ земли всѣ соки. Единственный выходъ отсюда—переходъ на урегулированное трехполье съ удобреніемъ, а тамъ, гдѣ это нужно (напримѣръ, въ маслодѣльныхъ раіонахъ), и на болѣе интенсивныя системы. Такой переходъ въ Западной Европѣ и внутри Россіи происходилъ на протяженіи вѣковъ; совершаясь исподволь, онъ не требовалъ особыхъ усилій. Но въ Сибири, которая въ этомъ отношеніи напоминаетъ Соединенные Штаты, переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ, вынуждаемый быстро расту-

щимъ населеніемъ и теперешнимъ «землеустройствомъ» старожиловъ, долженъ совершиться сразу: старожилому населенію и старымъ поселенцамъ приходится, такъ сказать, однимъ прыжкомъ перемахнуть черезъ столѣтнюю эволюцію. А для такого геройскаго прыжка нужно имѣть большія силы: нужны личная энергія, инициатива, извѣстная культурность, а прежде всего и больше всего —устойчивое экономическое благосостояніе.

Многіе изслѣдователи сильно сомнѣваются въ устойчивости «домашняго благополучія» сибирскихъ поселенцевъ и даже старожиловъ. А. Хохряковъ, по поводу послѣднихъ неурожаевъ, говоритъ: «Выяснилось, что деревня и заУраломъ живетъ также необезпеченно, также день за днемъ перебивается, какъ и деревня центра. Едва случился неурожай въ одной изъ самыхъ богатыхъ губерній Сибири, и населеніе уже голодаетъ, уже необходима продовольственная помощь. И это—въ уѣздахъ, гдѣ крестьянство получаетъ ежегодно десять милліоновъ рублей за масло. Запасовъ никакихъ, никакой предусмотрительности, полное отсутствіе хозяйственнаго распорядка». О. А. Шкапскій, ставящій благосостояніе сибирскихъ крестьянъ въ зависимость отъ земельнаго простора, также констатируетъ его неустойчивость. «При томъ экстенсивномъ хозяйствѣ которое ведется въ Сибири и бросить которое крестьяне не могутъ, въ силу общихъ экономическихъ условій, благосостояніе переселенца можетъ расти только тогда, когда имѣется на лицо просторъ, возможность истощенную землю замѣнить свѣжей. Если этого сдѣлать нельзя—сибирское крестьянское хозяйство начинаетъ падать, какъ и въ коренной Россіи». Развитіе маслодѣлія, по словамъ А. М. Мелкихъ, «встрѣчаетъ препятствіе въ постепенно сокращающемся многоземельи и въ замѣтномъ вздорожаніи кормовъ, заставляющихъ переходить къ болѣе заботливому уходу за скотомъ и принимать мѣры къ улучшенію его породы и повышенію его производительности. Все это не по силамъ новымъ культуртрегерамъ, все это, можетъ быть, даже выше ихъ пониманія».

Насколько и въ какую сторону измѣняется экономическое положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, отъ какихъ причинъ зависятъ колебанія въ уровнѣ ихъ благосостоянія—выясняется данными трехъ массовыхъ переписей переселенцевъ, изъ которыхъ первая (сплошная) была произведена въ 1889—1900 гг., вторая (выборочная) въ 1903—4 гг. и третья (тоже выборочная) въ 1911—12 гг. Переписи эти выясняютъ различное вліяніе *времени*, *мѣста*, *юридическихъ* и *экономическихъ* условій водворенія на характеръ эволюціи переселенческаго хозяйства.

Какъ эти переписи, такъ и всѣ другія изслѣдованія отмѣчаютъ

первостепенное значеніе *времени* водворенія. По послѣдней переписи, напримѣръ, приходилось на дворъ:

	Десятинъ посѣва.	Головъ крупнаго скота.	На 1 дес. посѣва крупнаго скота.
На родинѣ	2,4	?	?
Въ Сибири у прожившихъ до 3 лѣтъ.	2,7	2,5	0,93
» » » » 3 года . .	4,4	3,9	0,88
» » » » 4—7 лѣтъ .	5,2	4,0	0,75
» » » » 8—18 » .	7,4	5,5	0,75
» » » » свыше 18 » .	7,4	6,8	0,92
Всего въ среднемъ . . .	5,4	4,3	0,80

Тоже самое явленіе констатируютъ и другія переписи. Послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія на новомъ мѣстѣ, переселенческое хозяйство уже достигаетъ тѣхъ миніатюрныхъ размѣровъ, какіе оно имѣло на родинѣ; послѣ 4—8 лѣтъ оно выростаетъ вдвое, но затѣмъ дальнѣйшій ростъ замедляется. 6—7 десятинъ посѣва, 4—5 головъ крупнаго скота—это предѣлъ крестьянской «сытости». Дойдя до этого предѣла, переселенецъ покрываетъ уже свои личныя и хозяйственныя потребности, и хотя, при 38-десятинномъ надѣлѣ на дворъ, онъ бы могъ, на первый взглядъ, свободно расширять свое хозяйство и дальше, но этому препятствуетъ, съ одной стороны, отсутствіе сбыта, съ другой—повидимому, плохое качество или трудность обработки многихъ включенныхъ въ надѣлъ пустошей. По крайней мѣрѣ цѣлыхъ $^2/_3$ надѣльныхъ земель еще совсѣмъ не тронуты переселенцами, не смотря на то, что огромное большинство описанныхъ хозяйствъ находились на мѣстѣ больше 3-хъ лѣтъ и достаточно окрѣпли. Въ то же время, почти двѣ трети пашни уходятъ подъ посѣвы,—пропорція при раціональной переложной системѣ недопустимая и вызываемая, очевидно, недостаткомъ удобныхъ для пахоты угодій.

По переписи 1903-4 гг. размѣры земледѣльческаго хозяйства у прожившихъ даже 9 лѣтъ и больше переселенцевъ были еще меньше: 2,7 головъ рабочаго скота и 5,3 дес. земли посѣва—размѣры самаго обыкновеннаго средняго хозяйства въ Россіи. Но, можетъ быть, дальнѣйшему расширенію хозяйствъ препятствовало, помимо плохого качества земли, отсутствіе сбыта? Появится сбытъ—и хозяйство расширится. Дѣйствительно, вблизи желѣзныхъ дорогъ размѣры его больше; въ Приамурьи, при наличности обез-

печеннаго сбыта въ казну, посѣвы крестьянъ-старожиловъ достигаютъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ. Но... *только посѣвы.* Скотоводство и тамъ, и въ степяхъ, и въ лѣсо-степи—всюду отстаетъ отъ земледѣлія. Всѣ три переписи, въ этомъ отношеніи, даютъ одинаковыя показанія. На одну десятину у преобладающаго большинства переселенцевъ приходится по 0,7—0,8 головъ скота. «Не можетъ быть оживленія мѣстной промышленности,—говоритъ г. Шкапскій,—разъ мы видимъ на огромныхъ листахъ жизни повторяющуюся сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, которая привела Россію къ экономическому кризису и которая предвѣщаетъ то же самое и въ Сибири. Вѣдь, 0,7 головы на десятину посѣва—это то самое разбитое корыто, отъ котораго бѣгутъ съ родины крестьяне. Бѣгутъ, и въ то же время на новыхъ мѣстахъ черезъ нѣсколько лѣтъ, приходятъ къ тому же самому». Въ первый годъ послѣ водворенія, переселенецъ пріобрѣтаетъ необходимую скотину; затѣмъ, укрѣпившись, онъ набрасывается на посѣвы, въ 3-4 года удваиваетъ и утраиваетъ ихъ, но не заботится ни объ удобреніи, ни о лучшей обработкѣ земли, ни о сохраненіи ея плодородія. Съ ростомъ населенія площадь залежи, возстанавливающей плодородіе естественнымъ путемъ, все убываетъ, земля тощаетъ, неурожаи ростутъ и Сибирь начинаетъ вступать въ ту полосу кризиса экстенсивныхъ системъ полеводства, который пережитъ уже западомъ Европейской Россіи и царитъ сейчасъ на ея востокѣ.

Въ общемъ, слѣдовательно, переписи констатируютъ довольно быстрое развитіе переселенческаго хозяйства до извѣстнаго предѣла: но это—зыбкая, неустойчивая эволюція. Достаточно двухъ-трехъ значительныхъ неурожаевъ, чтобы отъ переселенческой «сытости» не осталось и слѣда.

Слѣдующій факторъ экономическаго благосостоянія переселенцевъ—*мѣсто*, т. е. природныя условія тѣхъ раіоновъ, въ которыхъ переселенцы водворяются. Здѣсь, опять, всѣ три переписи единогласно свидѣтельствуютъ, что переселенческое хозяйство ростетъ лучше всего въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ и хуже всего въ лѣсныхъ, въ дремучей тайгѣ.

	На одинъ дворъ.			
	По переписи 1903-4 г.		По переписи 1911-12 г.	
	Десят. посѣва.	Головъ крупн. скота.	Десят. посѣва.	Головъ крупн. скота.
Западно-Сиб. лѣсостепь	—	—	8,4	5,1
Степь	6,8	5,3	6,1	4,5
Вост.-Сибирск. лѣсостепь	4,4	3,1	3,8	3,4
Урманъ и тайга . . .	2,9	2,8	2,3	3,1

Вліяніе мѣста водворенія на темпъ хозяйственной эволюціи почти равносильно вліянію времени: переселенцы, прожившіе въ тайгѣ 7—8 лѣтъ, имѣютъ тѣ же посѣвы и скотъ, какъ у степныхъ колонистовъ послѣ двухлѣтняго пребыванія. По переписи 1903-го года старые таежные поселенцы имѣли меньше скота, чѣмъ было у нихъ на родинѣ. Въ степномъ раіонѣ безпосѣвные и малопосѣвные (до 3 дес.) дворы составляютъ 18%, въ лѣсостепномъ—40%, въ подтаежномъ—48, въ таежномъ—70%. Этотъ фактъ, а также то обстоятельство, что на десятину посѣва въ лѣсныхъ раіонахъ приходится въ $1^1/_2$—2 раза больше земледѣльческаго капитала, при сравнительно низкой урожайности, показываютъ, съ какимъ трудомъ таежному земледѣльцу удается наладить его маленькое хозяйство. И вотъ теперь, когда въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ осталось уже мало свободныхъ земель, правительство собирается распродать ихъ графамъ Медемамъ, Новосильцевымъ и «крѣпкимъ», зажиточнымъ хозяевамъ, а малоземельныхъ бѣдняковъ упорно старается загнать въ тайгу.

Третій факторъ—юридическія условія водворенія. Переселенцы дѣлятся, какъ извѣстно, на «легальныхъ», получившихъ проходныя свидѣтельства, пользующихся льготнымъ проѣздомъ и часто ѣдущихъ на зачисленные заранѣе участки, или водворяемыхъ на заготовленныхъ участкахъ въ первую очередь—и «нелегальныхъ» самовольцевъ, «билетныхъ», ѣдущихъ безъ проходныхъ свидѣтельствъ по общему тарифу и водворяемыхъ на участкахъ во вторую очередь, послѣ устройства легальныхъ. Процентъ самовольцевъ не находится ни въ какой связи съ размѣрами переселенческаго движенія: главныя причины ихъ существованія—шатанія правительственной политики, то запрещающей, то поощряющей переселеніе, а также плохая организація освѣдомительнаго аппарата. За 16 лѣтъ съ 1896 г. по 1911 г. число самовольцевъ достигло 1,4 мил., противъ 2,1 мил. легальныхъ, т. е. самовольческое движеніе составило двѣ трети легальнаго. Только за три года наивысшаго подъема движенія (1907—1909 г.) прошло въ Азію 690 тыс. самовольцевъ и, въ результатѣ, П. А. Столыпинъ насчиталъ въ 1910 г. 700 тыс. неустроенныхъ переселенцевъ въ одной Западной Сибири. Самовольцы облюбовали Томскую губернію и Акмолинскую область, куда за 1896 — 1907 г.г. ихъ прошло 809 тыс. (67%). Такое скопленіе ихъ въ одномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что они рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ безземельныхъ и очень малоземельныхъ элементовъ деревни, и настолько бѣдны, что не въ состояніи послать ходоковъ, а безъ ходоковъ нельзя заранѣе зачислить землю. Поэтому они идутъ «по слухамъ» и письмамъ родственниковъ, въ

мѣста, гдѣ уже ихъ земляки осѣли,—а главные кадры переселенцевъ, до послѣднихъ лѣтъ, осѣдали именно въ Томской губ. и Акмолинской области. Земляки хлопочутъ и о пріемѣ ихъ въ старожильческія общества. Наконецъ, у нихъ не хватаетъ средствъ на болѣе далекое путешествіе. Земскіе переселенческіе агенты отмѣчаютъ, что «громадное большинство самовольныхъ переселенцевъ направляется какъ разъ въ такіе раіоны Сибири, въ которыхъ меньше всего можно разсчитывать на полученіе земли, т. е. въ Томскую губернію и Акмолинскую область, и при этомъ въ мѣста, наиболѣе густо заселенныя». Положеніе ихъ бываетъ зачастую крайне тяжелымъ. По словамъ г. Ребрина *), «переселенцамъ этой категоріи цѣлые годы приходится ожидать казенной земли, какъ манны небесной, проживать съ семьями послѣднія скудныя средства, привезенныя съ родины, и испытывать на себѣ всѣ послѣдствія сибирской безработицы, ютиться, нерѣдко, въ скотскихъ избахъ старожиловъ и подвергаться, со стороны послѣднихъ, самой беззастѣнчивой эксплоатаціи». Дѣтская смертность выростаетъ у нихъ иногда до 100%,— т. е. дѣти вымираютъ всѣ поголовно.

Въ Томской губерніи трижды производилась сплошная перепись непричисленныхъ переселенцевъ-самовольцевъ. Результаты двухъ переписей опубликованы г. Ногнибѣдой въ «Вопросахъ колонизаціи» (№№ 9 и 11). По переписи 1904 г. изъ 81 тыс. описанныхъ семей бездомовыхъ было 29%, безпосѣвныхъ—48%, безъ крупнаго скота—27%, между тѣмъ какъ по переписи 1911—12 г.г., охватившей почти исключительно «причисленныхъ», первыхъ оказалось 2,8%, вторыхъ (вмѣстѣ съ сѣющими до 1 дес.)—16%, третьихъ—5—6%. Даже послѣ 6—7 лѣтъ пребыванія на новомъ мѣстѣ 40 непричисленныхъ не обзавелись полевымъ хозяйствомъ. Тѣ, которымъ это удалось, имѣютъ по 3,5 дес. посѣва и 1,9 головъ лошадей. Большая часть засѣвала на арендованной землѣ, около пятой доли—на захваченныхъ пустующихъ участкахъ. Благодаря «землеустройству» старожиловъ и снятію запрета съ кабинетскихъ земель, изъ которыхъ отрѣзались большія площади, за два послѣднихъ года переселенческое вѣдомство водворило многихъ самовольцевъ и къ 1912 г. ихъ оставалось въ Томской губерніи 33 тыс. дворовъ. Но «отрѣзки» уже приходятъ къ концу, старожилы, стѣсненные въ своихъ угодьяхъ, перестаютъ сдавать въ аренду, и жалкое хозяйство тѣхъ, кому не удалось получить надѣлъ, окончательно «сползаетъ внизъ»: въ 1909 г. изъ сѣющихъ самовольцевъ было только 3% засѣвавшихъ менѣе 1 дес., въ 1910 г.—уже 26%. Старожилы не только

*) Въ докладѣ: „Переселеніе и земство“ XII съѣзду естествоиспытателей и врачей (подсекція статистики).

перестаютъ сдавать въ аренду: они окончательно отказываются отъ пріемки новоселовъ. Послѣднія сообщенія земскихъ корреспондентовъ изъ Сибири пестрятъ свѣдѣніями о такихъ отказахъ или о доведеніи пріемной платы до сотни и больше рублей за мужскую душу. А изъ Россіи «претъ» новая волна самовольцевъ, и въ 1912 г. все въ тѣ же губерніи прошло ихъ 86 тыс. Что съ ними будетъ—одному Богу извѣстно.

Послѣдній факторъ—имущественное положеніе водворяющихся. Мнѣнія различныхъ авторовъ относительно этого вопроса нѣсколько противорѣчивы и неясны. А. А. Кауфманъ, на основаніи стараго изслѣдованія Томской губ., пришелъ къ поразительному выводу: «переселенцы тѣмъ менѣе выигрываютъ отъ переселенія, чѣмъ лучше было ихъ хозяйственное положеніе на родинѣ; для болѣе состоятельныхъ крестьянъ переселеніе положительно не выгодно: въ Сибири имъ не удается, въ общемъ выводѣ, довести своей запашки даже и до тѣхъ размѣровъ, которыхъ она у нихъ достигала на родинѣ» [1]). Тамъ же онъ доказываетъ, что рабочій составъ переселенческаго двора имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ запасы денежныхъ средствъ, принесенныхъ съ собой, такъ какъ многорабочіе, но совершенно безденежные дворы оказались въ состояніи завести болѣе обширное, по размѣрамъ, хозяйство, чѣмъ малорабочіе, но богатые деньгами и имуществомъ. Тѣмъ не менѣе, для будущаго времени, когда, вслѣдствіе сокращенія земельнаго простора и вздорожанія хозяйственныхъ средствъ, первоначальное устройство и обзаведеніе будутъ обходиться дороже, авторъ считаетъ, что «размѣръ принесенныхъ денежныхъ средствъ пріобрѣтетъ вмѣсто прежняго второстепеннаго, доминирующее, первостепенно важное значеніе».

Что же, на самомъ дѣлѣ, важнѣе для устройства переселенческаго хозяйства—рабочія руки или капиталъ? Первыми переселенцы достаточно богаты, вторымъ—бѣдны. По докладу О. А. Шкапскаго, основанному на переписи 1903-4 г.г., переселенческія семьи состояли изъ 6,4 ѣдоковъ при 1,5 работниковъ, а крестьянская семья въ Россіи—изъ 5,7 ѣдоковъ, при 1,2 работникахъ. По переписи 1911—12 г.г. размѣръ переселенческой семьи въ моментъ переписи равнялся 6,1 душамъ при 1,3 работникахъ мужского пола. По многолѣтнимъ даннымъ Турчанинова, размѣръ семьи у переселенцевъ равенъ 6,2 ѣдокамъ. Среди переселенцевъ очень мало стариковъ, которые остаются дома доживать послѣдніе годы; мало и женщинъ: (по Черниговскимъ даннымъ—на 10% меньше, чѣмъ на родинѣ); очень мало семей, не имѣющихъ хотя бы одного работника.

[1]) „Переселеніе и колонизація“, стр. 306.

Однимъ словомъ, переселенческій потокъ—это потокъ *рабочей силы*, не нашедшей себѣ приложенія на родинѣ. Но денегъ у нихъ мало: по переписи 1903—4 г.г. только 14,6% имѣли свыше 200 руб., по переписи 1911—12 г.г. съ собой привезено по 90 р. и получено ссуды по 96 р. По послѣдней переписи трудъ и капиталъ одинаково вліяютъ на размѣры хозяйства.

На одну семью приходилось:

Въ хозяйствахъ сѣющихъ до 1 десятины.	Душъ обоего пола.	Рабочихъ муж. пола.	Денегъ при водвореніи (своихъ и ссуды).	Скота штукъ.
	4,7	1,1	149	0,8
1—3 дес.	5,4	1,2	164	1,2
3—9 дес.	6,9	1,5	183	1,8
Свыше 9 дес.	8,9	1,9	274	2,8

«Чѣмъ больше душъ въ хозяйствѣ, тѣмъ больше въ немъ работниковъ и тѣмъ больше оно производитъ посѣва». Съ другой стороны, «чѣмъ больше было у переселенца средствъ *въ началѣ*, при приступѣ къ хозяйству, тѣмъ болѣе у него оказывается посѣва въ настоящее время» [1]). Капиталъ *эквивалентенъ* труду. Значеніе перваго, какъ отмѣтилъ также и А. А. Кауфманъ, первостепенно при водвореніи и первоначальномъ устройствѣ, когда каждый лишній десятокъ рублей даетъ переселенцу возможность быстрѣе и крѣпче заложить фундаментъ своего хозяйства: но дальнѣйшая постройка хозяйственнаго зданія производится личнымъ трудомъ новосела, и прочность его стѣнъ болѣе всего зависитъ отъ трудоспособности хозяйствующей семьи. Поэтому, здоровыя руки прекрасно возмѣщаютъ недостатокъ средствъ, если только раціональная организація ссуды позволитъ поселенцу быстро и безболѣзненно заложить свой фундаментъ.

Въ общихъ чертахъ, наша краткая характеристика экономическаго положенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, причинъ и условій развитія ихъ хозяйства, показываетъ, что для прочной и устойчивой эволюціи этого хозяйства, а вмѣстѣ съ нимъ и для развитія производительныхъ силъ въ колонизуемыхъ областяхъ, нужно очень многое. Нужно, чтобы переселенецъ, попадая въ Сибирь, имѣлъ самъ или получалъ отъ казны извѣстный минимумъ денежныхъ средствъ; нужно, чтобы этотъ минимумъ расходовался продуктивно, на оборудованіе хозяйственнаго фундамента, т. е. на покупку необходимаго скота и орудій, на возведеніе жилища, а не

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній объ экономическихъ положеніи переселенцевъ въ Сибири, вып. 1, стр. 44—48.

на аренду земли, не на «пропой» старожиламъ, принимающимъ ихъ въ общество, не на покупку отрубовъ у казны; нужно, чтобы переселенецъ получалъ *сразу* даровой участокъ земли достаточныхъ размѣровъ, и притомъ въ раіонахъ *удобныхъ* для колонизаціи, а не въ дикой тайгѣ, вдали отъ человѣческаго жилья, или въ недоступныхъ горахъ, или на болотахъ Пріамурья, или въ безводныхъ пустыняхъ юга. Далѣе нужно, чтобы неурожаи не подорвали его хозяйства вначалѣ; чтобы, когда оно разовьется до предѣловъ «сытости»,—ему былъ обезпеченъ удобный сбытъ излишковъ, т. е. пути сообщенія были хорошо оборудованы. Нужно, наконецъ, чтобы переселенецъ не голодалъ періодически, а, работая въ обстановкѣ сравнительнаго довольства, могъ накоплять запасы средствъ, необходимыхъ для быстраго и безболѣзненнаго перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства, когда это понадобится по общему ходу экономической эволюціи въ данной области.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій развитія переселенческаго хозяйства является, какъ мы видимъ, мѣсто поселенія—его природныя качества, а также размѣръ отводимыхъ участковъ. Поэтому, будущность колонизаціи Азіатской Россіи больше всего зависитъ отъ ея *колонизаціонной емкости*, отъ наличности запаса свободныхъ земель, удобныхъ для заселенія.

III.

Колонизаціонная емкость и туземное хозяйство.

Казалось бы, вопроса о колонизаціонной емкости Сибири не можетъ существовать: что такое 20 милліоновъ населенія на территорію въ полтора милліарда десятинъ, когда въ Европейской Россіи на почти вчетверо меньшей площади умѣщаются 120 милліоновъ? И всетаки этотъ вопросъ до сихъ поръ является таинственной загадкой. Послѣднія работы почвенно-ботаническихъ экспедицій, еще болѣе—послѣднія дѣйствія и законопроекты правительства приподняли краешекъ завѣсы надъ этой тайной и общая, если не цифровая, то описательная характеристика колонизаціонной емкости можетъ быть произведена со значительной степенью достовѣрности.

Однако, прежде всего, не надо забывать, что колонизація создается *людьми*, которые имѣютъ свои опредѣленные вкусы, намѣренія, хозяйственныя способности. Какъ совершенно справедливо указалъ статсъ-секретарь Кривошеинъ въ своей рѣчи въ 3-ей Думѣ при обсужденіи переселенческой смѣты на 1910-ый годъ, «люди идутъ

устраивать новую жизнь, ломая старую, и направлять ихъ искусственно не туда, куда ихъ тянетъ, значитъ брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что для такого рѣшенія судьбы отдѣльныхъ лицъ, для выполненія такой системы, никакое правительство въ мірѣ, никакая общественная организація не можетъ имѣть достаточно ни знаній, ни средствъ, ни силъ». Куда же тянетъ нашихъ переселенцевъ?

Обычно указываютъ, что переселенцы ищутъ въ Сибири такой же природной обстановки, какая была у нихъ на родинѣ: выходцы изъ степей тянутся въ степи, изъ лѣсовъ—въ подтаежные «бѣльники», «гари», урманы. Но этого указанія недостаточно для болѣе опредѣленной характеристики направленія колонизаціи. И степь и лѣсъ встрѣчаются въ большинствѣ областей, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, однако заселеніе отдѣльныхъ областей идетъ далеко не одинаковымъ темпомъ. Если взять всю ту эпоху колонизаціи, которая охватывается наиболѣе точными цифровыми данными, то изъ 4 милліоновъ всѣхъ переселенцевъ водворилось:

Въ западной Сибири.	52,3%
Въ восточной »	13,7 »
На Дальнемъ Востокѣ.	8,0 »
Въ степныхъ областяхъ.	22,7 »
Въ Туркестанѣ	3,3 »

Три четверти переселенцевъ осѣли въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ, т. е. въ раіонахъ, пограничныхъ съ Европой. Но и въ этихъ раіонахъ колонизація сосредоточилась въ двухъ мѣстностяхъ, такъ излюбленныхъ самовольцами—Томской губ. и Акмолинской области, куда прошло около 2,2 милліоновъ душъ (56% всѣхъ переселенцевъ). Въ остальныхъ областяхъ Западной Сибири и киргизскихъ степяхъ размѣстилось около 800 тыс., а всего—3 милліона. Эти три милліона уже разобрали почти весь доступный колонизаціи свободный земельный фондъ западныхъ областей Азіатской Россіи. Въ Западной Сибири остались только лѣсныя пространства на сѣверѣ, да горныя высоты Алтая на востокѣ. Намъ нечего тратить время на доказательство этой истины, которую признаютъ и представители переселенческаго вѣдомства. «Свободные участки остались почти исключительно въ лѣсной полосѣ, а колонизація и культура лѣсныхъ пространствъ—еще дѣло будущаго»[1]). Насколько неохотно заселяются лѣсные участки—теперь видно на примѣрѣ бли-

[1]) См. брошюру: „Къ вопросу объ учрежденіи высшаго с.-хозяйственнаго учебнаго заведенія въ Сибири“.

жайшаго къ Европейской Россіи Туринскаго уѣзда Тобольской губ., гдѣ всѣ нарѣзанные переселенческіе участки образованы еще до 1902 г., съ 1902 г. началось ихъ заселеніе, а до конца 1910 г. заселено только 47% душевыхъ долей, тогда какъ въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ губерніи онѣ разбираются нарасхватъ. Вообще, переселенцы обѣгаютъ большую часть Тобольской губерніи, не смотря на то, что она лежитъ на перепутьи изъ Европы въ Азію, потому что она—лѣсная. И не удивительно: въ урманныхъ участкахъ этой губерніи лѣсистость 70%, болотистость 20%, 2% озеръ и только 8% гари и полянъ; въ подъурманныхъ—сплошныхъ лѣсовъ 35%, болотъ 30%, а въ лѣсостепныхъ теперь уже негдѣ отводить. Для того, чтобы поселенецъ достигъ экономическаго «благополучія», выражающагося въ 3,5 дес. посѣва на дворъ, ему нужно затратить своихъ 625 р. (по разсчетамъ г. Введенскаго), да казна тратитъ на ссуду и межеваніе 330—430 р., всего болѣе тысячи рублей, да 5 лѣтъ упорнаго труда всей семьи, который, мало-мало, нужно оцѣнить въ двѣ тысячи рублей. Кромѣ того нужно провести широкія проѣзжія дороги, стоющія тысячу рублей верста; а такъ какъ участки разбросаны изолированными островами, среди глухихъ лѣсовъ и непролазныхъ болотъ, то для каждаго участка нужно строить десятки верстъ, затрачивая десятки тысячъ рублей. Для раціональной колонизаціи лѣсовъ необходимо бы было предварительно вырубить и выкорчевать по одной-двѣ десятины лѣса для каждаго хозяйства и осушить болота, чтобы переселенцы не гибли отъ лихорадокъ и т. д.

Въ горномъ Алтаѣ свободныхъ земель 13 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ обслѣдованы около 8 милліоновъ, при чемъ на этой площади оказалось 30 тыс. душъ и 7½ тысячъ дес. посѣва. Завѣдующій экспедиціей г. Михайловъ думаетъ, что стремленіе насадить тамъ земледѣльческую культуру было бы большой ошибкой: выходцы изъ Европейской Россіи здѣсь непригодны—нужны коренные сибиряки,—промышленники, охотники, скотоводы. Однако, переселенческое вѣдомство умудрилось отыскать здѣсь милліонъ десятинъ, пригодныхъ для заселенія.

Въ остальной части Западной Сибири всѣ удобныя земли сплошь захвачены старожилами и переселенцами. Переселенческій фондъ получается тутъ, благодаря «землеустройству» старожиловъ. Онъ также приходитъ къ концу.

«Землеустройство» въ главномъ уѣздѣ—Барнаульскомъ—уже закончено, въ другихъ заканчивается въ 1913-14 г.г.; «отрѣзки» частью идутъ самовольцамъ, которыхъ все-таки осталось еще свыше

300 тыс. душъ и въ 1912 г. прибавилось 40 тыс.,—частью назначены въ продажу по новому закону [1]).

Въ степныхъ областяхъ свободнаго земельнаго фонда, въ сущности, не было, такъ какъ вся территорія, по закону, отдана въ пользованіе киргизъ до того момента, пока въ ней государство не почувствуетъ надобности. Когда эта надобность явилась, начались отрѣзки «излишковъ» земель, опредѣляемыхъ особыми статистическими экспедиціями. Но вѣдь киргизы этого закона не знали; они не предполагали, что когда-либо ихъ родная степь будетъ у нихъ отбираться и расположились на просторѣ, гдѣ кому полюбится, при чемъ лучшія земли они использовали наиболѣе продуктивно, поставивъ на нихъ зимовыя стойбища, отведя землю вокругъ зимовокъ подъ сѣнокосы и пашню. Теперь какъ разъ въ эти лучшія по качеству, наиболѣе снабженныя водными источниками, столь важными въ безводныхъ степяхъ, призимовочныя угодья клиномъ врѣзываются переселенческіе участки и производятъ полный переворотъ, а зачастую и разстройство въ киргизскомъ хозяйствѣ.

Степныя области занимаютъ площадь въ 154 милл. десятинъ, изъ которыхъ 12 милліоновъ уже отошли къ переселенцамъ. Но весь югъ (приблизительно ниже 50-й параллели) не пригоденъ для земледѣлія; даже кочевники не останавливаются тамъ на продолжительное время и лѣтомъ—когда скудныя пастбища выгораютъ, а большія рѣки, въ родѣ Эмбы, превращаются въ цѣпь горько-соленыхъ озеръ,—перекочевываютъ на сѣверъ. Слѣдовательно, изъ 142 мил. дес. нужно отбросить по крайней мѣрѣ 70—80 милл. десятинъ, гдѣ живетъ теперь, приблизительно, до 2½ милл. киргизъ, съ 15 милл. головъ скота (въ переводѣ на крупный), да больше милліона переселенцевъ. Но и на сѣверѣ почвы далеко не вездѣ одинаковы, воды не вездѣ достаточно для постоянной осѣдлости; сама природа предопредѣлила киргизамъ-скотоводамъ постоянныя перекочевки съ зимнихъ пастбищъ на лѣтнія и обратно. «Лѣтовки безъ зимовыхъ стойбищъ—говоритъ «Алтайская газета» (1911 г., 31 августа)—не имѣютъ никакой цѣны, какъ и зимовыя безъ лѣтнихъ. Зимой жить тамъ, гдѣ кочуютъ киргизы лѣтомъ, невозможно, ибо на лѣтовкахъ скотъ съѣдаетъ все, и не будетъ ни покоса, ни хлѣба, потому что эти зимовки, т. е. сравнительно удобныя для земледѣлія мѣста, чрезвычайно микроскопичны».

---

[1]) Мы не будемъ говорить о томъ, къ чему приводитъ „землеустройство“ старожиловъ. На Алтаѣ, послѣ него, нѣкоторые изъ крестьянъ пошли „въ кусочки“.

Въ наиболѣе плодородной и излюбленной переселенцами Акмолинской области повторное изслѣдованіе В. К. Кузнецова насчитало всего 12 мил. дес. призимовочныхъ угодій. Вся остальная площадь, включая и безплодный югъ, равняется 37 милл. дес. Такимъ образомъ, призимовочныя угодья составляютъ около 25%. Такая пропорція угодій сохраняется и въ Семипалатинской области. Главнымъ образомъ отъ нихъ отрѣзаны тѣ 5 милліоновъ десятинъ, которые перешли за послѣдніе годы къ переселенцамъ. Предстоятъ еще дальнѣйшія отрѣзки, такъ какъ «излишки» въ Акмолинской области опредѣлены повторнымъ изслѣдованіемъ въ 12 милл. дес., а во всѣхъ степныхъ областяхъ—въ 22 милліона.

Эти излишки найдены благодаря особому методу исчисленія нормъ киргизскаго землепользованія, изобрѣтенному г. Кузнецовымъ. Предыдущая экспедиція Ф. А. Щербины разсчитывала площадь, потребную для киргизъ, по дѣйствительному количеству ихъ скота и, сверхъ того, прибавляла 20% на приростъ. Средней нормой, достаточной для существованія киргизскаго хозяйства считались, съ прибавкой на приростъ, 24 единицы скота (въ переводѣ на крупный). Съ тѣхъ поръ, благодаря ряду благопріятныхъ лѣтъ, до второй переписи киргизское скотоводство увеличилось въ Акмолинской области на 59%. Населеніе возросло вдвое меньше и, казалось бы, слѣдовало норму г. Щербины увеличить. Вторая экспедиція поступила наоборотъ: г. Кузнецовъ убавилъ норму, доведя ее до 14-15 единицъ, тогда какъ въ наличности, при переписи, оказывалось 18-21 единицъ скота. Убавлена была норма скота, значительно (почти вдвое) понижена и норма пастбищной земли, потребной для прокормленія этого скота. Вслѣдствіе такого пониженія В. К. Кузнецову удалось найти, сверхъ исчисленныхъ г. Щербиной излишковъ, только въ 3 уѣздахъ области еще 5,4 милліона десятина.

По существующимъ узаконеніямъ, правительство обязано сохранить за киргизами такую площадь земли, которая не только обезпечивала бы ихъ существованіе при данномъ хозяйственномъ строѣ, но и давала бы возможность дальнѣйшаго развитія. Какое же это развитіе, если киргизамъ не только не оставляется земли про запасъ, но количество, сохраняемое за ними, гораздо меньше того, которое необходимо для продовольствія имѣющагося въ наличности скота? А вотъ какое: по объясненію г. Новоселова (въ № 3 «Вопросовъ колонизаціи»), такія жестокія отрѣзки мотивируются принципомъ, «какъ бы *предвосхищающимъ* результаты естественной эволюціи мѣстнаго хозяйства подъ наплывомъ переселенческой массы изъ Россіи». Не данный уровень хозяйства долженъ опредѣлять собой норму землепользованія, а наоборотъ, норма сама

должна указывать на наиболѣе подходящую *въ будущемъ* систему хозяйства». Эта система—земледѣліе. Извѣстная «записка» двухъ министровъ рекомендуетъ окончательно устраивать только тѣхъ киргизовъ, которые уже перешли на земледѣліе. По отношенію къ остальнымъ, «записка» обѣщаетъ продолжать политику «изъятія земельныхъ излишковъ у кочевниковъ», оставляя имъ часть земель «по возможно пониженнымъ нормамъ». «Записка» совѣтуетъ не оставлять такимъ киргизамъ «земель пригодныхъ для зернового хозяйства». Такими землями «необходимо дорожить и слѣдуетъ всѣми мѣрами способствовать переходу ихъ отъ кочевниковъ къ русскому земледѣльцу». Спрашивается, если у киргизъ отнимаютъ пахотныя угодья, то какъ же они перейдутъ на земледѣліе?

Въ настоящій моментъ, хотя оффиціозы протрубили на всѣхъ перекресткахъ о необычайной тягѣ киргизъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, факты, удостовѣренные ихъ же собственными переписями, вовсе этого не подтверждаютъ. По Акмолинской области число сѣющихъ хозяйствъ, поднялось за 10 лѣтъ лишь на 6%, а средній размѣръ посѣва на дворъ остался безъ измѣненія, въ то время какъ число скота и абсолютно, и по разсчету на дворъ значительно увеличилось. По бюджетамъ экспедиціи В. К. Кузнецова доходъ отъ скотоводства равняется 65% всѣхъ доходовъ, а отъ земледѣлія и сѣнокосовъ—только 10,1%. Серьезное значеніе для киргизъ земледѣліе имѣетъ лишь въ двухъ уѣздахъ—Акмолинскомъ и Кустанайскомъ, да и тамъ оно отступаетъ на второй планъ передъ скотоводствомъ. Такая устойчивость скотоводческаго быта, быть можетъ, и объясняется тѣмъ, что у киргизъ отнимаются земли, пригодныя для хлѣбопашества; если эта гипотеза вѣрна, то дальнѣйшая колонизація степи можетъ сильно затормозить переходъ киргизъ на земледѣліе.

Но и скотоводство задерживается, не столько отрѣзками, сколько прегражденіемъ кочевыхъ путей. Эти пути—длинныя, узкія ленты, вѣками установленныя по степи для перекочевокъ каждаго отдѣльнаго рода. Переселенческое вѣдомство не находитъ нужнымъ считаться съ ними: оно перерѣзываетъ ихъ переселенческими участками, посрединѣ пастбищъ устраиваетъ пашни, или кольцомъ окружаетъ зимовыя стойбища, такъ что киргизамъ нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, а то отрѣзываетъ ихъ отъ водопоя.

Въ общемъ итогѣ это «землеустройство» киргизъ несомнѣнно поведетъ къ такимъ серьезнымъ потрясеніямъ въ ихъ хозяйствѣ, что пара хорошихъ «куяншиловъ»—зимнихъ гололедокъ съ повальнымъ падежомъ скота—не сравняется съ нимъ. Но и переселенцы получатъ не очень большія выгоды отъ киргизскаго разоренія.

Правительство считаетъ переселенческій фондъ въ 22 милліона десятинъ; но эти милліоны—«маленькіе».

Вотъ небольшая иллюстрація къ оффиціальнымъ подсчетамъ. На обложкѣ «справочной книжки» по Акмолинскому переселенческому раіону въ 1912 г. жирнымъ шрифтомъ напечатано такое «предупрежденіе»: «Лучшіе участки въ уѣздахъ Омскомъ, Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ предназначаются для продажи, почему на нихъ зачисленіе производиться не будетъ до выхода соотвѣтствующаго закона». Въ концѣ книжки перечисляются участки съ обозначеніемъ свободныхъ долей, и изъ этого перечисленія видно, что количество свободныхъ долей въ трехъ указанныхъ уѣздахъ равно 1650—всего на 500 семей. На такой фондъ, притомъ идущій на продажу, указываетъ «справочная книжка». А изъ «объяснительной записки къ смѣтѣ переселенческаго управленія на 1913 г. мы узнаемъ, что свободные «излишки» въ этихъ уѣздахъ составляютъ, ни много, ни мало, 5,4 милліона десятинъ. Съ одной стороны—милліоны «излишковъ», съ другой—обращеніе ничтожнаго свободнаго фонда въ продажу, знаменующее всюду только полную использованность колонизаціонной емкости даннаго раіона. Какъ это совмѣстить?

Совмѣщеніе очень нехитрое: исчисленіе «излишковъ»—результатъ элементарныхъ ариѳметическихъ манипуляцій, производимыхъ по такому шаблону: вся территорія равняется столькимъ-то милліонамъ десятинъ; по нормамъ, установленнымъ экспедиціей, киргизамъ причитается столько-то; остальная площадь—«излишки»—столько-то милліоновъ. Гдѣ находятся эти милліоны, что они изъ себя представляютъ—черноземъ, или солончаки, или камень, — есть ли тамъ вода, можно ли тамъ жить людямъ, или только степнымъ шакаламъ—все это вѣдомство разберетъ потомъ, при нарѣзкѣ участковъ. А пока что—на бумагѣ можно вывести: колонизаціонный фондъ=22 мил. десятинъ. На самомъ же дѣлѣ, изъ 21 мил. дес. исчисленныхъ въ двухъ областяхъ излишковъ 9,6 милліоновъ, или 45,7%, находятся на призимовочныхъ угодьяхъ. Остальные 11,4 милліона—на лѣтовкахъ. А что такое лѣтовки—это показываетъ само ихъ названіе. Жить постоянно тамъ можно только въ очень рѣдкихъ случаяхъ: тамъ можно лишь «лѣтовать», т. е. кочевать на пастбищахъ.

Цѣлый рядъ показаній земскихъ, болѣе безпристрастныхъ, агентовъ свидѣтельствуетъ, что во многихъ мѣстностяхъ степи фондъ уже исчерпанъ, и ходаческія кампаніи сплошь и рядомъ постигаетъ полная неудача. И это послѣ того, какъ изъ указаннаго 22 милліоннаго запаса израсходовано до сихъ поръ только 5 милліоновъ десятинъ, несомнѣнно лучшихъ земель. Вотъ почему, ос-

новываясь на данныхъ о размѣрахъ призимовочныхъ угодій на территоріи «излишковъ», мы считаемъ возможнымъ опредѣлить незанятую, удобную для колонизаціи часть этой территоріи не болѣе, какъ въ 4—5 милліоновъ десятинъ. Если изъ лѣтовокъ кое-что можетъ войти въ колонизуемый фондъ, то вѣдь не всѣ призимовочныя земли пригодны для заселенія. Этотъ фондъ можетъ быть использованъ не сразу, а въ теченіе 10-15 лѣтъ, такъ какъ проведеніе дорогъ, обводненіе участковъ и вообще приведеніе ихъ въ пригодный для заселенія видъ производится лишь исподволь.

Мы нѣсколько задержались на киргизскихъ степяхъ на томъ основаніи, что эта область—наиболѣе привлекательная для крестьянъ черноземной полосы, откуда идутъ $^3/_4$ переселенцевъ. Мы думаемъ, что, съ большой натяжкой, сюда и въ западную Сибирь возможно допустить ежегодное водвореніе 100—120 тыс. душъ обоего пола, принимая въ разсчетъ и «землеустройство» старожиловъ. Конечно, вполнѣ возможно, что теперь, когда снова нарастаетъ переселенческое движеніе, въ особенности изъ восточныхъ губерній, въ которыхъ свирѣпствуютъ неурожаи и разрушеніе общины – количество направляющихся сюда переселенцевъпревзойдетъ эту цифру. Въ 1912 г. въ обѣ области двинулось 125 тыс. душъ—$^3/_5$ всѣхъ переселенцевъ этого года, и изъ нихъ было 60 тыс. самовольцевъ, урегулировать движеніе которыхъ почти невозможно. Но мы говоримъ о томъ количествѣ, которое можетъ быть устроено болѣе или менѣе сносно. Остальные, вѣроятно, проведя годъ-два въ безплодныхъ поискахъ свободныхъ участковъ, вернутся домой или перейдутъ въ другія области.

Въ три остальныя области — Восточную Сибирь, Дальній Востокъ и Туркестанъ—къ 1912 г. прошло всего 1,1 милліоновъ душъ переселенцевъ. Большая половина ихъ – 626 тыс.—осѣла въ Восточной Сибири, главнымъ образомъ въ Енисейской губ. (446 тыс.). Здѣсь селятся преимущественно выходцы изъ нечерноземной полосы, хотя за послѣднее время, путемъ «землеустройства» старожиловъ и туземцевъ, очистились «излишки» надѣловъ въ Минусинскихъ степяхъ, которые привлекли малорусскихъ крестьянъ. Степной и лѣсостепной фондъ Енисейской губерніи сконцентрированъ въ 3-хъ уѣздахъ, занимающихъ площадь около 15 милліоновъ десятинъ. Густота населенія здѣсь максимальная для Восточной Сибири—около 4 человѣкъ на кв. версту, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ этой губерніи—0,6 чел., въ Иркутской—0,9 чел., въ Забайкальской области—1,4 чел. Конечно, и 4 чел. на кв. версту—это еще большой земельный просторъ; но, какъ и въ другихъ сибирскихъ областяхъ, огульныя цифры пространства и плотности еще

ничего не говорятъ. Населеніе не распредѣлено равномѣрно по всему степному раіону: оно жмется къ берегамъ рѣки Енисея, а кругомъ лежатъ пустынныя степи, которыхъ никто не занимаетъ, потому что среди этихъ степей много земель непригодныхъ для земледѣлія по почвеннымъ условіямъ. Почвы Енисейскихъ степей крайне пестры; прекрасные черноземные участки перемежаются съ каменистыми, глинистыми, солонцовыми, болотистыми. Черноземныя земли по большей части уже заняты; тѣ же, которыя остались, требуютъ искусственнаго орошенія, необходимаго какъ для хорошихъ, такъ и для плохихъ почвъ. Общее явленіе—засухи 2-3 раза въ десять лѣтъ, причемъ въ одно лѣто сплошь выгораютъ всѣ посѣвы. Минусинскія степи могли бы вмѣстить гораздо бо́льшія количества поселенцевъ, если бы оборудовать ихъ искусственнымъ орошеніемъ. Въ настоящее время тутъ производятся гидро-техническія изысканія, отъ результатовъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей колонизаціи степей; пока же колонизація питается преимущественно «отрѣзками» у старожиловъ и инородцевъ. Но стоитъ ли затрачивать милліоны на ихъ орошеніе, когда здѣсь можно сѣять рожь, овесъ, въ лучшемъ случаѣ пшеницу, а въ Туркестанѣ еще не орошены громадныя площади, которыя можно отвести подъ хлопокъ, рисъ, виноградъ и прочія цѣнныя культуры. Помимо дороговизны и малой продуктивности, необходимость оросительныхъ сооруженій растягиваетъ использованіе колонизаціоннаго фонда на много лѣтъ, и емкость его для ежегодной колонизаціи будетъ весьма незначительной.

Степныя мѣста встрѣчаются и въ другихъ областяхъ восточной Сибири; они заняты бурятами, которыхъ теперь «землеустраиваетъ» переселенческое вѣдомство. Степи эти иногда недурны по почвѣ, но плохи по климату: сухая весна, сухая осень и малоснѣжная зима, при дождливомъ лѣтѣ. Въ Иркутской губерніи въ 1912 г. отъ дождей и раннихъ морозовъ погибли почти всѣ посѣвы. Большая часть Восточной Сибири покрыта лѣсами и горами и до сихъ поръ привлекала немного даже нечерноземныхъ переселенцевъ. Въ Забайкалье до 1912 г. переселилось всего 4 тыс. человѣкъ; колонизація его началась лишь въ 1909 г. и врядъ ли будетъ сильно развиваться, потому что старожилый элементъ — казаки, занявшіе лучшія земли, сами уже начинаютъ страдать отъ малоземелья, не смотря на то, что у нихъ отрѣзокъ еще не дѣлали. По словамъ «Забайк. Нови», казаки, въ виду малоземелья, разрабатываютъ пашни изъ-подъ лѣса и кустарниковъ, по уступамъ высокихъ горъ, куда сѣмена и земледѣльческія орудія доставляются верхомъ по извилистымъ крутымъ тропинкамъ, а созрѣвшіе хлѣба спускаютъ воло-

комъ на полозьяхъ или длинныхъ изогнутыхъ жердяхъ. Буряты еще не страдаютъ отъ малоземелья, но только потому, что они вымираютъ. «Землеустройство» ихъ доканаетъ совсѣмъ, если они не уйдутъ въ Монголію, куда они стали собираться въ послѣдніе годы.

Колонизація Восточной Сибири, за исчерпаніемъ удобнаго фонда въ Западной, будетъ теперь расширяться: за два послѣднихъ года (1911—12 г.) она удвоилась (съ 28 тыс. до 55 тыс.). Но, по природнымъ свойствамъ области, обилію лѣсовъ и горъ, требующихъ большихъ затратъ на расчистку, проведеніе дорогъ, а въ степяхъ—на орошеніе, она можетъ итти лишь медленнымъ темпомъ. До размѣровъ даже теперешняго заселенія Западной Сибири она никогда не сможетъ дорасти уже потому, что большая часть области пригодна только для нечерноземныхъ поселенцевъ, вообще мало нуждающихся въ переселеніи; а поскольку въ немъ нуждаются литовско-бѣлорусскіе и прибалтійскіе крестьяне—они пробили себѣ новую дорогу: за Атлантическій океанъ. За послѣднее время, число однихъ литовцевъ-эмигрантовъ въ Америку достигло почти 20 тыс. въ годъ.

Правительству нѣтъ интереса затрачивать большія средства на колонизацію В. Сибири, которая, кромѣ Забайкалья, удалена отъ внѣшнихъ границъ. Наоборотъ, *Дальній Востокъ*, на границахъ котораго китайцы поселили въ два года 400 тыс. человѣкъ, привлекъ къ себѣ, послѣ русско-японской войны, усиленное вниманіе. Правительству приходится не только оберегаться отъ желтой опасности извнѣ: она сидитъ внутри, и всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи, оно пытается ее выгнать.

Желтая опасность внутри—корейцы и китайцы, земледѣльцы, торговцы, промышленники. Какъ земледѣльцы, они дѣйствительно представляютъ грозную опасность для русскихъ колонистовъ. На Дальнемъ Востокѣ встрѣтились два антипода, двѣ діаметрально противоположныя системы хозяйства, изъ которыхъ «русская является начальной формой земледѣлія, а другая, китайская—высшей ступенью с.-хозяйственной культуры». Китайско-корейская культура не знаетъ неудобныхъ земель. Земли, переселенческими агентами отмѣченныя какъ «непроходимыя дебри», «сплошная тайга», охотно занимаются и раздѣлываются желтыми земледѣльцами, уходящими оттуда только подъ напоромъ насилія. Они работаютъ почти исключительно руками, безъ рабочаго скота и громоздкихъ орудій, на кручахъ подъ угломъ въ 45°. Сѣвооборотъ у нихъ близкій къ плодосмѣну, грядковая разсада, сплошные посѣвы безъ отдыха, причемъ земля не тощаетъ, благодаря усиленному примѣненію удобренія. И эта выработанная тысячелѣтіями на ничтожныхъ площадяхъ, почти огородная культура существуетъ на ряду съ переложнымъ земле-

дѣліемъ русскихъ старожиловъ, получившихъ на дѣлы по 100 дес. на дворъ, отводящихъ подъ посѣвъ всего 13% удобной площади, удобряющихъ землю только палами—сжиганіемъ всякой растительности, пашущихъ многолемешными плугами, убирающихъ хлѣбъ американскими жнейками и молотилками. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старожильческое хозяйство напоминаетъ хозяйство американскихъ фермеровъ на экстенсивной, хищнической стадіи его развитія.

Нѣтъ ни одного изслѣдователя Пріамурья, который высказалъ бы какое-либо сомнѣніе въ томъ, что желтая земледѣльческая культура въ короткое время стерла бы съ лица земли культуру старожиловъ, казаковъ и переселенцевъ, если бы въ эту борьбу не вмѣшивалась правящая власть. Китайцевъ стараются выгнать всякими способами; корейцамъ уже урѣзали ихъ 15-десятинные надѣлы. Старожилы, 30% которыхъ въ Амурской области засѣваютъ больше 25 десятинъ, кормятся, главнымъ образомъ, казной и городами, и ихъ годовые бюджеты достигаютъ 2000 рублей. Съ 1892 по 1907 г. Дальній Востокъ обошелся казнѣ въ 715 милліоновъ, не считая стоимости войны и Китайской дороги. Въ 1910 г. дефицитъ казны составлялъ 55 $^1/_2$ милліоновъ. Нѣкоторая часть этого дождя милліоновъ падаетъ и на земледѣльческое хозяйство русскихъ «Безъ казны и хлѣбъ бросятъ сѣять», говорятъ сами старожилы. Интендантство скупаетъ хлѣбъ у русскаго населенія, хлѣбъ плохой, съ большой примѣсью сорныхъ травъ и «пьяныхъ» зеренъ, щуплый, сырой, морщинистый, маловѣсный—по цѣнамъ вдвое бо́льшимъ, чѣмъ существующія въ сосѣдней Манчжуріи. Н. А. Крюковъ говоритъ, что въ Пензѣ и Моршанскѣ, гдѣ въ прежніе годы хорошая крестьянская рожь ссыпалась по 30—40 коп., за Уссурійскій хлѣбъ не дали бы больше гривенника, а казна платитъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к.

Кромѣ казны, русское хозяйство поддерживается городами и промышленностью; помимо Царства Польскаго у насъ нѣтъ ни одной области съ такой развитой городской жизнью. Городское населеніе достигаетъ свыше 30%, и сверхъ того на желѣзной дорогѣ, на пріискахъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ занята цѣлая рабочая армія, вмѣстѣ съ которой внѣ-земледѣльческое населеніе составляетъ не менѣе половины всего населенія области. Своего хлѣба, мяса въ области мало; съѣстные припасы тамъ дороги, а деньги дешевы. Земледѣліе растетъ и развивается вокругъ большихъ городовъ—Благовѣщенска и Никольска-Уссурійскаго, въ раіонѣ которыхъ сконцентрировалось 75% всѣхъ посѣвовъ.

Сельское населеніе кормится не только земледѣліемъ, но и промыслами. Податной инспекторъ Владивостокскаго участка г. Казанскій произвелъ анкету среди населенія своего участка, при чемъ

обнаружилъ отсутствіе около 40% русскаго населенія. Поселенцы, проживъ полученную ссуду, сбѣгаютъ въ города, на пріиски, гдѣ жизнь интереснѣе и много заработковъ.

Значительно менѣе развито земледѣліе у казаковъ, не смотря на то, что на хозяйство у нихъ, въ среднемъ, приходится 200 дес.; У старожиловъ 12,7 дес. посѣва на дворъ, у казаковъ—6,4 дес. А между тѣмъ казаки живутъ въ краѣ вдвое дольше старожиловъ, и земли у нихъ самыя лучшія. Офиціозные авторы сваливаютъ всю вину на тяжелую военную службу; другіе говорятъ о лѣности, непривычкѣ къ труду, легкой наживѣ на промыслахъ и сдачѣ земли въ аренду желтымъ. Какъ бы то ни было, фактъ полной неприспособленности казаковъ къ земледѣльческому труду, при самой благопріятной обстановкѣ—налицо.

Если старые русскіе засельщики края могутъ существовать только при поддержкѣ казны, городовъ и промышленности, если они не выдерживаютъ свободной конкурренціи съ туземныхъ элементомъ, допущенной на самый короткій срокъ, словомъ, если ихъ хозяйство—тепличное растеніе, то, быть можетъ, новые переселенцы оказываются крѣпче, скорѣе становятся на собственныя ноги и составятъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно твердый оплотъ отъ желтаго «засилья», не физическаго, а культурнаго?

До 1906 г. переселеніе въ Приамурье, долго шедшее морскимъ путемъ, не превышало нѣсколькихъ тысячъ. Въ 1907 г. сюда нахлынуло сразу 85 тыс. переселенцевъ; въ Уссурійскій край «влилось» $^2/_3$ того количества, которое пришло за 48 предшествующихъ лѣтъ. Часть этихъ переселенцевъ была переписана спустя нѣкоторое время; среди описанныхъ хозяйствъ оказалось 25—40% бездомовыхъ, 50—70% безъ рабочаго скота, 85% безкоровныхъ; 90% нуждались въ хлѣбѣ до новаго урожая. Съ 1908 г. они начали убѣгать назадъ. «Къ удержанію переселенцевъ принимались всевозможныя мѣры: увѣщанія, разъясненія. Покидавшіе раіонъ, разоренные матеріально, подавленные душевно, они, естественно, распространяютъ объ области самые тревожные слухи» [1]). Послѣ этого, переселеніе сразу упало; въ 1911 г. сюда переселилось $13^1/_2$ тыс., въ 1912 г.—21 тыс., не смотря на то, что рабочее движеніе изъ Россіи на Амурскую дорогу выросло за эти два года съ 52 до 106 тыс., а рабочихъ усиленно сманивали на переселенческіе участки.

Г. Шликевичъ [2]) объясняетъ неудачи приамурской колонизаціи недостаткомъ денежныхъ средствъ у переселенцевъ. Дѣйствительно,

---

[1]) Введенскій, И. «Переселеніе на Дальній Востокъ за послѣдніе годы». («Вопросы колонизаціи», № 4).

[2]) Въ „Трудахъ Амурской экспедиціи", (вып. V).

въ Приамурье послѣ 1905 г. повалили бѣдняки—малоземельные и совсѣмъ безземельные. Но богатыхъ переселенцевъ вѣдь и взять не откуда: «переселеніе (тѣмъ болѣе на Дальній Востокъ) имѣетъ смыслъ для того, кому на родинѣ терять нечего», говоритъ А. А. Кауфманъ. Сами переселенцы указываютъ на другія причины неудачи: 27,4% «обратниковъ» ссылалось на *заболоченность*, 21,3—на *наводненія*, 16,3%—на каменистость почвы и прочія неблагопріятныя природныя условія; двѣ трети неудачныхъ переселеній явились результатомъ этихъ условій. Дѣйствительно, такой природы русскій переселенецъ не видѣлъ и не могъ себѣ представить: пышная, порой субтропическая растительность, а зимой морозы въ 40°. Средняя температура января ниже архангельской; средняя температура іюля соотвѣтствуетъ Кавказу и Крыму. Переселенецъ, не двигаясь съ мѣста, попадаетъ, по климату, съ крайняго юга прямо на крайній сѣверъ. Лѣтомъ идутъ безконечные ливни, скопляющіеся въ августѣ, когда земледѣлецъ дорожитъ каждымъ сухимъ днемъ. Отсюда и американскія уборочныя машины, безъ которыхъ хлѣбъ сгніетъ на корню: но иногда почва до того раскисаетъ, что эти машины нельзя сдвинуть съ мѣста. Зимой, при жестокихъ вѣтрахъ, отсутствіе снѣга. Зимы сухія: земля промерзаетъ на такую глубину, что въ значительной части области оттаиваетъ лишь верхній слой, а внизу остается «вѣчная мерзлота». Лѣтніе дожди производятъ частыя наводненія; рѣки обрамлены по берегамъ крутыми валами—осадками отъ прежнихъ наводненій. Послѣ наводненія вода въ рѣчныхъ долинахъ не спадаетъ; отсюда повсемѣстная заболоченность, усиливаемая густой растительностью, такъ поражающей взоры неопытныхъ переселенцевъ. Заболоченность—главное препятствіе для русской колонизаціи; къ климату нашъ переселенецъ еще могъ бы притерпѣться, но съ заболоченностью онъ сладить не можетъ. Осушительныя меліораціи въ крупныхъ размѣрахъ—подъ силу лишь государству.

Наиболѣе сухія удобныя «степи» уже разобраны: переселенческіе участки, съ каждымъ новымъ отводомъ, отодвигаются на сѣверъ, при чемъ заболоченность ихъ растетъ: въ 1901 г. процентъ заболоченности участковъ равнялся 17—18, въ 1909 г.—40. Если въ снятомъ и отведенномъ фондѣ такъ рѣзко увеличивается процентъ заболоченности, то въ фондѣ, оставшемся неиспользованнымъ, онъ, надо думать, еще выше. Г. Рубинскій полагаетъ, что въ Нижне-Амурской низменности изъ милліоновъ десятинъ, пригодны лишь десятки и сотни тысячъ, и то лишь въ слабой степени. («Тр. Амурск. экспед.», вып. IV). Спеціалисты отмѣчаютъ, что заболоченность прогрессируетъ: сфагновые мхи, растущіе на болотахъ Приамурья, въ высшей степени гигроскопическіе, впитываютъ и распространяютъ

влагу. Ботаникъ Эттингенъ находитъ, что «вся мѣстность находится въ стадіи прогрессирующаго заболачиванія».

Наконецъ, кромѣ климата, суроваго и полнаго контрастовъ, заболоченности, лѣсистости, наводненій—почвы области плохія. Въ справочныхъ книжкахъ для переселенцевъ почвы Приамурья сравниваются съ петербургскими, псковскими, новгородскими. Богатыхъ тучныхъ черноземовъ здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и настоящихъ степей. Степи покрыты луговой и болотной растительностью, чаще—лѣсомъ. Къ сѣверу мѣстность дѣлается болѣе гористой, почвы—каменистыми; удобныхъ долинъ все меньше, климатъ суровѣе.

Инспекторъ Клягинъ, считающій, что въ Амурской области изъ 36 мил. дес. (ниже 60° параллели) заболочено 15 милліоновъ, не находитъ смысла въ гидротехническихъ меліораціяхъ: «достиженіе сколько нибудь видныхъ результатовъ потребуетъ такихъ колоссальныхъ затратъ, на которыя, въ настоящее время, нѣтъ нужды рѣшаться. За тѣже деньги можно превратить въ культурное состояніе гораздо скорѣе и относительно дешевле громадныя площади въ Европейской Россіи, а слѣдовательно получится экономія въ тѣхъ суммахъ, которыя тратятъ теперь переселенцы на переѣздъ, водвореніе и обзаведеніе въ новомъ для нихъ краѣ». Если почвы Приамурья не лучше новгородскихъ, такъ, вѣдь, въ Приозерномъ раіонѣ, подъ самой столицей сколько угодно болотъ, требующихъ осушки.

Насколько можно видѣть изъ послѣднихъ трудовъ Амурской экспедиціи, переселенческое вѣдомство само разочаровалось теперь въ Приамурьѣ. Хотя оффиціозы и насчитываютъ тамъ еще фондъ въ 400 тысячъ душевыхъ долей, но это—все земли 2-го и 3-го сорта; разсчеты, притомъ, обставлены различными оговорками: напримѣръ, изъ 119 тыс. долей въ Амурской области—62 тыс. оказываются «хуторскими» участками, пригодными лишь для скотоводства, и то послѣ цѣлаго ряда меліорацій. На второсортныхъ участкахъ заболоченность —41%; на третьесортныхъ, емкость которыхъ—230 тыс. долей, она еще больше. Въ концѣ концовъ, быть можетъ, изъ 400 тысячъ долей дѣйствительно пригодныхъ не наберется и 40 тыс., и заселеніе ихъ возможно лишь въ длительный промежутокъ времени.

Какъ и въ другихъ областяхъ, взоры правительства, по неволѣ, обратились къ землямъ, занятымъ старожилами. У старожиловъ, имѣющихъ около 2,2 мил. дес., предполагается отыскать еще 80 тыс. долей. Но Приамурскіе старожилы, не въ примѣръ остальнымъ, получили надѣлъ не во временное, а въ вѣчное пользованіе, но съ оговоркой, что надѣлъ отнимается, если не будетъ использованъ въ теченіе пяти лѣтъ по водвореніи. Такъ какъ оговорка

эта своевременно не была реализована, то теперь правительство разсчитываетъ только на *продажу* земли старожилами, для чего, между прочимъ, открыло отдѣленіе крестьянскаго банка. Продажа земель въ Приамурьи, зависящая отъ доброй воли старожиловъ, ставитъ переселенцевъ въ худшія условія, чѣмъ въ Западной Сибири. И какое противорѣчіе здравому смыслу представляетъ эта продажа, наряду съ 400-рублевой ссудой, которой, съ нынѣшняго года, правительство приманиваетъ сюда переселенцевъ!

Гораздо большій фондъ могутъ дать казачьи земли. Изъ 15 милліоновъ десятинъ этихъ земель поселеніями занято всего $2^1/_2$ милліона дес. Амурская экспедиція предлагаетъ «землеустроить» казаковъ, отведя имъ по 30 дес. на мужскую душу. Казаковъ муж. пола 42 тыс.; слѣдовательно, отводимые по проекту надѣлы составятъ 1,3 мил. дес. Освобождается 13,7 мил.; изъ нихъ 9 милліонный фондъ генерала Духовского уже пущенъ въ оборотъ. Здѣсь съ казаками перестали церемониться: все громче и настойчивѣе становятся голоса въ оффиціальной печати, требующіе экспропріаціи земель у Приамурскихъ и другихъ сибирскихъ казачьихъ войскъ. И нужно думать, что, по крайней мѣрѣ, относительно Дальняго Востока, эти голоса будутъ услышаны. Казачьи земли расположены по границѣ, откуда грозитъ желтая опасность.

Правительство сознало всю трудность, почти невозможность заселенія незанятыхъ земель—а заселить Дальній Востокъ необходимо для «политическаго равновѣсія». «Стоитъ или ни стоитъ Дальній Востокъ народныхъ усилій, нуженъ онъ намъ или не нуженъ—оставить его мы не можемъ: мы туда идемъ и будемъ итти, несемъ туда государственныя средства, посылаемъ наше населеніе и впредь такъ будетъ неизбѣжно, независимо отъ того, во благо или во зло обратится это стремленіе». («Тр. Амурск. эксп.», в. IV, стр. 123). Чиновники идутъ и будутъ итти и нести туда казенныя деньги—это вѣрно. Но «наше населеніе» плохо откликается на призывы правительства, потому что оно знаетъ, что «это стремленіе» обратится ему «во зло». Въ лучшемъ случаѣ, удвоенныя ссуды и открытіе для заселенія казачьихъ земель привлекутъ двойное, допустимъ—даже тройное количество переселенцевъ: вмѣсто 20 тыс. двинется туда тысячъ 50, максимумъ—60. Съ большимъ количествомъ и переселенческое вѣдомство не сладитъ, принимая въ соображеніе, что даже на лучшихъ участкахъ требуются довольно сложныя гидротехническія, дорожныя и лѣсокультурныя работы.

Послѣдняя область—Туркестанъ. Разочаровавшись въ возможности широкой земледѣльческой колонизаціи Приамурья, гдѣ правительство уповаетъ теперь на развитіе промышленности, оно обра-

тило взоры на это послѣднее прибѣжище для нашихъ переселенцевъ. Наталкиваетъ на Туркестанъ и необходимость развитія хлопководства, вызванная послѣдними осложненіями съ Соединенными Штатами.

Туркестанскій край, діаметрально противоположный, по своей природѣ, Дальнему Востоку, сходится съ нимъ въ одномъ отношеніи: русскіе засельщики сталкиваются и тутъ, и тамъ съ болѣе высокой туземной культурой, чѣмъ ихъ собственная. Китайцы и корейцы въ Приамурьѣ, сарты въ Туркестанѣ, какъ земледѣльцы, стоятъ на высшихъ ступеняхъ развитія, и не туземцамъ приходится учиться у русскихъ, а наоборотъ, русское хозяйство въ этихъ областяхъ только тогда сдѣлается прочнымъ, когда оно ассимилируетъ тѣ пріемы и навыки, до которыхъ туземцы дошли путемъ тысячелѣтняго опыта. Въ исторіи Россіи, какъ колонизующейся страны, такихъ примѣровъ еще не бывало: на основаніи предшествующаго опыта мы не можемъ сказать, что выйдетъ изъ такой ассимиляціи. Но, кромѣ сартовъ, и другихъ осѣдлыхъ инородцевъ, густо осѣвшихъ по берегамъ большихъ водныхъ артерій въ южныхъ и центральныхъ раіонахъ Туркестана, туземное населеніе состоитъ изъ киргизъ, заселяющихъ преимущественно двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-Дарьинскую. Въ этихъ областяхъ экспедиціи отыскали теперь около 17½ милл. десятинъ «излишковъ», сюда (главнымъ образомъ въ Семирѣчье) и направляется русское переселеніе.

На Семирѣчье, лежащее вдоль китайской границы, по политическимъ и экономическимъ соображеніямъ, правительство обратило большое вниманіе. Извѣстная «записка» главноуправляющаго землеустройствомъ возлагаетъ на Семирѣчье роль пшеничной житницы для хлопковыхъ раіоновъ Туркестана, въ которыхъ цѣлый милліонъ десятинъ цѣнныхъ орошаемыхъ земель отводится теперь подъ пшеницу. Въ запискѣ выражена надежда, что, съ проведеніемъ желѣзно-дорожной линіи Арысь-Вѣрный, соединяющей Семирѣчье съ хлопковыми раіонами значительная часть пшеничныхъ посѣвовъ въ этихъ раіонахъ можетъ быть замѣнена хлопкомъ и другими, болѣе цѣнными культурами. Насколько основательны эти надежды?

Семирѣченская область, равная по площади 37 милл. десятинъ, представляетъ по рельефу рядъ переходовъ отъ высокихъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами и льдами горъ на югѣ и востокѣ, черезъ сравнительно пологіе холмы и скаты въ нагорной полосѣ, къ равнинамъ, въ которыхъ преобладаютъ солончаковыя и песчаныя почвы, почти лишенныя воды. «Въ Семирѣчьѣ, по словамъ завѣдывающаго туркестанскими экспедиціями П. П. Румянцева, нѣтъ большихъ сплошныхъ пространствъ удобной земли; они распо-

ложены болѣе или менѣе обширными оазисами среди горъ и безводныхъ пустынь. Сплошь, на десятки и сотни верстъ, тянутся лишь солончаковыя и песчаныя степи равнинной части, обыкновенно причисляемыя къ неудобнымъ землямъ. По даннымъ Статистическаго Комитета, плодородныхъ почвъ въ области—около 18 милл. десятинъ, но только небольшая ихъ часть лежитъ въ полосѣ предгорій, гдѣ единственно возможно такъ называемое «богарное» земледѣліе подъ дождь безъ искусственнаго орошенія. Немного ниже оно немыслимо безъ полива, такъ какъ лѣтній зной выжигаетъ къ серединѣ лѣта всякую растительность.

Киргизы, благодаря системѣ кочеваній съ предгорій и горъ на равнины, эксплоатируютъ большія пространства, частью какъ пашню, частью какъ пастбище. Какъ у нихъ, такъ и у другихъ осѣдлыхъ инородцевъ преобладаетъ *поливное* земледѣліе; изъ 600 тыс. дес. посѣва 400 тыс. орошаются искусственнымъ путемъ. Они сами создали и разработали сѣть иногда очень искусно проведенныхъ каналовъ-арыковъ, работая самыми примитивными орудіями. Переселенческому вѣдомству, оросившему до 1910 г. всего 4 тыс. дес., производство работъ обошлось вчетверо дороже, чѣмъ тузѣмцамъ (около 40 рубл. десятина). Между тѣмъ, повышеніе колонизаціонной емкости Семирѣчья всецѣло зависитъ отъ организаціи оросительныхъ предпріятій; фондъ богарныхъ земель въ предгорьяхъ, послѣ изъятія 1,2 милл. дес. въ 1910—11., въ значительной степени исчерпанъ, и въ 1911 г. включались въ заготовленные участки такія земли, на которыхъ русскимъ невозможно селиться безъ устройства на нихъ орошенія. Богарный фондъ Семирѣчья опредѣляется различно—отъ 400 тыс. до 2,3 милл. дес.; но часть его занята русскими (на богарѣ находится 200 тыс. дес. преимущественно переселенческихъ посѣвовъ), часть нужна киргизамъ, центръ хозяйственной дѣятельности которыхъ сосредоточенъ въ полосѣ предгорій. Здѣсь лежатъ ихъ пашни и сѣнокосы, тутъ и въ сосѣднихъ горахъ живутъ они лѣтомъ и зимой, спускаясь на равнины лишь ранней весной и поздней осенью. Предгорья для семирѣченскихъ киргизъ играютъ большую роль, чѣмъ призимовочныя угодья для степныхъ; въ пашню и въ сѣнокосъ ими вложено много труда—здѣсь, кромѣ поливного земледѣлія, производятся ими посѣвы туркестанской люцерны. Переселенческое вѣдомство, при нарѣзкѣ участковъ, вынуждено сгонять и разорять тысячи киргизскихъ семействъ: по словамъ депутата Волкова (въ 1910 г.) предположено къ изъятію болѣе 5100 очаговъ киргизской осѣдлости, съ населеніемъ болѣе 30 тыс. душъ—и это для того, чтобы на ихъ мѣсто устроить всего какихъ-нибудь 2500—3000 переселенческихъ хо-

зяйствъ. Между тѣмъ, киргизское скотоводство и безъ того сильно пошатнулось; съ 70-хъ годовъ количество скота у нихъ въ разныхъ уѣздахъ сократилось на 15—80%. Дальнѣйшія отрѣзки «излишковъ» на богарѣ поведутъ къ тому, что часть киргизъ «землеустроится» и окончательно осядетъ на землю, но другая часть, ведущая преимущественно кочевое хозяйство, разорится, превратится въ пролетаріевъ, батраковъ для насаждаемыхъ теперь помѣщиковъ и рабочихъ для горныхъ промысловъ. Степныя равнины запустѣютъ, скотоводство окончательно упадетъ.

Немного выиграютъ отъ этого и русскіе, потому что богарный фондъ невеликъ, а веденіе поливного земледѣлія требуетъ большихъ затратъ и умѣнья. Вытѣсненіе киргизскаго хозяйства русскимъ скорѣе приведетъ къ паденію, а не къ подъему сельскаго хозяйства въ его цѣломъ. Земледѣліе на богарѣ непрочно: богарныя земли безъ удобренія быстро тощаютъ, ихъ приходится замѣнять, при залежной системѣ, все новыми и новыми участками, а вслѣдствіе притока переселенцевъ запасъ богарныхъ земель быстро приходитъ къ концу. Урожаи на богарѣ подвержены чрезвычайнымъ колебаніямъ: стопудовые сборы чередуются съ нулевыми, и при дальнѣйшей распашкѣ, безъ примѣненія болѣе интенсивныхъ пріемовъ обработки, земледѣліе подъ дождь становится крайне рискованной операціей. «Полтавцы, Черниговцы, которые ввели у себя на родинѣ и вспашку подъ зябь, и глубокую вспашку, и пары, и озимые посѣвы, и сортировку сѣмянъ, и удобреніе, придя въ Семирѣчье, отбрасываютъ все это, какъ ненужный балластъ, и начинаютъ пахать кое-какъ, сѣять только яровую пшеницу на одномъ полѣ до полнаго истощенія. Поэтому мало-мальски неблагопріятная весна немедленно уничтожаетъ почти весь урожай». (Купластъ, «Гидротехнич. работы»).

При такой хищнической эксплоатаціи почвы, богарное земледѣліе неминуемо должно пережить въ ближайшемъ будущемъ глубокій и тяжелый кризисъ, который несомнѣнно отразится неблагопріятно на переселенческомъ движеніи. И возможно, что не изъ Семирѣчья повезутъ пшеницу въ Туркестанъ, а наоборотъ, изъ Туркестана придется нагружать вагоны хлѣбомъ, назначеннымъ для продовольствія голодающихъ переселенцевъ.

Такъ какъ запасы еще неистощенныхъ богарныхъ земель при всякихъ разсчетахъ, даже при разореніи тысячъ киргизскихъ стойбищъ, оказываются сравнительно небольшими, въ сотни тысячъ, а не въ милліоны десятинъ, и такъ какъ земледѣліе на богарѣ, при господствующихъ системахъ, рискованно, то устойчивая с.-хозяйственная эволюція края возможна лишь при широкой орга-

низаціи искусственнаго орошенія. Но, при способности нашихъ казенныхъ культуртрегеровъ затрачивать десять рублей тамъ, гдѣ нуженъ рубль, эта операція, если она будетъ поставлена широко, обойдется такъ дорого, что посѣвы сравнительно дешевыхъ зерновыхъ культуръ на орошенной землѣ будутъ невыгодны. Вотъ почему мы считаемъ дальнѣйшую колонизацію края и весь планъ г. Кривошеина построенными на такомъ же шаткомъ основаніи, какъ и посѣвы на богарѣ.

Все сказанное относительно Семирѣчья можно примѣнить и къ другой области, открытой теперь для русскихъ переселенцевъ—Сыръ-Дарьинской, въ которой, впрочемъ, и богарныхъ земель значительно меньше, и потребность въ поливныхъ земляхъ гораздо настойчивѣе. Въ обѣихъ областяхъ фондъ территоріи, доступный для колонизаціи безъ оросительныхъ меліорацій, вѣроятно разъ въ десять меньше исчисляемыхъ правительствомъ „излишковъ“ и не превышаетъ $1^1/_2$—2 мил. дес.

Объ остальномъ Туркестанѣ, густо заселенномъ сартами, которые, по словамъ „записки“, дошли уже до сѣвооборота: „рисъ, дыня, хлопчатникъ“, много не приходится говорить, потому что орошенныя земли тамъ всѣ уже заняты, а орошеніе 3 мил. дес., доступныхъ такой меліораціи, требуетъ 700 мил. рублей. Правительство разсчитываетъ на продажу земель сартами, и на частную предпріимчивость. Поливная земля оцѣнивается теперь уже сотнями рублей — цѣнность ея будетъ быстро возрастать. У русскихъ поселенцевъ не найдется денегъ, чтобы заплатить выкупъ за землю, и вдобавокъ имъ придется учиться поливному земледѣлію, хлопководству, разведенію садовъ и виноградниковъ. Можетъ быть, они и способны усвоить эту науку, но кто будетъ кормить ихъ во время ученья, кто будетъ платить за нихъ десятки рублей ежегоднаго выкупа за десятину?

При такихъ условіяхъ малоземельному крестьянину гораздо легче выбраться наверхъ въ центральной Россіи, и тѣмъ, кто способенъ сладить съ такими препятствіями для расширенія своего хозяйства, незачѣмъ ѣздить въ Туркестанъ. Что касается до частной предпріимчивости, то русскихъ капиталовъ для грандіозныхъ предпріятій, прибыльность которыхъ неизвѣстна, у насъ мало, и притомъ частные предприниматели будутъ выжимать всѣ соки изъ переселенцевъ; крестьяне и на родинѣ сидятъ въ господской кабалѣ, какъ арендаторы помѣщичьихъ земель, и Туркестанская кабала врядъ ли покажется имъ слаще домашней.

Въ общемъ, надо думать, что Туркестанская колонизація, которая сейчасъ выражается въ ничтожныхъ цифрахъ (максимумъ—

15 тыс. въ 1912 г.), будетъ всегда итти позади даже дальневосточной. Послѣ исчерпанія остатковъ богарнаго фонда, устройство каждой переселенческой семьи на орошаемыхъ земляхъ обойдется казнѣ въ сотни и тысячи рублей, а отъ самихъ переселенцевъ потребуетъ такой энергіи, иниціативы, культурности и такихъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ дать лишь единицы, а не рядовая, малоземельная, некультурная масса. Туркестанъ — эта, по выраженію г. Кривошеина, самой природой созданная оранжерея — требуетъ и людей, привыкшихъ обращаться съ оранжерейными культурами, а не воспитанныхъ на ржи и овсѣ. И если главной цѣлью правительства дѣйствительно является развитіе производительныхъ силъ страны, фундаментомъ для этого развитія оно должно взять не русскихъ пришельцевъ, а *мѣстныхъ туземцевъ*, руками которыхъ создана возможность человѣческой жизни въ этомъ краѣ, уже погибавшемъ подъ летучими песками пустыни. Примѣръ необычайно быстраго развитія хлопководства [1]) на орошаемой туземной территоріи показываетъ, какую мощную производительность могло бы проявить мѣстное населеніе, если бы къ дичку его азіатской культуры сдѣлать прививку европейской науки. Сѣть школъ и агрономическихъ учрежденій, элементарныя политическія свободы, широкое самоуправленіе въ нѣсколько лѣтъ освободили бы нашу мануфактуру отъ американскаго хлопка. Но къ чему безплодныя мечты!..

Мы дали маленькій, но по возможности ясно очерченный рисунокъ колонизаціонныхъ перспективъ пяти областей Азіатской Россіи. Безъ крупныхъ меліорацій, безъ затраты не 30 милліоновъ, какъ теперь, а по крайней мѣрѣ сотенъ милліоновъ, природныя условія страны допускаютъ ежегодное водвореніе не болѣе 250—300 тыс. переселенцевъ, считая 100—120 тыс. въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ, 70—80 тыс. въ Восточной, 50—60 тыс. на Дальнемъ Востокѣ и 30—40 тыс. въ Туркестанѣ. Мы больше чѣмъ удвоили для послѣднихъ двухъ областей цифру фактической ихъ колонизаціи въ 1912 г., когда она достигла максимальныхъ размѣровъ, и сильно преувеличили цифру Восточной Сибири, въ разсчетѣ, что истощеніе удобнаго фонда на Западѣ Сибири и реформа ссудной помощи переселенцамъ приведутъ къ «разсѣянію» колонизаціи по направленію на Востокъ и на Югъ. Но это случится не сразу; въ первые годы переселенцы будутъ валить по проторенным дорогамъ въ западную Сибирь и степныя области, переполняя уже и безъ того почти до краевъ заполненную степную

[1]) Въ 1906 г. подъ хлопкомъ въ Средней Азіи было 61 тыс. дес., въ 1911 г. 401 тыс.

и лѣсостепныя полосы, превращаясь въ «неприписанныхъ» пролетарiевъ, ведущихъ еще болѣе нищенское существованiе, чѣмъ на родинѣ. Вотъ почему коренной задачей современной переселенческой политики, помимо улучшенiя общихъ условiй колонизацiи, становится урегулированiе переселенческаго движенiя, приведенiе его въ соотвѣтствiе съ наличностью свободнаго удобнаго фонда въ различныхъ областяхъ. Посмотримъ, какимъ образомъ правительство пытается осуществить эту задачу.

Н. Огановскiй.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ [1]).

(Окончаніе).

IV.

Современныя тенденціи переселенческой политики.

До послѣдняго времени переселенческое движеніе было стихійнымъ процессомъ: то опускаясь до десятковъ, то поднимаясь до многихъ сотенъ тысячъ, перескакивая изъ района въ районъ, оно отражало всѣ переживанія мятущейся, ищущей выхода изъ-подъ невыносимаго гнета нужды массы малоземельныхъ. Такой же стихійной, не планомѣрной, не объединенною одною центральной идеей была и правительственная политика въ переселенческомъ дѣлѣ, отражающая, какъ въ зеркалѣ, всѣ колебанія въ высшихъ сферахъ и въ самомъ народѣ.

Со второй половины 1890-хъ г.г. бюрократическій центръ утвердился, впрочемъ, на благосклонномъ отношеніи къ переселенію, но зачастую онъ встрѣчалъ противодѣйствіе на периферіи со стороны мѣстныхъ властей. На глазахъ пишущаго эти строки тогда происходили между центромъ и военными генералами, властителями степныхъ окраинъ, ожесточенныя схватки. Генералы грудью отстаивали интересы киргизъ: тогдашніе степные самовольцы (а другихъ не было, потому что степи еще не открывались для колонизаціи) люди дошлые, прошедшіе огонь и воду, задорные, крикливые, сравнительно съ приниженными киргизами, сулили мѣстной

1) См. ноябрь, стр. 273.

Въ 1900-хъ г.г. съ появленіемъ первыхъ признаковъ народнаго администраціи много лишнихъ хлопотъ и непріятностей.
движенія, благосклонность начинаетъ переходить въ поощреніе; воинствующія мѣстныя власти смиряются и сами идутъ навстрѣчу новому курсу. Наконецъ, послѣ революціи, правительство начинаетъ смотрѣть на переселеніе какъ на серьезное средство для рѣшенія аграрнаго вопроса мирно и тихо, безъ потрясенія основъ. Положеніе 10 марта 1906 г. открыло широкій доступъ въ Азію всѣмъ желающимъ; земскіе начальники и другіе мѣстные чины стали прямо зазывать переселенцевъ, и подавленные, растерянные, потерявшіе надежду на прирѣзку земли, крестьяне отозвались на этотъ призывъ. Въ 1905 г. прошло 39 тыс. переселенцевъ и 5 тыс. ходоковъ, въ 1906 г.—138 и 76 тыс., въ 1907 г.—427 и 150 тыс. Казалось бы, чего лучше: но уже въ 1906 г. 27% ходоковъ вернулось, не найдя участковъ, въ 1907 г. неудачныхъ ходоковъ оказалось 43%. Спросъ на землю рѣзко опередилъ всѣ заготовительныя работы. Въ Государственной Думѣ главноуправляющій землеустройствомъ открыто призналъ въ 1907 г., «что правительство не въ силахъ справиться даже съ тѣмъ движеніемъ, которое естественно возникаетъ, и не только не озабочено созданіемъ какихъ-либо соблазновъ для его увеличенія, но, напротивъ того, вынуждено принимать мѣры лишь къ тому, чтобы направить это движеніе въ русло планомѣрности».

Введеніе въ русло планомѣрности, на первыхъ порахъ, заключалось въ закрытіи нѣкоторыхъ районовъ для переселенцевъ. Одинъ за другимъ районы колонизаціи подвергались запрету, но это вызвало только небывалый притокъ самовольцевъ, скоплявшихся въ Западной Сибири — ихъ некуда было дѣвать, тогда какъ на востокѣ сотни тысячъ нарѣзанныхъ долей пустовали.

Съ 1909 г. правительство пробуетъ урегулировать движеніе посредствомъ распредѣленія долей по губерніямъ выхода и организованнаго ходачества, порученнаго землеустроительнымъ коммиссіямъ и нѣсколькимъ земствамъ, объединившимся для этой цѣли на югѣ Россіи. Если земства достигли кое-какихъ результатовъ, то землеустроительныя коммиссіи, стоявшія далеко отъ народа, ознаменовали свою дѣятельность лишь раздачей весьма большого количества долей въ распоряженіе почаевскаго союза истинно-русскихъ людей. Хотя переселенческое движеніе съ 1909 г. стало сильно падать, но процентъ ходоковъ-неудачниковъ поднялся въ 1911 г. до 60%. Общая вѣрность взятаго курса продолжала быть спорной; въ 1911 г. прекращено предварительное распредѣленіе долей и возстановлена свобода ходачества.

Широко открытыя двери ничего, кромѣ дезорганизаціи, въ переселенческое дѣло не внесли; нарѣзанныхъ участковъ не хватало, заготовка земельныхъ долей производилась наспѣхъ, безъ необходимаго оборудованія участковъ, безъ колодцевъ, дорогъ, иногда въ непроходимыхъ горныхъ трущобахъ; переселенцы не шли на востокъ, гдѣ было много свободныхъ земель, а скоплялись на западѣ; попытка урегулировать движеніе не удалась; всякое запрещеніе вызывало лишь ростъ самовольцевъ и ухудшало положеніе дѣла. Чтобы распутать эту путаницу, грозящую тягостными послѣдствіями, два министра отправились въ Сибирь и послѣ ихъ поѣздки правительство создаетъ совершенно новый планъ переселенческой политики.

«*Не переселеніе, а колонизація*», «не выселеніе трудовыхъ массъ съ родины, а заселеніе окраинъ русскими людьми»—таковъ принципъ, положенный въ основу послѣдней правительственной программы по переселенческому вопросу. Окончательно отказываясь отъ мысли разрѣшить переселеніемъ, хотя бы частично, аграрный вопросъ, правительство теперь, повидимому, рѣшило послѣдовать совѣту А. А. Кауфмана—«разсматривать переселеніе исключительно, какъ *фактъ*»: оно не намѣрено ни стѣснять, ни поощрять переселенческое движеніе, предоставивъ каждому желающему, черезъ посылку ходоковъ, или лично, отыскивать въ Азіатской Россіи подходящіе участки. Ходокамъ и семьямъ, переселяющимся на зачисленныя ходоками участки, выдаются свидѣтельства на льготный проѣздъ; самовольцамъ, ѣдущимъ на свой страхъ и рискъ, безъ предварительнаго зачисленія участковъ, такихъ свидѣтельствъ не выдается, и они получаютъ землю изъ казны во вторую очередь, только послѣ устройства легальныхъ переселенцевъ. Несомнѣнно, такой порядокъ является, при существующихъ условіяхъ, самымъ разумнымъ: единственное, что можно бы было требовать въ дополненіе къ нему — это широкое освѣдомленіе всѣхъ желающихъ переселиться, на мѣстахъ выхода, черезъ особыя переселенческія бюро, или черезъ уѣздныя земства, или, еще лучше черезъ будущія мелкія земскія единицы и кооперативныя учрежденія, о наличности свободнаго фонда и вообще объ условіяхъ колонизаціи въ разныхъ районахъ Азіатской Россіи. Такая организація, нужда въ которой, въ виду описаннаго нами раньше состоянія колонизаціоннаго фонда, стала чрезвычайно настоятельной и стоила бы недорого, а при ея помощи въ народномъ карманѣ сохранялись бы ежегодно милліоны: десятки тысячъ самовольцевъ-неудачниковъ избѣгали бы разоренія. «Устами переселенцевъ—говорятъ харьковскіе земскіе дѣятели—утверждается необхо-

димость предварительнаго широкаго и всесторонняго ознакомленія съ условіями жизни въ колонизуемыхъ мѣстностяхъ».

При строгомъ нейтралитетѣ въ переселенческомъ движеніи роль правительства, какъ культурнаго колонизатора, должна была бы свестись лишь къ облегченію условій переселенія и водворенія, къ наилучшей подготовкѣ участковъ и къ проведенію агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій, способствующихъ развитію производительныхъ силъ страны.

Но цѣлый рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ импульсовъ, руководившихъ правительствомъ при составленіи его плана, настолько запуталъ и осложнилъ эту простую, по существу, задачу, что при конкретной формулировкѣ этого плана въ немъ оказалось множество непримиримыхъ противорѣчій, искажающихъ смыслъ и цѣль переселенческаго движенія и тормозящихъ поступательный ходъ развитія производительныхъ народныхъ силъ.

Какъ мы сказали, центральной задачей новой правительственной программы является изысканіе способа регулировать колонизацію нашихъ окраинныхъ областей, въ зависимости отъ ихъ емкости. Такой способъ уже придуманъ и съ нынѣшняго года приводится въ исполненіе. Направленіе колонизаціи отнынѣ регулируется не мѣрами пресѣченія и запрещенія, настолько вошедшими въ привычку бюрократически-полицейскаго государства, что оно, до послѣдняго момента, не съумѣло отказаться отъ нихъ, несмотря на доказанную многолѣтнимъ опытомъ полную непригодность ихъ въ переселенческомъ дѣлѣ, а впервые —мѣрами *экономическаго* воздѣйствія. Въ № 6 «Изв. Гл. Упр. Землеуст.“ за 1913-ый годъ опубликованъ списокъ мѣстностей, въ которыхъ переселенцамъ, въ зависимости отъ степени трудности водворенія, а также по соображеніямъ внѣшней политики, будутъ выдаваться ссуды различныхъ размѣровъ. Въ первую группу помѣщены части степныхъ и западно-сибирскихъ областей, лучшія по почвѣ и климату, наиболѣе излюбленныя переселенцами, наиболѣе заселенныя и лежащія близко отъ желѣзной дороги. Тутъ, вмѣсто полученія ссудъ, переселенцы, по новому «распоряженію» министерства, уже распубликованному Сенатомъ и, слѣдовательно, вошедшему въ законную силу, сами платятъ за пользованіе казенной землей аренду, а послѣ принятія Гос. Думой и Совѣтомъ законопроекта о продажѣ земель должны будутъ выкупать свои арендованные участки непосредственно у казны или черезъ посредство Крестьянскаго Банка.

Во II-ой группѣ мѣстностей, лежащей отчасти въ Западной Сибири, отчасти въ степной полосѣ Восточной и въ 2-хъ уѣздахъ Семирѣчья, переселенцы получаютъ по 100 руб. на семью; въ

III-й, въ центрѣ и на югѣ киргизскихъ степей—150 руб.; въ IV-ой, въ отдаленныхъ отъ желѣзной дороги мѣстностяхъ Восточной Сибири и въ заселенной киргизами части Туркестана—по 165 руб.; въ V-й, на югѣ степей и въ подтаежной полосѣ Сибири—по 200 руб.; въ VI-й, на крайнемъ югѣ степей и на крайнемъ сѣверѣ колонизуемой части Сибири въ тайгѣ—по 250 руб.; наконецъ, въ VII-ой, въ Пріамурьи и пограничной съ Китаемъ полосѣ Туркестана—по 400 руб., причемъ 200 рублей изъ этой суммы, въ наиболѣе близкихъ къ границѣ или въ трудныхъ для колонизаціи таежныхъ и заболоченныхъ мѣстностяхъ, выдаются въ качествѣ безвозвратнаго пособія. Мотивировка такого распредѣленія ссудъ приведена въ другомъ мѣстѣ названнаго журнала. «Выдача ссудъ должна сообразоваться съ различными условіями поселенія въ лучшихъ и худшихъ районахъ Азіатской Россіи. Тамъ, гдѣ земли отличаются плодородіемъ, гдѣ имѣются заработки, существуютъ пути сообщенія и гдѣ давно живутъ старожилы, у которыхъ можно арендовать землю, тамъ совсѣмъ нѣтъ необходимости выдавать ссуду. Въ другихъ районахъ, гдѣ условія жизни тяжелы и переселенцы въ большей степени нуждаются въ посторонней помощи, тамъ, напротивъ, необходимо выдавать ссуды всѣмъ переселенцамъ, и, притомъ, въ увеличенномъ размѣрѣ».

Мы лично ничего не можемъ возразить противъ самаго принципа выдачи ссудъ различныхъ размѣровъ, сообразно со степенью трудности водворенія и устройства. Замѣтимъ только, что для урегулированія колонизаціи, этого одного недостаточно; необходимы еще *различные размѣры надѣловъ*. Въ легкихъ, гуще заселенныхъ районахъ достаточны надѣлы, покрывающіе только насущныя нужды средняго крестьянскаго хозяйства, т. е. въ предѣлахъ потребительныхъ нормъ. Въ болѣе тяжелыхъ для заселенія районахъ, въ видахъ привлеченія туда болѣе работоспособныхъ или сравнительно зажиточныхъ семействъ—наиболѣе нужный здѣсь элементъ колонистовъ—размѣры надѣловъ должны быть повышены; это явится извѣстной преміей, наградой за большій трудъ.

Однако, одно дѣло—правильный принципъ, другое—его реализація. Въ опубликованной схемѣ ссудъ—которая, впрочемъ, можетъ быть измѣняема ежегодно—допущены, по нашему мнѣнію, двѣ неправильности: слишкомъ незначительная разница въ размѣрахъ ссудной помощи въ сравнительно легкихъ и трудныхъ районахъ и слишкомъ большой, относительно, размѣръ ссуды для пограничныхъ областей Пріамурья и Семирѣчья. Мы видѣли, какъ трудно устроить хозяйство въ лѣсной полосѣ: чтобы завести $3^1/_2$ дес. посѣва, нужно убить 5 лѣтъ на разработку тайги, на созданіе пашни въ лѣс-

ныхъ трущобахъ, вдали отъ крупныхъ поселеній, а слѣдовательно и отъ сторонних заработковъ. Трудъ и капиталъ, затрачиваемые на эту многолѣтнюю борьбу съ дѣвственной природой, и экономическія потери, происходящія отъ изолированности таежныхъ поселенцевъ, во много разъ превосходятъ, по стоимости, ту сотню или полторы рублей, которыя составляютъ разницу между размѣрами ссуды въ легкихъ и трудныхъ районахъ. Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ удвоить эту разницу, т. е. довести ссуду въ трудныхъ мѣстностяхъ до 400 р. — размѣра, установленнаго для пограничныхъ районовъ.

Нѣкоторые писатели относятся отрицательно къ высокимъ ссудамъ. А. А. Кауфманъ приводитъ въ своей книгѣ рядъ неблагопріятныхъ отзывовъ различныхъ авторовъ, начиная съ Рошера и кончая Ф. Ф. Буссе. Г. Шлимкевичъ подтверждаетъ ихъ относительно Пріамурья: «Наблюденія послѣднихъ лѣтъ въ Пріамурьѣ и общія единодушныя впечатлѣнія дѣятелей переселенческаго дѣла указываютъ, что помощь, оказываемая переселенцамъ въ большомъ размѣрѣ, часто достигаетъ противоположныхъ результатовъ: зарегистрирована масса случаевъ ухода переселенцевъ на родину, тотчасъ же по полученіи ссуды въ 100 200 и болѣе рублей. Съ тѣмъ меньшей увѣренностью можно полагать, что переселенецъ не уйдетъ, получивши денегъ или имущества на бо́льшую сумму» [1]). Что это вполнѣ возможно—показываетъ анкета Г. Казанскаго, обнаружившаго во Владивостокскомъ участкѣ 40% дворовъ, опустѣвшихъ, главнымъ образомъ, послѣ получки ссуды.

Какъ же быть? Давать малую ссуду нельзя, вслѣдствіе трудности водворенія, а большую—давать опасно. Выдавать по частямъ, по кусочкамъ—опытъ показываетъ, что такія раскрошенныя ссуды проѣдаются и пропиваются, а не идутъ на хозяйственныя нужды: все равно, молъ, на эти крохи ничего не сдѣлаешь. По нашему мнѣнію, самый правильный выходъ изъ этого затрудненія—производство необходимыхъ меліорацій на участкѣ, за счетъ ассигнованной суммы, трудомъ самого колониста. Выдавая сразу рублей 200—250 на первоначальное обзаведеніе скотомъ, орудіями и постройками, остальную часть слѣдуетъ давать не въ видѣ ссуды, а въ качествѣ заработной платы по улучшенію участка.

Эта мысль мелькаетъ у нѣкоторыхъ оффиціозовъ, кое-гдѣ она приводится въ исполненіе; нужно возвести ее въ принципъ и примѣнять всюду, гдѣ необходимы частичныя меліораціи, осуществимыя силами переселенческой семьи. Крупныя меліораціи, непосильныя для переселенцевъ, казна должна производить за свой

[1]) Труды Амурск. Эксп., вып. V, стр. 107.

особый счетъ. Максимальную 400-рублевую ссуду или пособіе необходимо выдавать только въ трудныхъ для колонизаціи районахъ. Правительство, при выдачѣ такой ссуды, преслѣдуетъ совершенно иную цѣль — укрѣпленіе пограничныхъ земель русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Мы уже доказывали, что въ Пріамурьи наши крестьяне сталкиваются съ непривычной для нихъ природной обстановкой; приспособлять къ ней свое хозяйство очень трудно. Поэтому, русское земледѣліе въ краѣ — чужеядное растеніе, питающееся казенными соками и настолько при этомъ хилое, недоразвитое, что до сихъ поръ оно не можетъ прокормить своими продуктами нѣсколько сотъ тысячъ горожанъ и войска. Большое количество хлѣба и особенно скота привозится изъ Манчжуріи; ввозъ скота настолько великъ, что онъ во много разъ превышаетъ вывозъ его по всей имперіи [1]). Старожилы и переселенцы ведутъ экстенсивное зерновое хозяйство, мало обращая вниманія на скотоводство. Въ Манчжуріи цѣны на хлѣбъ и скотъ значительно ниже. Мы выяснили также, что большого количества переселенцевъ Пріамурье вмѣстить не можетъ, если не затрачивать сотни милліоновъ на меліораціи; а отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ никакого укрѣпленія границъ, тянущихся на тысячи верстъ, не получится. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, здравая экономическая политика должна основываться на колонизаціи края не русскимъ, а *туземнымъ* элементомъ, свыкшимся съ его природой, достаточно культурнымъ, трезвымъ, способнымъ легко и быстро, безъ большихъ затратъ со стороны казны, увеличить производительность сельскаго хозяйства до такихъ размѣровъ, чтобы, безъ заграничнаго импорта, безъ искусственной поддержки, оно могло удовлетворить продовольственныя нужды не-земледѣльческаго населенія области.

Если китайцы кажутся правительству опасными, то мы все-таки не понимаемъ, зачѣмъ гнать и преслѣдовать корейцевъ? Былъ моментъ, когда правительство однимъ пальцемъ поманило корейцевъ, принимало ихъ въ русское подданство и надѣляло 15-ти десятинными надѣлами на семью. Корейцы толпами повалили въ Пріамурье, перебѣгая границу подъ выстрѣлами своихъ же соплеменниковъ. Надо еще сказать, что корейцы, не въ примѣръ китайцамъ, берущимся за всякую работу—коренные землеробы; они неохотно идутъ на промыслы и не будутъ конкуррировать съ русскими рабочими, которыхъ старается привлечь сюда правительство.

---

[1]) См. І. М. Гольдштейнъ. «Русско-Германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть колоніей Германіи», М. 1913, стр. 30—31.

Попытка регулировать колонизацію при помощи ссуднаго аппарата хотя и можетъ вызвать еще другія возраженія, но все-таки она хороша уже тѣмъ, что не портитъ самаго дѣла. Этого нельзя сказать относительно законопроекта о *продажѣ* земли въ излюбленныхъ переселенцами районахъ. Завѣщанный покойнымъ премьеромъ, законопроектъ этотъ уже реализованъ послѣднимъ правительственнымъ распоряженіемъ о сдачѣ въ аренду лучшихъ участковъ. Онъ выкачиваетъ изъ тощаго кармана переселенцевъ денежныя средства, столь необходимыя на продуктивныя траты по оборудованію ихъ собственнаго хозяйства, и противорѣчитъ, по существу, именно той основной цѣли—регулированію колонизаціи различныхъ областей,—для которой онъ придуманъ.

На западѣ Сибири скопляются сотни тысячъ неустроенныхъ самовольцевъ, уповающихъ на нарѣзку новыхъ переселенческихъ участковъ, такъ какъ заготовленные уже разобраны. На востокѣ сотни тысячъ душевыхъ долей пустуютъ въ ожиданіи неохотно идущихъ туда засельщиковъ. Правительство разсчитываетъ отпугнуть наиболѣе оскудѣлые элементы переселенческой массы отъ запада необходимостью платить аренду и выкупъ за землю и привлечь ихъ на востокъ повышенными ссудами. На западѣ же отведенные для продажи лучшіе участки предполагается сдавать въ аренду и продавать крѣпкимъ крестьянамъ, «вполнѣ надежнымъ въ хозяйственномъ отношеніи».

Этотъ проектъ строится наперекоръ природнымъ и экономическимъ условіямъ заселенія разныхъ областей Сибири. Колонизація удаленныхъ отъ метрополіи, лѣсныхъ, гористыхъ и заболоченныхъ восточныхъ областей, съ рѣдкимъ разбросаннымъ населеніемъ—очень трудное дѣло. Оно требуетъ отъ переселенцевъ не только большого запаса физическихъ силъ и выносливости, но и болѣе значительныхъ денежныхъ средствъ. Лишнія тысячи верстъ въ пути, большая дороговизна орудій производства, другихъ необходимыхъ мелioрацій и скота, раскорчевка пашни изъ-подъ лѣса, наконецъ, отсутствіе заработковъ—все это приводитъ къ убѣжденію, что было бы гораздо раціональнѣе построить систему мѣропріятій, способныхъ привлечь наиболѣе сильныя физически и имущественно семьи въ отдаленные и трудные районы, западныя же степи и лѣсо-степи, съ ихъ черноземными и суглинистыми почвами, съ болѣе мягкимъ климатомъ оставить на поправку самымъ малоземельнымъ, но все же работоспособнымъ переселенцамъ-бѣднякамъ, которые необходимыя для ихъ устройства денежныя средства могутъ здѣсь пріобрѣсти заработкомъ у сосѣдей. Эти магниты—сравнительная близость отъ родины, подходящія къ европейскимъ природныя условія,

знакомыя и привычныя черноземнымъ переселенцамъ, возможность пополнить недостатокъ наличныхъ средствъ заработками—будутъ всегда притягивать на западъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ, особенно самовольцевъ, идущихъ пристраиваться къ уже водворенымъ своимъ землякамъ. Болѣе зажиточные переселенцы шли въ Сибирь въ очень маломъ количествѣ тогда, когда земля отдавалась даромъ; неужели правительство серьезно думаетъ, что передача участковъ за плату можетъ ихъ привлечь только однимъ магическимъ словомъ «собственность?» Да и «собственность» богатые крестьяне могутъ отыскать возлѣ своего дома, не затрачивая сотенъ рублей на проѣздъ, не ломая укрѣпившагося хозяйства!

Исходя изъ такихъ соображеній, мы убѣждены, что проданные участки, какъ и даровые, будутъ разбираться, въ силу необходимости, бѣдняками, самовольцами и другими переселенцами, которымъ некуда дѣваться. Платятъ же они старожиламъ за пріемные приговоры, снимаютъ у нихъ землю въ аренду—будутъ платить и казнѣ, пока могутъ, если казна заставитъ ихъ платить угрозой моментальнаго выселенія. Но что станется съ ихъ хозяйствомъ—можно видѣть на примѣрѣ хозяйства самовольцевъ-арендаторовъ старожильческихъ земель. Двѣ десятины посѣва, по одной лошади у половины дворовъ, другая половина безлошадныхъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жестокой борьбы съ нуждой—вотъ тотъ подъемъ экономическаго благосостоянія переселяющихся, вотъ развитіе производительныхъ силъ страны, которыя готовитъ новый законъ для западно-сибирскихъ областей.

Надо еще добавить, что отрубные и хуторскіе участки, на которые разрѣзается значительная часть приготовленнаго къ продажѣ земельнаго фонда, вѣроятно по техническимъ причинамъ, будутъ сравнительно крупныхъ размѣровъ (до 75 дес.). Сладить съ такимъ участкомъ, выплачивать аккуратно требуемые взносы, малозажиточный переселенецъ не въ состояніи; если онъ не съумѣетъ обойти законъ, передавая тайкомъ часть участка какому-нибудь самовольцу-горемыкѣ,—его черезъ годъ-два сгонятъ за неплатежъ взносовъ. Вообще, непроизводительная растрата маленькихъ запасовъ денежныхъ средствъ у переселенцевъ, которую создаетъ новое правительственное «распоряженіе», поведетъ къ образованію кадровъ оскудѣвшихъ паупероръ въ Азіатской Россіи. И каждый рубль, взятый казной съ арендованныхъ и проданныхъ участковъ. ей же придется оплатить вдвойнѣ, въ ближайшіе годы, въ видѣ «продовольственныхъ» и иныхъ пособій обнищавшему населенію.

«Завѣщаніе» П. А. Столыпина съ самаго начала реализуется въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Такъ, въ аренду, а потомъ въ

продажу переселенцамъ пускается 500 тыс. десятинъ лучшихъ земель въ Тобольской губерніи, Тургайской и Акмолинской областяхъ. Предполагая, что они будутъ распроданы участками по 30 дес. на семью (а есть по оффиціальнымъ отчетамъ отруба и въ 70 дес), на нихъ можетъ устроиться не болѣе 16—17 тыс. дворовъ «крѣпкихъ и сильныхъ»; если же эту землю раздать даромъ слабымъ, примѣрно, по 15 дес. на дворъ, то на всѣхъ 500 тыс. дес. поселилось бы вдвое большее количество населенія, которое черезъ нѣсколько лѣтъ произвело бы, вѣроятно, тоже вдвое большее количество хлѣба и скота. Пусть судитъ читатель, какой способъ ликвидаціи этого фонда будетъ скорѣе способствовать развитію производительныхъ силъ страны.

Разсмотрѣнные сейчасъ пункты правительственной программы представляютъ попытки разрѣшить вопросы, поставленные на очередь самой жизнью, насущной нуждой въ упорядоченіи дѣла колонизаціи. Но слѣдующій пунктъ этой программы—землеустройство старожиловъ и инородцевъ—связанъ съ переселеніемъ лишь постольку, поскольку отрѣзка «излишковъ» послѣ землеустройства образуетъ новый земельный фондъ. Между тѣмъ, правительство вводитъ, при отграниченіи землевладѣнія мѣстнаго населенія, начала закона 14 іюня 1910 г., уничтожающія и въ Сибири только еще зарождающійся уравнительно-передѣльный механизмъ общины.

Въ уничтоженіи общины для переселенческаго дѣла нѣтъ рѣшительно никакой надобности, и правительство вовсе не думало объ этомъ, пока упреки правыхъ, постоянно коловшихъ глаза представителямъ власти за то, что въ коренной Россіи они уничтожаютъ общину, а въ Сибири ее насаждаютъ—не возымѣли своего дѣйствія.

Находящееся сейчасъ на разсмотрѣніи Государственной Думы «положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ на казенныхъ земляхъ сибирскихъ губерній и областей» несомнѣнно произведетъ болѣе широкое и глубокое разрушеніе общины, чѣмъ въ Европейской Россіи произвели указъ 9 ноября и законъ 14 іюня. Сибирская община находится сейчасъ въ стадіи переходнаго процесса отъ вольнаго захвата къ земельному поравненію, а въ этотъ моментъ частные передѣлы, «свалки-навалки», игнорируемые дѣйствующимъ закономъ, какъ доказательство жизненности общины, преобладаютъ надъ общими передѣлами. Въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія прямо говорится, что случаи сохраненія общины въ Сибири «будутъ весьма рѣдки, такъ какъ для этого требуется, чтобы общество раньше производило

передѣлъ [1]), а такихъ обществъ очень мало» (стр. 19). Перепись 1911-1912 г. подтверждаетъ эти слова фактическимъ матеріаломъ относительно переселенцевъ: хотя больше половины описанныхъ поселковъ съ общинной формой землевладѣнія и производили раздѣлы угодій по душамъ, но «коренные передѣлы были въ единичныхъ случаяхъ... Въ большинствѣ поселковъ, по недавности ихъ образованія, время для коренныхъ передѣловъ еще не наступило».

Въ Сибири, какъ и всюду, на просторѣ, безъ посторонняго вмѣшательства, община развивалась органически, проходя послѣдовательно этапы «вольнаго», ничѣмъ не ограниченнаго землепользованія, затѣмъ, основаннаго на захватномъ правѣ, съ пожизненнымъ и даже наслѣдственнымъ владѣніемъ захваченными участками; еще позднѣе, когда масса уже почувствовала нѣкоторое стѣсненіе въ землѣ, начинается періодъ отвоевыванія излишне захваченныхъ «крѣпкими» хозяевами земель, посредствомъ частичныхъ переверстокъ—періодъ, происходившій на европейскомъ сѣверѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. и подробно описанный В. В. въ его книгѣ: «Къ исторіи общины».

Этотъ періодъ заканчивается переходомъ къ общему поравненію земли путемъ коренныхъ передѣловъ, при чемъ въ Сибири, тамъ, гдѣ эти передѣлы уже вошли въ общинную практику преобладаютъ еще примитивные способы разверстки: по надѣльнымъ душамъ, по платежамъ, по «бойцамъ» (работникамъ) и т. п. Въ разныхъ мѣстахъ община достигала различныхъ ступеней развитія; въ однѣхъ и тѣхъ же общинахъ, въ зависимости отъ количества того или другого вида угодій, пашни разверстываются по одному способу, сѣнокосъ—по другому, лѣсъ—по третьему. Въ общемъ, по словамъ одного изъ сотрудниковъ полуоффиціознаго органа «Вопросы колонизаціи», создающееся колонизаціей и развитіемъ общинно-передѣльнаго механизма—земельное ограниченіе влечетъ за собой не обезземеленіе части населенія, вслѣдствіе захвата земель болѣе состоятельными членами общины, а болѣе *равномѣрное*, соотвѣтствующее видамъ и нуждамъ хозяйства распредѣленіе земли между отдѣльными хозяевами» [2]). Равномѣрное распредѣленіе земли развивалось бы все шире и быстрѣе, вслѣдствіе колонизаціи и стѣсненія землепользованія послѣ отрѣзки «излишковъ», если бы Сибирская община, при землеустройствѣ, была предоставлена самой себѣ. Теперь она будетъ уни-

---

[1]) Здѣсь разумѣется, конечно, передѣлъ *общій*.

[2]) В. В. Солдатовъ, «Измѣненія формъ общиннаго землепользованія въ Сибири». («Вопр. колонизаціи» № 7, стр. 52).

чтожена «положеніемъ», которое—въ этомъ сомнѣваться трудно,—пройдетъ благополучно черезъ всѣ законодательныя инстанціи.

Въ оправданіе законопроекта г. Кривошеинъ въ 1911 г. приводилъ тотъ фактъ, что сибирскіе крестьяне сами стремятся къ единоличному землеустройству. «Можно считать почти установленнымъ,—подтверждаетъ его слова г. Литвиновъ (управляющій земскимъ отдѣломъ),—что община въ Сибири доживаетъ послѣдніе дни, такъ какъ само населеніе стремится освободиться отъ нея. Это стремленіе выражается въ томъ, что и частныя землемѣрныя бюро, и казенныя учрежденія завалены просьбами крестьянъ о землеустройствѣ». Но *о какомъ*? Въ этомъ вся суть.

Сибиряки ходатайствовали объ уничтоженіи междуселенной чрезполосицы, о размежеваніи на поселенныя владѣнія огромныхъ общихъ волостей, пережитковъ той глубокой старины, которую у насъ знала еще Кіевская Русь. Иные, особенно переселенцы, просили о раздѣлѣ пашень на три поля, а полей—на ярусы или коны, какъ у себя дома. Только немногіе «имѣли дѣйствительное намѣреніе ввести хуторскую или подворную форму замлепользованія въ ихъ чистомъ видѣ» [1]). Если эти немногіе и ходатайствовали о переходѣ къ личной собственности, то это объясняется разношерстностью состава переселенцевъ: въ одномъ мѣстѣ водворяются малороссы, бѣлоруссы, великороссы центра, сѣвера и юга, съ различными обычаями, разнообразнымъ хозяйственно-бытовымъ укладомъ, которые не могутъ отыскать иной почвы для примиренія своихъ интересовъ, кромѣ перехода къ единоличному землевладѣнію.

Какъ бы то ни было, Сибирская община обречена на разрушеніе. Разрушительный процессъ распространяется и на земли, вновь отводимыя переселенцамъ, и на арендуемыя у казны по только что опубликованному «распоряженію», согласно которому даже при арендѣ товариществомъ замельный пай каждаго участника долженъ быть строго опредѣленъ. Къ чему приведетъ это повальное разрушеніе?

Въ Европейской Россіи одно голое «землеразстройство», укрѣпленіе въ личную собственность разбросанныхъ по общинному полю отдѣльныхъ полосъ-дѣлянокъ, безъ сверстки и выдѣла ихъ въ хутора и отруба, производитъ серьезныя пертурбаціи въ хозяйственномъ строѣ деревни, порождая отчаянную узко-и мелко-полосицу, заграждая доступъ къ отдѣльнымъ полосамъ, задерживая коммассацію

---

[1]) Такъ говорится въ оффиціальномъ отчетѣ: «Обзоръ работъ по внутринадѣльному межеванію на переселенческихъ участкахъ за Ураломъ въ 1908-1909 г.»

(сверстку узкихъ полосъ въ широкія), необходимую для перехода къ болѣе интенсивному хозяйству и многопольному сѣвообороту, и затрудняя пользованіе жнитвомъ, какъ пастбищемъ. Между тѣмъ, только шестая часть «укрѣпленцевъ»-общинниковъ выходитъ на хутора и отруба, а пять шестыхъ остаются при старой чрезполосицѣ, ухудшенной еще тѣмъ, что община потеряла возможность ее регулировать.

Въ Сибири «землеразстройство» будетъ гораздо болѣе ощутительнымъ. Въ коренной Россіи уравнительно-передѣльная община сама постаралась произвести необходимое размежеваніе, разбивая надѣльную землю на «столбы», «коны», «ярусы», раздѣленные межами и дорогами, и разрѣзая каждый «конъ» на соотвѣтственное число геометрически правильныхъ полосъ, концы которыхъ упираются въ дороги и межи. Сибирская вольно-захватная община не знаетъ такого землемѣрія. Надѣлъ каждаго хозяина разбросанъ въ видѣ отдѣльныхъ безформенныхъ кусковъ въ разныхъ мѣстахъ, пашня еще не «отпочковалась» отъ переложнаго сѣнокоса и выгона, въ лѣсахъ засѣваются отдѣльныя поляны и «гари». Пестрота почвъ еще усиливаетъ эту безпорядочную раскиданность угодій, которая напоминаетъ груды камней, оставшихся послѣ города, разрушеннаго землетрясеніемъ. Послѣ землетрясенія уцѣлѣвшіе люди приходятъ на старое мѣсто, собираютъ камни и воздвигаютъ изъ нихъ новыя жилища. Но раскиданные въ безпорядкѣ клочки угодій у сибирскихъ крестьянъ, послѣ закрѣпленія ихъ въ собственность, на десятки лѣтъ сохранятъ свои уродливыя очертанія, потому что «попытка поставить все дѣло землеустройства на почву выдѣла отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ домохозяйствамъ, чрезвычайно замедлила бы работу размежеванія» [2]). Правительство сознается, что техническихъ силъ и средствъ на дѣйствительное, а не бумажное единоличное землеустройство у него не хватаетъ, и проектируетъ «пока» заняться лишь отмежеваніемъ поселенныхъ надѣловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько селеній владѣютъ сообща какимъ-нибудь участкомъ. Внутри поселенныхъ надѣловъ землевладѣніе отдѣльныхъ дворовъ останется въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ теперь. Хаосъ этотъ закрѣпится «священной» собственностью и съ каждымъ переходомъ по наслѣдству будетъ все усиливаться, вслѣдствіе дробленія полосъ.

Къ такому положенію приведетъ «могучая сила собственности» хозяйство старожиловъ и переселенцевъ, уже устроенныхъ на казенныхъ земляхъ. На участкахъ, заготовляемыхъ вновь для пере-

[1]) Объяснительная записка къ «Положенію», стр. 11.

селенцевъ, вѣдомство старается нарѣзать какъ можно больше хуторовъ и отрубовъ. Въ 1913 г. $^3/_5$ всей земельной заготовки намѣчается для «единоличнаго пользованія». Размѣры земельныхъ заготовокъ съ 1912 г., т. е. съ начала эры хуторизаціи переселенческаго фонда, рѣзко сократились: въ шестилѣтіе 1906-11 г.г. ежегодно заготовлялось 4560 тыс. дес., въ 1912 г.—1275 тыс., а въ 1913 г. предположено заготовить всего 800 тыс., не смотря на ростъ числа переселенцевъ, который вѣдомство предвидѣло заранѣе. Такое сильное паденіе заготовокъ вызывается не только сокращеніемъ удобныхъ незанятыхъ земель Сибири, но и техническими трудностями и дороговизной размежеванія на хутора и отруба. Изъ объяснительной записки къ смѣтѣ на 1913 г. видно, что заготовка участковъ для общаго поселеннаго пользованія обходится *втрое* дешевле, чѣмъ заготовка единоличныхъ участковъ, не считая гидротехническихъ и дорожныхъ сооруженій; между тѣмъ хуторскіе участки требуютъ вдесятеро больше колодцевъ и другихъ водовмѣстилищъ и во много разъ больше дорогъ, чѣмъ поселковые. Въ той же запискѣ говорится о необходимости «обезпечить участки единоличнаго пользованія хотя бы простѣйшими подъѣздными дорогами къ существующимъ уже магистралямъ», а для этого требуется «сильно развить изысканія и значительно усилить дорожное «строительство», (стр. 111). При казенномъ хозяйничаньи одинъ колодецъ обходится въ 275 руб., верста дороги—болѣе 1000 руб.

Дороги, колодцы—сами по себѣ полезныя предпріятія, хотя, удорожая заготовку земель, они тѣмъ самымъ сокращаютъ ея размѣры. Но единоличное устройство переселенческаго фонда приноситъ безусловный вредъ дѣлу колонизаціи, въ виду сильной разнокачественности, пестроты почвъ въ Сибири. При поселенномъ размежеваніи и болѣе, и менѣе плодородные куски земли будутъ заняты и такъ или иначе использованы; при единоличномъ—никому нѣтъ охоты занимать плохіе отруба, и переселенцы не соблазняются ни «поддачей» земли—прибавкой лишняго количества десятинъ, ни даже денежнымъ вознагражденіемъ. Поэтому, худшіе по качеству почвы хутора и отруба рискуютъ остаться незаселенными еще долгое время. Единоличное размежеваніе убавляетъ, такимъ образомъ, переселенческій фондъ, и безъ того не особенно значительный.

Итакъ, введеніе начала земельной собственности въ Сибири и единоличное землеустройство затормозятъ колонизацію и повредятъ развитію производительныхъ силъ страны, потому что, во 1-хъ, при этомъ надолго будетъ закрѣплена та земельная неурядица, которая наблюдается обычно при переходѣ отъ вольно-захватнаго къ уравнительно передѣльному общинному землепользованію; во 2-хъ, вслѣд-

ствіе техническихъ трудностей, сократится размѣръ земельныхъ заготовокъ для переселенцевъ; въ 3-хъ, единоличное землеустройство обходится гораздо дороже поселеннаго; въ 4-хъ, переселенцы обходятъ и будутъ обходить неудобные въ почвенномъ отношеніи хутора и отруба. Вслѣдствіе разнокачественности земель, по признанію оффиціальныхъ отчетовъ, на одинъ дворъ отводится по 2 или 3 отруба, т. е. все таки, создается черезполосица.

Послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ параграфовъ современной переселенческой программы—насажденіе *крупнаго землевладѣнія*. Попытки создать сибирскихъ помѣщиковъ дѣлаются уже давно—съ 1822 г., когда, ради привлеченія на службу лучшаго состава чиновниковъ и для того, чтобы привязать ихъ къ Сибири, было дано имъ право получать землю въ собственность. Законы и указы, расширяющіе и дополняющіе это право, издавались въ 1832, 1840 и 1860 г.г., но не дали почти никакого результата, потому что и въ Европейской Россіи земля легко доставалась помѣщикамъ. Съ 1868 г. образуются въ казачьихъ войскахъ такъ называемые «офицерскіе» участки, составляющіе и понынѣ главные кадры частно-владѣльческихъ земель въ Азіатской Россіи. Извѣстный Сипягинскій циркуляръ 1901 г. опять остался безрезультатнымъ. Въ настоящее время частныя владѣнія въ Азіатской Россіи занимаютъ площадь всего въ 1,2 мил. дес., изъ которыхъ 590 тыс. находятся на казачьихъ земляхъ въ степномъ краѣ, 430 тыс. въ Западной Сибири (почти исключительно въ Тобольской губ.), 101 тыс.—въ восточной и 63 тыс. въ Пріамурьи; въ Туркестанѣ такихъ земель почти нѣтъ. Казачьи офицерскіе участки занимаютъ лучшія «поемныя» земли по Иртышу и другимъ рѣкамъ: «войсковая старшина», при выборѣ земель для себя, охулки на руку не положила. Но, не смотря на это, офицеры совсѣмъ не занимаются хозяйствомъ. До XX вѣка они сдавали земли въ аренду киргизамъ и переселенцамъ, а съ 1900-хъ г.г. стали усиленно ихъ распродавать разному пришлому люду: кубанскимъ овцеводамъ, нѣмцамъ-колонистамъ, разнымъ земельнымъ спекулянтамъ и, изрѣдка, богатымъ переселенцамъ. Общая сумма позе-мельныхъ сдѣлокъ, совершенныхъ у нотаріусовъ степного края, поднялась съ 4,9 мил. р. въ 1901 г. до 27 мил. въ 1909 г. Сильно увеличилась также мобилизація частныхъ земель въ Тобольской губерніи, гдѣ ихъ скопилось около 400 тыс. дес.; въ лучшихъ уѣздахъ за $3^1/_2$ года (1 янв. 1908—1 мая 1911 г.) нотаріальнымъ порядкомъ утверждено 170 сдѣлокъ на площади въ 143 тыс. дес., при чемъ имѣнія, при переходѣ изъ рукъ въ руки, сильно дробятся, что наблюдается и въ степномъ краѣ. Изъ 407 владѣльцевъ въ настоящее время 296 крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, 101 чиновниковъ и военныхъ и

только семь потомственныхъ дворянъ. Дворянское и офицерско-чиновничье земледѣліе ликвидируется въ Сибири гораздо скорѣе, чѣмъ въ коренной Россіи. При первыхъ же слухахъ объ открытіи отдѣленій крестьянскаго банка, со всѣхъ сторонъ сыплются предложенія о продажѣ.

И вотъ, при такихъ условіяхъ, правительствомъ еще разъ дѣлается попытка насадить крупное землевладѣніе, подъ видомъ поощренія «культурнаго скотоводства». По распоряженію главноуправляющаго землеустройствомъ, наряду съ переселенческими участками нарѣзываются, для надобностей этого скотоводства, «оброчныя статьи», и 300 тыс. дес. этихъ «статей» въ лучшихъ областяхъ уже пущены въ аренду, а, по утвержденіи проекта о продажѣ, будутъ проданы безъ торговъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, которыя произведутъ своего рода «искусственный отборъ» г.г. «скотоводовъ», нужныхъ правительству въ виду неизбѣжнаго, въ ближайшемъ будущемъ, *введенія земства* въ азіатскихъ областяхъ. Вотъ тутъ-то и разгадка дѣла. Правительство, ясно сознавая эту неизбѣжность, старается разными оттяжками выиграть время, чтобы, тѣмъ или инымъ путемъ внѣдрить крупныхъ собственниковъ-цензовиковъ въ демократическую толщу сибирскаго населенія. По словамъ г. Гинса, «заявили желаніе занять земли 15 извѣстныхъ коневодныхъ хозяевъ» (г.г. Новосильцевъ, князь Касаткинъ-Ростовскій, графъ Медемъ, князь Кочубей и другіе). Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслось также къ этому начинанію Главное Управленіе по дѣламъ коннозаводства и Управленіе по ремонтированію арміи, ассигновавъ піонерамъ даже извѣстныя субсидіи» [1]).

Если вѣдомство будетъ нарѣзывать «оброчныя статьи» въ лучшихъ мѣстахъ, если чиновники станутъ сдавать въ аренду и продавать землю безъ торговъ, по сепаратному соглашенію съ сіятельными «скотоводами», за дешевую цѣну, а центральная бюрократія напутствуетъ ихъ въ дальнюю дорогу не только благими пожеланіями, но и казенными субсидіями—отчего этимъ послѣднимъ и не пріобрѣсти лишнихъ имѣній. Оброчныя статьи уже начали пріобрѣтаться и сіятельными, и простыми чиновниками; на землю набросились разные спекулянты - хищники, но мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, это расхищеніе и безъ того небольшого колонизаціоннаго фонда не создастъ ни культурнаго скотоводства, ни образцоваго полеводства. Если, какъ иногда стараются увѣрить насъ оффиціозы, «частной предпріимчивости»

---

1) Г. Гинсъ, «Переселеніе и колонизація». «Вопросы Колонизаціи», №12, стр. 96.

будутъ предоставляться площади, непригодныя для переселенцевъ, то вѣдь въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ ростутъ горькая полынь да соленый камышъ, и новоявленные помѣщики не станутъ разводить англійскихъ скакуновъ и тонкорунныхъ овецъ, просто потому, что это не возможно. Если же, что гораздо вѣроятнѣе, крупные владѣльцы получатъ разные лакомые куски земли, отрѣзываемые бокъ о бокъ съ крестьянскими надѣлами, то и тамъ не разовьется ни скотоводство, ни улучшенное земледѣліе, уже потому, что оно будетъ *невыгодно*: гораздо выгоднѣе окажется сдача земли въ аренду самовольцамъ и прочимъ переселенцамъ-неудачникамъ, кадры которыхъ будутъ возрастать вслѣдствіе истощенія переселенческаго фонда и надвигающагося новаго подъема переселенческой волны. Недаромъ г. Гинсъ мечтаетъ, что съ введеніемъ собственности на землю «пойдетъ неизбѣжный и необходимый процессъ обезземеленія части населенія». Еще проще и выгоднѣе будетъ продажа имѣній черезъ крестьянскій банкъ, по хорошимъ цѣнамъ...

Такова, въ основныхъ очертаніяхъ, послѣдняя правительственная программа по переселенческому вопросу. Въ ней есть зерно здравой экономической политики, но это зерно закопано глубоко въ каменистую, безплодную почву побочныхъ національныхъ, бюрократическихъ, анти-демократическихъ и анти-хозяйственныхъ тенденцій; поэтому, оно не принесетъ даже средняго урожая. Отказываясь отъ полицейскихъ традицій запрещенія и пресѣченія, регулируя колонизацію только посредствомъ ссуднаго аппарата, правительство хоть отчасти вноситъ извѣстную планомѣрность въ стихійное переселенческое движеніе. Но оно испортило эту положительную сторону своей программы, внесло дезорганизацію въ трудное и безъ того безпорядочно поставленное дѣло колонизаціи. Три пункта программы неизбѣжно повлекутъ за собой такую дезорганизацію: продажа земель на западѣ Сибири, разрушеніе общины единоличнымъ землеустройствомъ и насажденіе никчемнаго, съ хозяйственной точки зрѣнія, и потому инстинктивно стремящагося къ самоупраздненію крупнаго землевладѣнія.

Продажа земель переселенцамъ не привлечетъ, а оттолкнетъ отъ запада зажиточныхъ крестьянъ, но не оттолкнетъ бѣдняковъ, которымъ некуда дѣваться и которымъ арендные и выкупные платежи подрѣжутъ подъ корень ихъ слабые рессурсы именно тогда, когда они закладываютъ фундаментъ своего хозяйства, когда каждый лишній десятокъ рублей стоитъ сотни, добытой въ иное время. Непроизводительный расходъ на земельные платежи задержитъ, обезсилитъ поступательный ходъ эволюціи переселенческаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія производительныхъ силъ страны.

Разрушеніе едва слагающейся сибирской общины приведетъ въ хаотическое состояніе распредѣленіе угодій и полосъ въ крестьянскихъ надѣлахъ именно въ тотъ моментъ, когда надвигающійся кризисъ экстенсивнаго земледѣлія показываетъ, что и для Сибири настаетъ пора перехода къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія. Въ этотъ моментъ раціональная распланировка угодій и пахотныхъ полей, все равно, производится ли она общиной или спеціалистами-землемѣрами, столь же необходима, какъ необходимъ архитектурный планъ для постройки зданія. Правительство изгоняетъ одного архитектора—самъ народъ, но не желаетъ и не можетъ дать другого—ученыхъ землемѣровъ и агрономовъ. И сибирская деревня, столкнувшись съ земледѣльческимъ кризисомъ, окажется еще гораздо менѣе подготовленной, чѣмъ деревня коренной Россіи, до сихъ поръ еще не вышедшая побѣдительницей изъ этой борьбы.

Единоличное землеустройство уменьшитъ использованность переселенческаго фонда, удорожитъ въ нѣсколько разъ и сократитъ, этимъ самымъ, земельныя заготовки. Урѣжетъ переселенческій фондъ и насажденіе крупнаго землевладѣнія, которое, сверхъ того, вызоветъ непроизводительныя траты изъ народнаго кармана на покупку и аренду земель у новоявленныхъ помѣщиковъ. Будемъ надѣяться, что ихъ не удастся насадить ихъ въ большомъ числѣ: слишкомъ было бы обидно, если бы у насъ въ двадцатомъ вѣкѣ повторилась въ Сибири исторія восемнадцатаго, когда десятки милліоновъ десятинъ разбрасывались направо и налѣво придворнымъ фаворитамъ.

При теперешнемъ политическомъ режимѣ всѣ эти вредные, съ экономической точки зрѣнія, законопроекты могутъ пройти въ жизнь. Насколько хватитъ силъ у бюрократіи, она поможетъ имъ продѣлать свою разрушительную работу. Слѣды неурядицы, хаоса, пауперизаціи населенія не изгладятся и при нѣкоторомъ просвѣтлѣніи политическаго горизонта Россіи. Потребуется много милліоновъ, много народнаго труда, чтобы возстановить разрушенное, чтобы направить колонизацію и хозяйственное развитіе нашихъ окраинъ на правильный путь. Но, даже и при вполнѣ раціональной постановкѣ переселенческаго дѣла, независимой отъ случайностей политическаго режима, переселеніе, какъ факторъ, поглощающій избыточное населеніе деревенской Россіи, особенно многаго дать не можетъ. Колонизаціонная емкость Азіи, если не затрачивать сотенъ милліоновъ на меліораціи, измѣряется приблизительно 250—300 тыс. колонистовъ земледѣльческаго типа въ годъ. Къ нимъ, со временемъ, прибавится сто-полтораста тысячъ душъ, поглощаемыхъ ростущими городами, горно-заводской и всякой другой внѣ-городской промышленностью, для которой Сибирь представляетъ широкую арену. Въ общемъ,

при всей своей необъятности, и большихъ природныхъ богатствахъ, наши азіатскія колоніи не смогутъ вмѣстить болѣе пятой или шестой части двухмилліоннаго прироста крестьянъ коренной Россіи. Это—максимумъ возможной колонизаціи при какомъ угодно режимѣ. Затрачивать же сотни милліоновъ на меліораціи для расширенія даннаго природой готоваго земельнаго фонда, за исключеніемъ Туркестана, гораздо цѣлесообразнѣе въ Европейской Россіи, гдѣ десятки милліоновъ десятинъ болотъ, песковъ, овраговъ, неорошенныхъ, но пригодныхъ для земледѣльческой культуры земель, еще ждутъ своей очереди.

Второе, еще болѣе дѣйствительное средство для расширенія крестьянскаго землевладѣнія—правильная постановка современной мобилизаціи владѣльческихъ и внутринадѣльныхъ земель. Тотъ милліонъ (или около того) ежегоднаго прироста деревенскаго населенія, который не можетъ устроиться ни въ городахъ, ни въ Азіатской Россіи, долженъ быть размѣщенъ, при помощи этихъ и другихъ способовъ, на территоріи Европейской Россіи. Въ противномъ случаѣ, какъ мы указали въ первомъ очеркѣ, у насъ уплотненіе населенія всегда будетъ опережать эволюцію земледѣлія, будетъ нарастать малоземелье, голодъ, нужда, а съ ними вмѣстѣ и паденіе производительныхъ силъ.

Н. Огановскій.